20 3/125

ПОУЧЕНІЯ

ДЛЯ

ПРОСТАГО НАРОДА.

СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

ПЕТРА КРАСОВСКАГО.

Изданіе второе, исправленное.

ВЯТКА

ПЕЧАТНЯ А. А. КРАСОВСКАГО.

1874.

20 3/125

ПОУЧЕНІЯ

ДЛЯ

ПРОСТАГО НАРОДА.

СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

ПЕТРА КРАСОВСКАГО.

Изданіе второе, исправленное.

ВЯТКА — 1
ПЕЧАТНЯ А. А. КРАСОВСКАГО.
1874.

F 61/59

2005004551

Печатано съ разрѣшенія Московской Духовной Академіи. 25 марта 1874 г.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій*.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
636-05

1

ПОУЧЕНІЕ

въ день новаго года.

Быстро летитъ время, быстро и жизнь наша идетъ къ концу. Давно ли, кажется, мы праздновали наступленіе новаго, теперь уже прошедшаго года; но вотъ наступилъ и еще новый годъ. Братія! также не замѣтно пройдетъ и весь нашъ здѣшній вѣкъ; также нечувствительно протечетъ и цѣлая наша земная жизнь. Пожалуй, и не увидишь, какъ доживешь до своей смерти.

Пройде жатва, мимо иде лѣто, и мы нѣсмы спасени (Іерем. 8, 20). Съ каждымъ днемъ смерть становится къ намъ все ближе и ближе, а мы все еще мало думаемъ о спасеніи: все еще надѣемся пожить подольше; все еще ожидаемъ, что успѣемъ приготовиться къ смерти. А кто знаетъ, будетъ ли смерть ждать нашей къ ней готовности? Кто и чѣмъ можетъ увѣриться, что придетъ она именно по нашимъ ожиданіямъ?

Годъ отъ году мы старѣемся, а не молодѣемъ. Вотъ нынѣ кому изъ насъ минуло 20 лѣтъ, кому 30, кому 40, кому и 70; а многіе изъ насъ какъ будто еще не живали. Отчего же это? Оттого, что жизнь наша прошла въ грѣхахъ. Съ грѣхами все равно, что мы жили, что нѣтъ,—жили словно не жили; грѣхи отравляли всѣ радости нашей жизни, и самыя блага ея обращали намъ во зло; грѣхи дѣлали насъ недовольными ни собой, ни людьми, ни свѣтомъ. Не только каждый новый годъ, но и каждый новый день приносили намъ съ собою лишь новыя нужды, новыя заботы, новыя печали. Точно, мы еще не живали истинно: это совершенно чувствуетъ въ себѣ каждый изъ насъ грѣшникъ.

А по надлежащему намъ слѣдовало бы еще тогда начать готовиться къ смерти, какъ только мы родились, или по крайней-мѣрѣ какъ только съ сознаніемъ ощутили жизнь свою; потому что мы для того и живемъ, чтобы умереть; а умираемъ для того, чтобы снова жить. Но мы и по пришествіи въ возрастъ мало вспоминаемъ о смерти; и на старости лѣтъ не легко дружимся съ

мыслію о ней. Живой до самой смерти все думаетъ и заботится о житейскомъ, забывая о будущей вѣчной жизни; а черезъ это общее заблужденіе грѣшниковъ какъ легко и скоро совершается наша погибель! Вдругъ подкрадывается къ человѣку нежданная смерть, беретъ его врасплохъ и передаетъ неготоваго вѣчности и суду Божію.

Если мы раждаемся для того, чтобы умереть, то намъ и должно готовиться къ смерти, какъ къ неизбѣжному концу своему. Тотъ неправильно употребляетъ жизнь свою, кто не готовится къ смерти; тотъ не живетъ истинно, кто не думаетъ умереть. Смерть можетъ взять жизнь нашу, по волѣ Божіей, и въ дѣтствѣ, и въ юности, и въ среднихъ лѣтахъ, и въ старости. Приходъ смерти намъ не извѣстенъ,—и тѣмъ болѣе намъ нужно быть готовыми къ ней во всякое время. Но если бы мы и точно знали, что намъ еще долго остается жить на здѣшнемъ свѣтѣ: тѣмъ не менѣе жизнь наша обречена смерти еще со времени зачатія нашего во чревѣ матери, и никакое продолжительное время не уменьшитъ правъ смерти на жизнь нашу. И мы думаемъ, будто отяготимъ свое существованіе, если будемъ непрестанно готовиться къ смерти? Нисколько! Напротивъ, тогда-то и начнется для насъ жизнь настоящая. Всѣ вещи будутъ казаться намъ тогда не въ ложномъ видѣ, а именно въ томъ, какой онѣ имѣютъ въ дѣйствительности; привязанность къ благамъ міра сего, съ которыми неминуемо, рано или поздно, разстаться, будетъ представляться намъ безразсудною. Тогда съ нашей стороны будетъ менѣе ошибокъ, обольщеній и заблужденій, и мы будемъ довольными и собой, и людьми, и свѣтомъ; что мы ни будемъ запасать, будемъ запасать тогда не на время только, а на вѣки. Хоть готовься къ смерти, хоть не готовься,—смерть все придетъ: такъ не лучше ли ужь къ ней готовиться, когда знаешь, что миновать ея нѣтъ никакой возможности?

Да и что такое заставляетъ насъ отстранять отъ себя мысль о смерти и откладывать спасеніе до будущаго времени? У насъ такъ много дѣлъ, такъ много занятій, такой великій недосугъ! Но пока мы живемъ на землѣ такъ, какъ-будто мы безсмертны, у насъ всегда будетъ множество дѣлъ и занятій и непрестанный недосугъ; житейскихъ дѣлъ своихъ намъ никогда, повидимому, не кончить: такъ неужели поэтому намъ вовсе оставаться безъ спасенія? Избави насъ Богъ! Да и нельзя сказать о всѣхъ нашихъ житейскихъ дѣлахъ, будто они никакъ несовмѣстимы съ спасеніемъ человѣческой души. Напротивъ, Іисусъ Христосъ говоритъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся при-*

ложатся вамъ (Матѳ. 6, 33.), т. е. если вы будете искать спасенія своей души, то всѣ ваши существенныя житейскія нужды будутъ исправлены. Но мы въ настоящее время не расположены заняться спасеніемъ души! Такъ когда же будемъ расположены? Если мы не расположены къ спасенію нынѣ, тѣмъ болѣе будемъ не расположены къ тому въ послѣдующее время,—потому что время только усилитъ въ насъ это нерасположеніе. Трудно разстаться съ тѣмъ, чѣмъ мы занимались долгое время, и трудно приняться за то, за что весь вѣкъ ни разу не принимались. «Кто говоритъ: въ молодости согрѣшимъ, а въ старости покаямся, тотъ, по словамъ св. Кирилла Александрійскаго, находится въ обольщеніи діавольскомъ» *). Итакъ начнемъ, братія, спасаться, хоть и съ усиліемъ для самихъ себя, именно нынче, не откладывая этого важнаго дѣла до завтра, или до другаго болѣе отдаленнаго времени. Откладывать спасеніе души до будущаго времени опасно,—будущее время намъ неизвѣстно. Кто знаетъ,—быть можетъ, завтрашній же день не будетъ насъ на семъ свѣтѣ.

Братія! время дорого,—дороже, нежели какъ мы его считаемъ. Дорогъ не только годъ или часъ, но дорога и каждая минута; потому что и съ потерею одной минуты мы теряемъ многое въ будущей жизни. Время есть для насъ цѣна вѣчности. Сколько мы теряемъ въ нынѣшней короткой жизни, столько же теряемъ и въ безконечной вѣчности. Если погубимъ все время, значитъ погубимъ всю вѣчность; если не спасемся въ теченіи цѣлой здѣшней жизни, значитъ погибнемъ на цѣлую жизнь будущую. А мы, не смотря на такую драгоцѣнность времени, теряемъ не минуты или часы, а цѣлые годы; да и всей жизни, примѣтно, готовы не пощадить. Потому что вотъ шли годы за годами, а мы спасаться еще не начинали; вотъ пришелъ и еще новый годъ, но и онъ засталъ насъ въ старыхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ. Сколько мы похоронили знакомыхъ, друзей, сродниковъ! но и эти примѣры насъ не тронули; вотъ приближается къ каждому изъ насъ и собственная смерть, но мы все еще не ужасаемся, все еще на что то надѣемся, все еще не принимаемся за спасеніе и не готовимся къ смерти.

Братія! мы всѣ желаемъ непремѣнно спастись, и всѣ непремѣнно должны приняться за это святое дѣло скорѣе, какъ можно скорѣе, именно съ теперешняго дня и часа. И такъ уже много опоздали мы въ царство небесное; и такъ уже давно стоимъ

---

*) Слов. о исходѣ души.

праздными для Бога: впрочемъ не пропала наша надежда, только не промедлить бы болѣе. Богъ принимаетъ къ себѣ людей во всякое время и раздаетъ щедрую плату приходящимъ на трудъ спасенія и поздно и рано (Матѳ. 20, 1—16.); Онъ всѣхъ, обращающихся къ Нему, принимаетъ въ число обитателей царства небеснаго. Поспѣшимъ же приготовиться къ будущему вѣчному житію; иначе смерть легко можетъ застать насъ неготовыми туда явиться. Аминь.

2

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 32-ю по Пятидесятницѣ.

О БЛАГОЧЕСТИВЫХЪ ОБѢТАХЪ.

Во времена земной жизни Іисуса Христа въ Іудейскомъ народѣ существовало ненавистное сословіе сборщиковъ податей, которое намъ извѣстно подъ именемъ мытарей. За свои неправды и жестокость мытари считались отъявленными грѣшниками, такъ что народъ не сообщался съ ними и не ѣлъ вмѣстѣ. Когда Іисусу Христу случилось проходить городомъ Іерихономъ, тогда одинъ такой мытарь, по имени Закхей, будучи малъ ростомъ, влѣзъ на дерево, чтобы оттуда увидѣть проходившаго Господа Іисуса. Іисусъ замѣтилъ Закхея на деревѣ и, желая спасти этого грѣшника, Самъ выразилъ намѣреніе посѣтить домъ его. Великодушіе Спасителя, удостоившаго Своимъ посѣщеніемъ всѣми отверженнаго грѣшника, вдругъ перемѣнило жестокую душу сборщика податей. *Половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ*, сказалъ Закхей Господу, *и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу вчетверо.* Вотъ обѣщаніе, данное именно отъ чистаго и кающагося сердца! За то и Іисусъ Христосъ вполнѣ простилъ покаявшагося такимъ образомъ грѣшника и возвѣстилъ ему полное спасеніе: *нынѣ пришло спасеніе дому сему* (Лук. 19, 1—9).

Братія! мы всѣ грѣшники, но не вовсе же безпечны о своемъ душевномъ спасеніи. Усердіе къ Богу, желаніе загладить предъ Нимъ грѣхи свои, а также различныя обстоятельства нашей жизни побуждаютъ часто и насъ давать предъ Богомъ различныя обѣщанія. Но это оружіе противъ зла не всегда бываетъ въ нашихъ рукахъ успѣшно; потому что наши обѣщанія, къ сожалѣнію, не всегда богоугодны, не всегда благоразумны, а иногда заставляютъ даже насъ самихъ раскаяваться въ томъ, что мы дали ихъ Богу.

Мы часто даемъ обѣщанія предъ Богомъ отслужить нѣсколько молебновъ въ церкви и въ домѣ, творить въ сутки по нѣскольку молитвенныхъ поклоновъ, стоять на молитвѣ по нѣскольку часовъ и т. п. Такія обѣщанія служатъ несомнѣннымъ признакомъ нашего усердія къ Богу и во всякомъ случаѣ достойны того, чтобы ихъ исполнить. Но при этомъ мы должны знать, что для угожденія Богу важно не самое обѣщаніе, а добросовѣстное исполненіе обѣщаннаго. Хорошо исполнено обѣщанное дѣло,—и оно пріятно Богу; дѣло худо исправлено,—и обѣщаніе не придастъ ему тѣхъ достоинствъ, какихъ оно само въ себѣ не имѣетъ. Мы нарушаемъ свои обѣщанія предъ Богомъ не только тогда, когда ихъ рѣшительно не исполняемъ, но и тогда, когда исполняемъ ихъ не такъ, какъ должно; т. е. въ данномъ случаѣ мы уже нарушили свое обѣщаніе передъ Богомъ, если кое-какъ помолились во время служенія обѣщанныхъ молебновъ, кое-какъ сотворили положенное число поклоновъ, кое-какъ употребили на молитву положенное число часовъ и т. п. Вѣдь и передъ людьми мы были неправы, если бы стали платить имъ наши долги фальшивою монетою.

Многіе изъ насъ берутъ на себя болѣе трудные обѣты, именно: даютъ Богу обѣщанія совершенно не употреблять мясной пищи, поститься въ понедѣльники, Успенскій постъ продолжать до дня усѣкновенія главы св. Предтечи Іоанна и т. п., и такія обѣщанія исполняютъ очень строго. Это, очевидно, уже сверхъ заповѣдей св. Церкви. Обѣщанія кажутся великими,—велики, повидимому, и тѣ христіане, которые даютъ ихъ предъ Богомъ. Извѣстно, что мясная пища въ положенные дни разрѣшена всѣмъ мірскимъ христіанамъ, что постъ въ понедѣльники церковнымъ уставомъ не положенъ, а постъ Успенскій по уставу долженъ продолжаться только по день Успенія Пресв. Богородицы. Не менѣе должно быть извѣстно для насъ и то, что на всѣхъ вѣрныхъ христіанъ безъ исключенія возложена великая и непремѣнная обязанность любить Бога больше всего на свѣтѣ и любить другихъ людей, какъ самихъ себя, и что безъ исполненія этой обязанности не помогутъ нашему спасенію никакіе наши посты и никакія наши молитвы. И если нѣкоторые изъ насъ берутъ на себя болѣе, чѣмъ велѣно, т. е. произвольно обязываются предъ Богомъ поститься сверхъ положеннаго уставомъ: то надобно, чтобы они свято исполняли все то, что велѣно; надобно, чтобы они уже не нарушали никакихъ христіанскихъ заповѣдей; надобно, чтобы они были не гнѣвливы, несварливы, незлобивы, миролюбивы, милосерды, терпѣливы, во всемъ воздержны и т. п. Иначе, что же пользы удерживать себя отъ того, что

позволено, а что запрещено, то дѣлать? Вѣдь посты, будь они сверхъ церковнаго устава, нисколько не освобождаютъ насъ отъ исполненія возложенныхъ на насъ христіанскихъ обязанностей; а напротивъ, для того и соблюдаются добрыми христіанами, чтобы укротить свою грѣхолюбивую плоть и удобнѣе исполнять христіанскія обязанности. Безъ этой цѣли наши обѣщанія жить строже того, чѣмъ намъ заповѣдано, легкомысленны, и всѣ наши произвольные посты Богу не угодны, а душѣ не спасительны. Во всякомъ случаѣ лучше ѣсть за общимъ столомъ позволенную и благословенную Богомъ пищу, нежели, связавши обѣщаніемъ уста свои отъ ея принятія, смотрѣть съ завистію на ядущихъ. Обѣщанія поститься сверхъ положеннаго могутъ давать и съ пользою для души исполнять только *люди, которые извѣдали сладость божественной любви. Возвышаясь постепенно въ духовныхъ совершенствахъ*, они доходятъ наконецъ до постовъ самыхъ строжайшихъ и до подвиговъ изумительныхъ; за то они удерживаютъ себя отъ позволеннаго единственно для того, чтобы лучше и совершеннѣе исполнить все то, что велѣно.

Давать обѣщанія, даже хорошія и благоразумныя, легко; но вѣдь надобно и исполнять ихъ. И мы щедры на обѣщанія Богу, только часто не исполняемъ ихъ, и еще чаще исполняемъ худо. Случается, бѣда, а не усердіе заставляетъ насъ дать Богу то или другое обѣщаніе; бѣда миновала,—и мы забыли, что обѣщали. А ежели мы, грѣшные, такъ склонны къ забвенію обѣщаннаго и непостоянны въ своихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ, то зачѣмъ еще намъ связывать себя безъ крайней нужды обѣщаніями Богу? Если безчестно не исполнить обѣщанія, даннаго человѣку, то можете судить, сколь грѣшно не исполнить обѣщанія, даннаго Самому Богу. Поэтому было бы благоразумнѣе съ нашей стороны творить задуманное нами добро безъ всякаго предварительнаго обѣщанія. И безъ того много нашихъ винъ предъ Богомъ: зачѣмъ еще произвольно подвергать себя опасности солгать Богу?

То правда, что нашъ обычай давать Богу различныя обѣщанія взять съ примѣровъ, истинно достойныхъ нашего подражанія, именно съ житій св. угодниковъ Божіихъ. Но св. угодники Божіи обѣщавались передъ Богомъ только въ томъ, что истинно угодно Богу и что они были намѣрены непремѣнно исполнить,—и свои обѣщанія исполняли дѣйствительно и добросовѣстно. Обѣщанія были для нихъ полезны, потому что были основаны на любви къ Богу, въ которой св. угодники достаточно утвердились и для которой нѣтъ ничего неисполнимаго. Давъ слово совершить христіанскій подвигъ, угодники совершали его уже изъ боязни нарушить

слово,—изъ страха солгать Богу. Такимъ образомъ обѣщанія придавали имъ какъ-будто крылья для полета къ небесамъ: связавъ себя обѣщаніями, они восходили на степень безплотныхъ Ангеловъ. Само собою разумѣется, что св. угодники Божіи не надмѣвались своими высокими совершенствами, даже не замѣчали ихъ въ себѣ; и творя добро сверхъ заповѣданнаго, не освобождали себя, подобно намъ, отъ исполненія того, что заповѣдано. Напр., отрекаясь отъ вкушенія заколотыхъ животныхъ, они уже и съ живыми животными обращались милосердо; воздерживаясь отъ мясной пищи, они уже и въ употребленіи постной пищи соблюдали строгую умеренность; возлагая на себя произвольные посты, они не останавливались на постничествѣ въ отношеніи къ одной пищѣ, а простирали его на свои помыслы, на свои желанія, на свои чувства, на всѣ движенія плоти и духа; бо́льшую часть своей жизни употребляя на молитву Богу, они остальное время работали тѣлесно или умственно, и такъ ограничивали свои житейскія нужды, чтобы по возможности не пользоваться подаяніями ближнихъ. А какъ мы не усовершились еще ни въ обыкновенномъ естественномъ милосердіи, ни въ воздержаніи относительно даже позволенныхъ благъ жизни, ни въ простой честности въ обращеніи съ людьми: то свойственно ли намъ брать на себя произвольно великія дѣла совершенныхъ христіанъ, для насъ грѣшныхъ и слабыхъ вовсе непосильныя? Вѣдь это не подражаніе угодникамъ Божіимъ, ежели мы, отрекаясь по ихъ примѣру отъ позволенной мясной и скоромной пищи, не по ихъ примѣру сластолюбствуемъ въ пищѣ постной; ежели, простаивая на молитвѣ цѣлыя ночи, мы не истребляемъ въ сердцѣ своемъ враждебныхъ чувствъ къ людямъ; ежели, подвергая произвольно различнымъ трудамъ и лишеніямъ плоть свою, мы не исполняемъ обязательной для всѣхъ заповѣди Божіей, повелѣвающей намъ любить другихъ, какъ самихъ себя (1 Кор. 13, 3). Это не подражаніе угодникамъ Божіимъ, это не святость, а только личина святости, подъ которою мы въ сущности остаемся величайшими грѣшниками. При такомъ подражаніи мы, по словамъ Іисуса Христа, *лицемѣры оставляющіе*, подъ видомъ наружнаго благочестія, *важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру*; мы *слѣпые* люди, *оцѣживающіе комара, а верблюда пожирающіе*. При такомъ подражаніи мы уподобляемся *окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей и всякой нечистоты* (Мато. 23, 23; 24, 21). Примѣры угодниковъ Божіихъ должны производить въ насъ не лицемѣріе и пустосвятство, а благочестіе истинное, дѣйствительное; если же мы не въ силахъ подражать ихъ славнымъ

дѣламъ, то можемъ и должны подражать ихъ дѣяніямъ менѣе видимымъ, но не менѣе необходимымъ для угожденія Богу и болѣе для насъ посильнымъ. Мы должны подражать угодникамъ Божіимъ не въ произвольныхъ обѣтахъ ихъ Богу и не въ томъ, что они дѣлали сверхъ заповѣданнаго, а въ томъ, какъ они исполняли обязательную для всѣхъ волю Божію. Было бы покуда для насъ грѣшныхъ совершенно достаточно, если бы мы, по примѣру св. угодниковъ Божіихъ, пріучали себя къ твердой вѣрѣ, къ надеждѣ на промыслъ Божій, къ благодушному терпѣнію, къ довольству своею участью, къ миру со всѣми людьми, къ прощенію обидъ, къ безкорыстію, къ вѣрности своему долгу и т. п. Вотъ и упоминаемый въ нынѣшнемъ евангеліи мытарь Закхей началъ свое обращеніе къ Богу не съ тягостныхъ постовъ и не съ продолжительныхъ молитвостояній, а съ обѣщанія раздѣлить все свое неправедное нажитое имущество бѣднымъ и всѣхъ имъ обиженныхъ вознаградить вчетверо: *половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ*, обѣщавался онъ предъ Господомъ, *и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу вчетверо.*

Будемъ же, братія, благоразумны и осторожны въ обѣщаніяхъ Богу. Прежде сообразимся съ нашими силами, съ нашимъ духовнымъ состояніемъ, съ нашими обстоятельствами, съ образомъ нашей жизни, и потомъ уже дадимъ обѣщаніе. Иначе лучше вовсе не давать обѣщаній, нежели, давши, не исполнить ихъ, или исполнить недобросовѣстно, кое-какъ. Но не забудемъ при этомъ, что на каждомъ изъ насъ есть уже обѣщанія, данныя нами, или за насъ воспріемниками нашими, предъ Богомъ при нашемъ крещеніи: отречься сатаны, сочетаться Христу и во всю жизнь пребывать столь же непорочными, какими мы вышли изъ св. купели. И только такія послѣдующія обѣщанія съ нашей стороны могутъ быть цѣнными предъ Богомъ и спасительными нашей душѣ, которыя способствуютъ намъ къ исполненію обѣщаній, данныхъ нами при нашемъ крещеніи; всѣ инаковыя обѣщанія суетны и безполезны. Аминь.

3

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ.

Іисусъ Христосъ разъ предложилъ слушателямъ Своимъ слѣдующую притчу. Два человѣка вошли въ церковь помолиться:

одинъ фарисей—человѣкъ набожный, другой мытарь—отъявленный грѣшникъ. Фарисей сталъ впереди въ церкви и такъ молился Богу: «Господи, благодарю Тебя, что я не такой грѣшникъ, каковы другіе люди, или каковъ сей мытарь; я много пощусь и молюсь, отдаю Тебѣ въ даръ десятую долю изъ всего, что пріобрѣтаю». Мытарь же, стоя въ церкви вдали, не смѣлъ даже глазъ своихъ поднять на небо; но ударяя себя въ грудь, говорилъ тихо: *Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!* И что же, какъ Богъ принялъ молитву того и другаго? Молитву мытаря Богъ услышалъ, а молитву фарисея отвергнулъ. Тотъ, кто вошелъ въ церковь величайшимъ грѣшникомъ, вышелъ изъ нея болѣе оправданнымъ, чѣмъ тотъ, кто вошелъ въ церковь праведникомъ въ собственномъ и людскомъ мнѣніи (Лук. 18, 10—14).

Этою поучительною притчею Господь внушаетъ намъ, что не всякая молитва Богу пріятна и душѣ спасительна. Иная молитва, дѣйствительно, привлекаетъ къ молящемуся благоволеніе Божіе, а иная противна Богу и служитъ молящемуся не въ пользу, а только во вредъ. Конечно, намъ никакъ нельзя не молиться, потому что не молиться значитъ не имѣть общенія съ Богомъ; но если мы собрались помолиться Богу, то должны помолиться Ему не для того, чтобы нанести Ему новое оскорбленіе, а для того, чтобы умолить Его о прощеніи уже нанесенныхъ нами Ему оскорбленій. На молитвѣ мы должны не требовать отъ Бога желаемыхъ нами благъ, какъ платы за наши всегда мнимые заслуги, а просить ихъ у Бога, какъ дара, съ сознаніемъ нашего дѣйствительнаго недостоинства. Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ считать себя непотребными рабами и тогда, когда бы мы творили все повелѣнное намъ: потому-то самые высшіе молитвенники всегда считали себя предъ Богомъ величайшими грѣшниками, и за свое служеніе удостоивались отъ Бога даровъ обильнѣйшихъ.

Итакъ, братія, никогда не приписывайте своей молитвѣ очень многаго и не думайте, будто вы уже угодили Богу, если Ему помолились. Какова бы ни была наша молитва, мы всегда должны считать ее недостойною Бога, Которому молимся; и та молитва, можетъ быть, есть самая совершеннѣйшая, которую мы, по смиренію своему, считаемъ въ себѣ самою несовершенною и недостойною.

Безспорно, что всякій христіанинъ молится Богу для спасенія своей души. Если же такова вообще цѣль нашей молитвы, то къ чему, подумаешь, допускается нами въ молитвѣ такая небрежность? Къ чему въ ней такъ много лицемѣрія, такъ много помысловъ о своей небывалой праведности, а иногда даже желаніе

показаться богомольными въ глазахъ людей? Кто, стоя на молитвѣ предъ Богомъ, разговариваетъ съ другими, оглядывается по сторонамъ и вообще ведетъ себя разсѣянно, тотъ, вмѣсто спасенія своей души, творитъ только новые грѣхи на ея погибель: такъ грѣшна молитва небрежная. Не менѣе противна Богу и молитва лицемѣрная. Лицемѣрная молитва въ сущности есть не иное что, какъ обманъ и притворство. Въ лицемѣрной молитвѣ не отъ сердца громкіе вздохи, не отъ души плачъ и воздыханія, и при низкихъ поклонахъ душа молящагося исполнена гордости и возношенія. Вообще здѣсь молится только наше тѣло, а душа нимало не участвуетъ въ молитвѣ, какъ будто она нисколько не нуждается въ спасеніи и въ помощи Божіей. Еще хуже и грѣшнѣе молитва самохвальная, когда мы, подобно упомянутому въ притчѣ Христовой фарисею, пересчитываемъ свои мнимыя добродѣтели, преувеличивая и раскрашивая ихъ въ нашемъ воображеніи. Да, когда мы обращаемся къ Богу для испрошенія у Него какихъ-либо милостей, тогда какъ-то легко возникаютъ въ нашей мысли и наши подаянія нищимъ, и соблюденіе нами постовъ, и почитаніе нами праздничныхъ дней (разумѣется, проведенныхъ нами большею частію въ одной праздности), и частое стояніе на молитвѣ, и вещественныя жертвы наши Богу, и вклады въ церковь, и другія добрыя дѣла, какія мы совершили когда-либо въ нашей жизни; а злоба, ненависть, обиды, притѣсненія, кража, невоздержаніе, злословіе, осквернѣніе души и тѣла и другіе страшные и нераскаянные грѣхи какъ-то забываются, или кажутся намъ не важными и простительными. Но такая молитва есть молитва фарисея, влекущая за собою одно осужденіе Божіе.

Есть люди даже изъ среды насъ, которые съ какимъ-то надмѣніемъ пробираются въ самый передъ церкви, становятся здѣсь на колѣна, молятся въ слухъ, громко воздыхаютъ и восклицаютъ, видимо стараясь обратить на себя всеобщее вниманіе,— будто Богъ смотритъ только на наружность молящихся и не видитъ, что у нихъ на душѣ. А иные во время церковной службы ходятъ къ иконамъ, стоящимъ на болѣе видныхъ мѣстахъ, съ своими свѣчами, которыя разставляютъ на виду всѣхъ присутствующихъ въ церкви, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы люди видѣли ихъ усердіе и знали, что они жертвуютъ Богу,—будто одинъ, нарочно для того приставленный, не можетъ разставить свѣчи къ иконамъ по желанію усердствующихъ. Молитвенники истинные, жертвователи дѣйствительно усердные такъ не дѣлаютъ. И разсудите, братія, можетъ ли быть пріятна Богу такая показная молитва и будетъ ли Ему угодна такая тщеславная жертва? Въ

Священномъ Писаніи сказано: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. 50, 19); а молитва нескромная, приношенія горделивыя составляютъ жертву не Богу, а суетѣ; истекаютъ не изъ любви христіанской, а изъ одного самолюбія, и влекутъ за собою для насъ не оправданіе Божіе, а одно Божіе осужденіе.

Неграмотность и необразованность, конечно, извиняютъ многихъ христіанъ передъ праведнымъ судомъ Божіимъ, если они, по своему невѣдѣнію, въ чемъ предъ Нимъ и погрѣшаютъ; но если мы погрѣшаемъ предъ Богомъ съ сознаніемъ, если наши поступки достойны осужденія по смыслу самому простому, то уже ничто не можетъ извинить насъ предъ судомъ Божіимъ. Фарисей былъ грамотный человѣкъ; онъ, такъ сказать, почивалъ на буквѣ закона Божія, и однакоже, занесшись помыслами о своей безукоризненной жизни, принесъ Богу недостойную молитву, которая послужила ему только въ осужденіе. А мытарь, не упражнявшійся доселѣ въ законѣ Божіемъ, исполнилъ его требованіе тихою, скромною, чистосердечною и покаянною молитвою, которую онъ принесъ Богу въ церкви, въ людскомъ собраніи, но вдали отъ людскаго взора и слуха,—и вышелъ изъ церкви оправданнымъ отъ Бога. Вотъ когда и мы собираемся помолиться Богу, намъ нисколько не трудно вообразить себѣ и при неграмотности нашей, какъ молился упоминаемый въ притчѣ мытарь; какъ онъ сталъ въ церкви позади людей; какъ онъ не смѣлъ даже очей своихъ возвести на небо; какъ горько сокрушался о грѣхахъ своихъ; какъ смиренно каялся предъ Богомъ и просилъ Его о помилованіи. Что же хочетъ сдѣлать лицемѣрный молитвенникъ своею тщеславною молитвою? Для чего онъ величается въ церкви своими колѣнопреклоненіями, громкими воздыханіями и шумными восклицаніями, да еще иногда озирается презрительно на другихъ? Кого онъ хочетъ обмануть такой молитвой? Пусть онъ обманетъ меня, или кого другаго; пусть увѣритъ стоящихъ близъ него, что онъ человѣкъ набожный, богомольный и усердный; пусть всѣ будутъ думать, что онъ угодилъ Богу: а предъ Богомъ-то что̀ такая молитва? а для души-то молящагося какова она? Вѣдь притворствомъ можно обмануть только людей, а не Бога, Который видитъ все и знаетъ самыя тайнѣйшія помышленія въ человѣкѣ.

Молитва къ Богу отверзла для многихъ царство небесное, такъ-что изъ всѣхъ истинныхъ угодниковъ Божіихъ нѣтъ ни одного, который не былъ бы на семъ свѣтѣ молитвенникомъ Богу. Но, увы! многіе изъ грѣшниковъ сдѣлали молитву предметомъ корыстныхъ видовъ, предметомъ обольщенія ближнихъ, предметомъ погибели и своей и другихъ. Явились въ стадѣ Христовомъ хапжи и пусто-

святы, которые, подъ личиною набожности, пріобрѣтаютъ довѣріе легковѣрныхъ и неопытныхъ христіанъ и увлекаютъ ихъ за собою въ бездну гибельнаго лицемѣрія. Эти ужасные люди производятъ въ стадѣ Христовомъ страшное опустошеніе, и тѣмъ успѣшнѣе, что ихъ обманъ прикрытъ священными предметами. По словамъ Іисуса Христа, *они затворяютъ царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входятъ, и хотящихъ войти не допускаютъ* (Матѳ. 23, 13).

Когда молишься, говоритъ Іисусъ Христосъ, *не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ* (т. е. въ народныхъ собраніяхъ) *и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми* (Матѳ. 6, 5.). Не будемъ же, братія, на молитвѣ лицемѣрами не только предъ Богомъ или предъ людьми, но и предъ самими собою. Когда молимся, не будемъ предаваться мыслямъ, что мы сдѣлали то или другое добро; будемъ опасаться приводить себѣ на память, что мы цѣлыя ночи простаивали на молитвѣ, множество имѣнія раздавали нищимъ, по цѣлымъ суткамъ не вкушали пищи, или иначе угождали Богу: все это было бы пагубнымъ самохвальствомъ осужденнаго фарисея. Будемъ лучше, какъ мытарь, увѣрять себя, что мы величайшіе въ свѣтѣ грѣшники, и тайно просить Бога о помилованіи. Что намъ, если люди не замѣтятъ нашихъ пламенныхъ молитвъ и не будутъ знать о нашихъ добродѣтеляхъ? Богъ увидитъ все: и мысли наши, и слезы наши, и дѣла наши. *Отецъ* нашъ *небесный*, *видящій* молитву нашу втайнѣ, *воздастъ* намъ въ будущемъ вѣкѣ *явно* (Матѳ. 6, 6.). Аминь.

4

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю о блудномъ сынѣ.

Въ нынѣшнемъ евангеліи мы слышали слѣдующую притчу Іисуса Христа. Одинъ богатый человѣкъ имѣлъ при себѣ двоихъ сыновей, которые, живя подъ управленіемъ добраго и мудраго отца, были во всемъ обезпечены и счастливы. Но младшій изъ сыновей вздумалъ выйдти изъ-подъ отцовской власти и жить независимо на своей волѣ. Вотъ онъ потребовалъ отъ отца раздѣла имѣнія, получилъ слѣдующую ему часть, съ нею отправился въ дальную сторону и тамъ расточилъ все, живя распутно. Въ той сторонѣ на эту пору случился великій голодъ. Промотавшійся богачъ, не

стерпя голода, былъ принужденъ наняться въ пастухи свинаго стада, чтобы утолять свой голодъ покрайней-мѣрѣ свинымъ кормомъ, но и этой пищи ему не давали. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ блудный сынъ образумился и вспомнилъ о своемъ отцѣ, у котораго было во всемъ изобиліе. Несчастный рѣшился возвратиться къ отцу съ повинной головой, и пошелъ. *Отче*, сказалъ онъ, явившись предъ отцемъ своимъ, *я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ: прими меня въ число наемниковъ твоихъ.* Какъ же отецъ принялъ преступнаго сына? Принялъ его съ распростертыми объятіями, облобызалъ его съ родительскою нѣжностію, облекъ его въ прежнія великолѣпныя одежды, учредилъ для него пиршество и со всѣмъ своимъ домомъ торжествовалъ возвращеніе потерянаго сына (Лук. 15, 11—32.).

Этою притчею Іисусъ Христосъ изображаетъ неистощимыя щедроты Отца небеснаго, бѣдственное положеніе каждаго грѣшника и спасительную силу истиннаго покаянія. Чтобы притча Іисуса Христа была для насъ назидательною, постараемся приложить смыслъ ея къ нашему дѣйствительному состоянію.

Наши прародители, Адамъ и Евва, а въ нихъ и всѣ мы сотворены по образу и по подобію Божію, осыпаны дарами Творца, и находясь, какъ дѣти Божіи, подъ властію Отца небеснаго, наслаждались величайшимъ благополучіемъ. Но это состояніе, какъ оно ни было хорошо, наконецъ какъ-бы наскучило нашимъ прародителямъ. Они, подобно упоминаемому въ притчѣ блудному сыну, не захотѣли пребывать долѣе подъ волею Отца небеснаго, а вздумали жить на своей волѣ,—и вотъ, со всѣми дарами, удѣленными имъ отъ Творца, удалились отъ Него на житье самовольное, и стали несчастными и временно и вѣчно; въ этомъ несчастномъ событіи сдѣлался невольнымъ участникомъ и весь человѣческій родъ. По заслугамъ Спасителя міра, Іисуса Христа, родъ человѣческій снова приведенъ подъ кровъ Отца небеснаго и, кромѣ даровъ творческихъ, осыпанъ еще дарами благодати. Послѣдователи Спасителя, принявъ крещеніе и муропомазаніе, вновь становятся дѣтьми Божіими, украшаются богоподобными совершенствами, наслаждаются неизреченными утѣшеніями Св. Духа, вступаютъ въ вѣчное наслѣдіе царствія Божія,—и все это подъ легкимъ условіемъ, чтобы мы любили Бога и всѣхъ людей. Но и въ такомъ вожделѣнномъ состояніи остаются не всѣ христіане. Многіе, и очень многіе изъ насъ, обогатившись отъ щедротъ Отца небеснаго дарами естественными и благодатными, удаляются отъ Него, подобно блудному сыну, къ суетамъ міра на свою волю, и здѣсь

проводятъ жизнь свою такъ, какъ-будто нѣтъ надъ ними Бога, какъ-будто вовсе нѣтъ у нихъ Отца небеснаго. Таковы всѣ мы грѣшники. Мы, правда, помнимъ Бога, нашего небеснаго Отца,— потому что часто Ему молимся, для Него постимся, въ угожденіе Ему соблюдаемъ всѣ обряды христіанскаго благочестія; но не можемъ принадлежать Ему, поколику Его не любимъ и воли Его не исполняемъ. Іисусъ Христосъ сказалъ: *не всякій, кто говоритъ Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но кто исполняетъ волю Отца Моего небеснаго* (Матѳ. 7, 21).

Что же приноситъ намъ грѣшникамъ жизнь независимая отъ Бога и своевольная? Ничего, кромѣ однихъ несчастій. Какъ блудный сынъ въ притчѣ, удалившись отъ отца своего и растративши все наслѣдованное отъ отца имѣніе, подвергся наконецъ совершенному голоду: подобно ему и мы грѣшники, въ удаленіи отъ Бога, не пріумножаемъ, не совершенствуемъ полученныхъ нами отъ Него даровъ, а только растрачиваемъ ихъ до конца. Наша безсмертная душа, не руководимая Богомъ, подчиняется смертному тѣлу и слѣпо исполняетъ всѣ его требованія; умъ нашъ, не просвѣщаемый живою вѣрою, предается всякимъ суевѣріямъ и тупѣетъ въ неправдахъ; сердце наше, не согрѣваемое святою любовію, хладѣетъ къ добру и дѣлается безжалостнымъ и жестокимъ; совѣсть наша грубѣетъ, привыкая къ грѣхамъ и беззаконіямъ; здоровье тратится на преступныя и необузданныя удовольствія; спокойствіе душевное гибнетъ въ овладѣвшихъ нами житейскихъ суетахъ; забота о многомъ изгоняетъ всякую радость. Благодать, пріобрѣтенную нами чрезъ крещеніе и черезъ другія таинства св. Церкви, мы сами въ себѣ погашаемъ худыми дѣлами, съ нею несовмѣстимыми; утѣшеніе Св. Духа, столь необходимое намъ для борьбы съ окружающимъ насъ зломъ, оставляетъ насъ, потому что мы желаемъ и ищемъ иныхъ утѣхъ,—и мы наконецъ подвергаемся, подобно блудному сыну, рѣшительной бѣдности духовной. Да, въ удаленіи отъ Бога мы ничѣмъ не довольны и чувствуемъ всегда одинъ голодъ, ничѣмъ не утоляемый; если бы весь свѣтъ былъ въ нашихъ рукахъ, мы и тогда не были бы довольными. А если мы ничѣмъ не довольны, стало быть не имѣемъ ничего существенно для насъ нужнаго. Хоть у насъ и много, можетъ быть, кой-чего; но какъ съ этимъ многимъ нѣтъ у насъ *единаго на потребу*—благодати Божіей, то и многое наше обращается для насъ въ ничто. Мало того, въ удаленіи отъ Бога, безъ благодати Божіей, чѣмъ больше мы пріобрѣтаемъ, тѣмъ большаго желаемъ, все равно, какъ принимая въ пищу вещества, не имѣющія питательнаго свойства, мы тѣмъ больше голодаемъ, чѣмъ больше ихъ пожираемъ. Чтобы

помириться съ своимъ горькимъ положеніемъ, несчастный грѣшникъ весь жалкій вѣкъ свой силится замѣнить дѣйствительность послушными призраками собственнаго воображенія, но все безуспѣшно. Мечта упорно остается мечтой; основанныя на ней надежды разлетаются какъ мыльные пузыри; суровая дѣйствительность не улучшается, а только ухуждается,—и грѣшникъ становится существомъ самымъ несчастнѣйшимъ на семъ, и безъ того не радостномъ свѣтѣ.

Іисусъ Христосъ раскрылъ въ Своей притчѣ о блудномъ сынѣ жалкое положеніе грѣшника не съ тѣмъ, чтобы привести насъ въ отчаяніе, а съ тѣмъ, чтобы мы раскаялись въ своихъ грѣхахъ, оставили ихъ и возвратились къ Отцу небесному. Отецъ небесный, по смыслу притчи, не отвращается ни отъ какого грѣшника; напротивъ, Онъ ждетъ нашего къ Нему обращенія, чтобы возвратить намъ всю Свою отеческую любовь и щедрость. Непростительные грѣхи существуютъ только у злыхъ людей; у милосердаго Бога все простительно. Отецъ небесный безконечно благъ, чтобы предать вѣчному забвенію всѣ вины кающагося грѣшника, и безконечно щедръ, чтобы возвратить грѣшнику все имъ потерянное. Всякому грѣшнику стоитъ только образумиться, подобно блудному сыну, и онъ можетъ смѣло возвратиться подъ покинутый имъ кровъ Отца небеснаго: возвратившагося грѣшника ожидаютъ здѣсь, подобно блудному сыну, любовь, всепрощеніе, благодать, обиліе всякихъ даровъ, утѣшенія Св. Духа на настоящую бѣдственную жизнь и отрадныя надежды въ будущемъ. Мало того, обращеніе къ Богу каждаго грѣшника особенно радостно для всѣхъ добрыхъ существъ, обитающихъ въ царствѣ небесномъ,—его торжествуютъ на небесахъ. *Говорю вамъ*, сказалъ Іисусъ Христосъ, готовясь разсказать притчу о блудномъ сынѣ, *бываетъ радость у ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15, 10).

Всѣ грѣшники чувствуютъ свое злополучіе, но не всѣ понимаютъ истинную причину своего злополучія; поэтому-то большая часть грѣшниковъ для утѣшенія своего обращаются къ такимъ средствамъ, которыя нисколько не помогаютъ горю, или еще увеличиваютъ его. Но наша христіанская вѣра открываетъ всѣмъ намъ, что наше злополучіе происходитъ именно отъ грѣховъ,—отъ нашей разлуки съ Отцемъ небеснымъ; а потому она указываетъ намъ спасеніе въ покаяніи, въ возвращеніи къ Отцу небесному и въ исполненіи Его всегда благотворной воли. И Господь призываетъ насъ къ покаянію не только устами провозвѣстниковъ-христіанской вѣры—церковныхъ пастырей и учителей, но и собственнымъ нашимъ злополучнымъ положеніемъ. Отчего, напр., мы

всѣ съ такою тоскою вспоминаемъ о лучшей во всей жизни порѣ нашего дѣтства? Отчего именно тѣхъ дней нашего дѣтства намъ жалко, что они прошли, которые были болѣе близки къ нашему плотскому и духовному рожденію? Оттого, что въ пору дѣтства мы были невинны и счастливы, съ свѣжими дарами Творца и Спасителя. И наше сожалѣніе о минувшей дѣтской порѣ есть не иное что, какъ сожалѣніе о бывшей въ ту пору благополучной нашей жизни подъ кровомъ Отца небеснаго и безсознательное наше раскаяніе въ постепенномъ погубленіи благодати Св. Духа, которую мы пріобрѣли въ младенчествѣ, при св. крещеніи. Если же мы помнимъ, какъ съ потерею нашей невинности погибало и наше счастіе, то это дастъ намъ понять, отчего именно мы несчастны. И чѣмъ безплодно сожалѣть о минувшемъ счастіи, не лучше ли намъ постараться о томъ, чтобы воротить его? Правда, минувшаго дѣтскаго возраста воротить уже никакъ невозможно; за то мы можемъ и должны воротить то невинное и счастливое состояніе нашего дѣтства, которое каждый изъ насъ горько оплакиваетъ. Мы нѣкогда были дѣтьми по природѣ, независимо отъ нашей воли; теперь мы можемъ быть дѣтьми произвольно, по собственнымъ нашимъ усиліямъ. Покаяніе, по православному исповѣданію, есть второе крещеніе, т. е. посредствомъ покаянія возвращается намъ все, что мы пріобрѣли нѣкогда крещеніемъ и потомъ расточили грѣховною жизнію. Намъ только слѣдуетъ возвратиться къ оставленному нами Отцу небесному, покаяться предъ Нимъ въ грѣхахъ своихъ, жить впредь по Его волѣ,—и вотъ мы, не смотря ни на какой нашъ возрастъ, опять невинные дѣти съ первобытными естественными и благодатными дарами. *Истинно говорю вамъ*, сказалъ Іисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ: *если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное* (Матѳ. 18, 3)

Къ несчастію, возвратъ къ Отцу небесному многимъ грѣшникамъ представляется непосильнымъ и даже невозможнымъ: заблудившемуся грѣшнику думается, будто его ожидаютъ на пути спасенія черезъ-мѣру тягостное иго и нестерпимое крестоношеніе. Но эта преграда къ нашему спасенію—только кажущаяся, а не дѣйствительная: она есть дѣло нашего малодушія, которому неминуемо предается всякій, кто долго рабствуетъ грѣху; она есть призракъ нашего собственнаго воображенія, напуганнаго тиранствомъ страстей. Примѣръ блуднаго сына, изображеннаго Іисусомъ Христомъ въ притчѣ, доказываетъ прямо, что возвратъ грѣшника къ Богу есть возвратъ самый естественный,—возвратъ отъ горькихъ нуждъ къ довольству и изобилію; что этотъ путь есть для всякаго грѣшни-

ка единственный выходъ изъ того несчастнаго и именно безотраднаго положенія, въ которомъ находятся всѣ вообще грѣшники. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ страшнаго, что̀ особенно тяжелаго—оставить грѣхи и жить по волѣ Божіей? Богъ есть высшая и сладчайшая утѣха всего созданія: поэтому быть въ союзѣ съ Богомъ—значитъ пребывать во всегдашнемъ утѣшеніи; *Богъ есть любовь* (1 Іоан. 4, 16): поэтому принадлежать Богу—значитъ любить и быть любимымъ. Можетъ статься, нѣкоторыхъ грѣшниковъ ужасаютъ и удерживаютъ отъ истиннаго покаянія и обращенія къ Богу строгіе посты, продолжительныя молитвостоянія и различныя стѣсненія избалованной грѣхомъ плоти; но все это страшно только при владычествѣ грѣха и въ удаленіи отъ Бога. Когда же опротивѣетъ намъ грѣхъ и полюбится благодѣтельный законъ Божій, тогда перемѣнятся и наши наклонности, и нашъ вкусъ, и всѣ наши отношенія; тогда ради любимаго Бога намъ будетъ даже хотѣться поста, молитвы и всего, чѣмъ только мы можемъ угодить Богу. Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ прямо и ясно: *иго Мое благо и бремя Мое легко* (Мато. 11, 30). По Его увѣренію, всѣ наши видимыя потери и лишенія ради царствія Божія вознаграждаются на семъ свѣтѣ гораздо бо́льшимъ, а въ вѣкъ будущій жизнью вѣчною (Лук. 18, 29. 30).

Братія! всякій грѣхъ есть для насъ великое бѣдствіе; но оставаться безъ покаянія въ грѣхахъ и безъ исправленія въ нихъ есть для насъ бѣдствіе неизмѣримое. Грѣшника, коль-скоро онъ кается, всегда ожидаетъ прощеніе отъ Бога, и обращающемуся блудному сыну у Отца небеснаго всегда готовъ пріемъ не только ласковый, но и торжественный; но кто упорствуетъ въ грѣхахъ и не хочетъ подчиняться волѣ Божіей, тому нѣтъ и не можетъ быть прощенья: Отецъ небесный не привлечетъ къ Себѣ блуднаго сына противъ Его воли и не сдѣлаетъ его счастливымъ насильственно. А съ нераскаянными и съ непрощенными грѣхами мы понесемъ съ собою наши бѣдствія на тотъ свѣтъ, и тамъ уже не будетъ имъ ни облегченія, ни конца. Св. церковь не молится о нераскаянныхъ грѣшникахъ, и люди напрасно поминали бы ихъ за упокой. Всякаго сохрани Богъ отъ такого ужаснаго бѣдствія; но мы, братія, такъ упорно пребываемъ въ грѣхахъ, такъ рѣдко исповѣдуемся въ нихъ и такъ нечистосердечно въ нихъ раскаиваемся, что этому бѣдствію легко совершиться съ нами. И что̀, если смерть захватитъ кого изъ насъ въ настоящемъ грѣховномъ состояніи? Тотъ погибъ вѣчно и невозвратно. Всемогущій Судія скажетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ: *Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе* (Матѳ. 7, 23.)!—и

приговоръ Его исполнится скоро и неминуемо. Будемъ же, братія, твердо помнить, что срокъ нашему покаянію только до смерти; и который день Богъ велитъ намъ прожить на семъ свѣтѣ, въ тотъ мы и будемъ каяться въ нашихъ грѣхахъ и, хоть по немногу, отставать отъ нихъ. Аминь.

5

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю мясопустную.

Идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его (Матѳ. 25, 41).

На кого прогнѣвался такъ Царь небесный? Кого это проклинаетъ Онъ и осуждаетъ на вѣчныя мученія вмѣстѣ съ злыми діаволами? Насъ грѣшныхъ! Насъ неправедныхъ! Насъ, живущихъ по своей злой волѣ и нарушающихъ благую волю Божію! Это намъ немилосердымъ отказано во всякой милости на страшномъ судѣ!

Страшный судъ, грозный приговоръ праведнаго Судіи, огонь вѣчный и неугасимый, жизнь съ злобными демонами, непрестающій плачъ и скрежетъ зубовъ—наводятъ ужасъ однимъ воспоминаніемъ; каково же намъ будетъ тогда, когда все это совершится съ нами въ дѣйствительности!...

Братія! рано или поздно, а неминуемо настанетъ это страшное время, когда всѣ, умершіе отъ начала міра, воскреснутъ и вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ явятся на судъ. Тогда пріидетъ Іисусъ Христосъ въ Своей божественной славѣ, возсядетъ на престолѣ Своемъ, раздѣлитъ людей праведныхъ отъ грѣшныхъ и скажетъ первымъ: *пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра.* Я былъ голоденъ, вы Меня напитали; Я жаждалъ, вы Меня напоили; страннаго Меня вы ввели къ себѣ въ домъ; въ наготѣ Меня одѣли; въ болѣзни и въ темницѣ вы Меня посѣтили. Тогда праведники спросятъ Его: Господи! когда мы видѣли Тебя въ такихъ несчастіяхъ и послужили Тебѣ? На это отвѣтитъ имъ Царь небесный: *истинно говорю вамъ, поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали.* Послѣ того Онъ обратится къ грѣшникамъ и скажетъ имъ: *идите отъ*

Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Вы въ голодѣ Меня не напитали, въ жаждѣ не напоили, въ странствіи не дали пріюта, въ наготѣ не одѣли, въ болѣзни и въ темницѣ Меня не посѣтили. Тогда спросятъ Его и тѣ: Господи! когда же мы видѣли Тебя въ такихъ несчастіяхъ и не послужили Тебѣ? И имъ отвѣтитъ Царь: *истинно говорю вамъ, поелику вы не сдѣлали сего одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ.* Послѣ того грѣшники *пойдутъ въ муку вѣчную, а праведники* въ царство небесное (Матѳ. 25, 31—46).

Вотъ, братія, изображеніе будущаго страшнаго суда, представленное Самимъ Судіею Іисусомъ Христомъ. И не оттого ли мы такъ рѣдко и неохотно вспоминаемъ о будущемъ судѣ, что онъ для насъ грѣшниковъ дѣйствительно страшенъ даже и теперь, пока не наступилъ? Но сколь ни страшна будетъ участь грѣшниковъ на томъ свѣтѣ, грѣшники вполнѣ ее заслужили. Вѣдь мы знали, что насъ постигнетъ за грѣхи такая участь, и однако же не позаботились отклонить ее отъ себя; насъ приглашали къ покаянію и исправленію грѣховной жизни, и однако же мы не позаботились во время покаяться и исправиться. Можно сказать, мы сами идемъ на свою погибель, оставаясь грѣшниками не раскаянными. И мы не смѣемъ жаловаться на жестокость воздаянія,— потому что въ будущемъ вѣкѣ будетъ поступлено также, какъ мы на семъ свѣтѣ поступаемъ съ другими. Вѣдь мы другихъ не милуемъ: за что же миловать насъ? мы неумолимо строги къ нашимъ ближнимъ: за что же снисходить намъ! Царь небесный потребуетъ отъ каждаго изъ насъ отчета въ нашемъ земномъ житіи, и мы будемъ безотвѣтны. Да и что было бы отвѣчать намъ, когда мы всю жизнь свою, отъ начала до конца, провели въ однихъ грѣхахъ? Оправдываться мы не будемъ имѣть никакой возможности. На одномъ судѣ съ нами будутъ стоять страшные уличители нашихъ злодѣяній,—это тѣ самые люди, которыхъ мы на семъ свѣтѣ презираемъ, обижаемъ, ненавидимъ, клевещемъ; съ которыми мы обращаемся немилосердо и безчеловѣчно. Всевышній Судія приведетъ намъ тогда на память каждое дѣло, каждое слово, каждую мысль нашу, каждое движеніе въ насъ плоти и духа, и мы напрасно стали бы искать въ нихъ себѣ оправданія: каждая минута, каждое мгновеніе бытія нашего на землѣ будетъ обвинять насъ; каждая тварь, каждая былинка, употребленная нами здѣсь во зло, будетъ тогда вопіять противъ насъ къ Судіи праведному. Всѣ тайны наши отверзются при всей вселенной, и мы будемъ стоять въ стыдѣ и позорѣ. Тогда-то каждый осужден-

ный изъ насъ скажетъ самъ себѣ въ отчаяніи: ахъ, зачѣмъ я грѣшилъ на землѣ? зачѣмъ я не жилъ иначе?

Но между тѣмъ какъ св. Церковь напоминаетъ намъ о страшномъ судѣ; между тѣмъ какъ она представляетъ намъ ужасныя казни, приготовляемыя нераскаяннымъ грѣшникамъ,—у насъ начинается масляница со всѣми ея безпорядками и беззаконіемъ. Это праздникъ, рѣшительно несвойственный христіанскому народу. Наступающая недѣля, по правиламъ св. Церкви, служитъ для насъ преддверіемъ великаго поста; а мы проводимъ ее обыкновенно хуже невѣрныхъ. Крикъ и гамъ пьяныхъ; оглушительное пѣніе, раздающееся въ разныхъ мѣстахъ; безконечная вереница катающихся, продолжающаяся съ утра до ночи; видъ бойцовъ, дерущихся съ остервененіемъ; нецѣломудренныя игры, повсемѣстная суета—раздираютъ сердце благочестиваго зрителя. И все это дѣлается у насъ какъ нарочно въ такое время, которое назначила Церковь для приготовленія къ посту и молитвѣ.

Одной недѣлей хотимъ мы насытиться на семь недѣль; хотимъ запастись весельемъ и пьянствомъ на весь великій постъ; сквернимъ себя, чтобы потомъ войти въ чистое мѣсто: можетъ ли быть что безумнѣе этого? Ужели души наши столь дешевы, столь ничтожны, чтобы губить ихъ и предавать аду и вѣчнымъ мукамъ изъ-за сладкаго яства, изъ-за пустаго удовольствія, которое подъконецъ намъ же надоѣдаетъ? Вѣдь судъ страшный часъ-отъ-часу къ намъ ближе и ближе и, быть можетъ, гораздо скорѣе мы будемъ къ нему позваны, нежели какъ мы предполагаемъ: какъ же мы не думаемъ и не заботимся о такомъ страшномъ днѣ, въ который на вѣки рѣшится наша участь? Ужели изъ-за одной недѣли должна погибнуть вся наша вѣчность? Ужели минута веселья для насъ дороже нескончаемаго блаженства?

Братія! чѣмъ заводить игры и веселья, тратиться на вина и сладкую пищу; чѣмъ кататься по улицамъ и тратить цѣлую недѣлю безъ занятія, безъ работы,—лучше примемся съ завтрашняго дня на всю недѣлю за обычныя занятія и работу, и вмѣстѣ съ тѣмъ подумаемъ, какъ намъ явиться на страшный судъ, какъ намъ отвѣчать предъ Богомъ и что намъ грѣшнымъ будетъ тамъ: это было бы для души гораздо пріятнѣе катанья и гулянья, полезнѣе бездѣлья и лучше всякихъ пиршествъ. Св. Григорій Двоесловъ говоритъ: «бойтесь Бога грядущаго, дабы не со страхомъ, а съ безопасностію видѣть Его, когда пріидетъ. Итакъ Онъ долженъ быть страшенъ, дабы не страшиться... Повѣрьте мнѣ, братія, что тѣмъ безопаснѣе мы будетъ тогда въ Его присутствіи, чѣмъ болѣе ны-

нѣ боимся быть обличенными въ виновности» *). Всѣ наши веселья должны же кончиться съ недѣлей; а мысли о будущемъ, забота о спасеніи души и опасенія ко грѣху не кончатся никогда: милосердый Богъ запишетъ ихъ въ книгѣ живота въ число нашихъ добрыхъ дѣлъ. Аминь.

6

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю сыропустную.

Нощь убо прейде, а день приближися (Рим. 13, 12).

Это слова св. апостола Павла, которыя были прочитаны за настоящей литургіей. Что же это за ночь, которая, по словамъ апостола, прошла? и что это за день, который приблизился? По отношенію къ настоящему времени и къ намъ грѣшнымъ, эта ночь означаетъ сырную недѣлю, или по нашему, масляницу, которая оканчивается нынѣ; а этотъ день означаетъ великій постъ, который наступитъ съ завтрашняго дня.

Мы находимся теперь, такъ сказать, на самомъ рубежѣ между масляницей и великимъ постомъ, и озираясь въ ту и другую сторону, дѣйствительно видимъ позади себя ночь, а впереди день. Развѣ не ночь для нашей души дни проходящей недѣли, во время которыхъ мы блуждали по распутьямъ міра сего, предавались невоздержанію и всячески грѣшили? И развѣ не день для нашей души наступающіе дни великаго поста, въ которые мы обыкновенно образумливаемся, приходимъ въ чувство и, много-ли мало-ли, унимаемся отъ грѣховъ? Поэтому всякій хорошій христіанинъ разстается съ масляницей и встрѣчаетъ великій постъ съ такою же радостію, съ какою мы обыкновенно разстаемся съ темнотою ночи и встрѣчаемъ дневный свѣтъ.

Да и чего мы стали бы жалѣть въ настоящей сырной недѣлѣ, которая оканчивается пьянѣйшимъ днемъ? Конечно, всякій человѣкъ естественно жалѣетъ о прошедшемъ времени; потому что теченіе времени приближаетъ насъ къ неминуемой смерти, а мы всегда къ ней мало готовы. И сырная недѣля, подобно всѣмъ

*) Бесѣд. на Евапг. XXVI, 10.

днямъ нашей жизни, сама по себѣ невинна, и не грѣшно пожалѣть о ней, если она проходитъ. Но судя по тому, какъ мы проводимъ сырную недѣлю, нужно не жалѣть, а напротивъ, радоваться и благодарить Бога о томъ, что она пришла къ концу. Во время сырной недѣли мы обыкновенно предаемся объяденію и пьянству; а объяденіе и пьянство, особенно продолжительныя, вовсе непривлекательны, чтобы жалѣть о ихъ прекращеніи. Всѣ земныя блага потолику намъ пріятны, поколику мы употребляемъ ихъ умѣренно; въ противномъ же случаѣ притупляется въ насъ чувство ихъ пріятности, такъ-что, напр., объяденіе становится для насъ ничѣмъ не лучше голода, а пьянство тяжелѣе всякаго горя. Кто ѣстъ не часто и только по мѣрѣ своей потребности въ пищѣ, для того вкусна и сладка всякая пища, сколь бы она скудна ни была; но кто ѣстъ часто и сверхъ надобности, единственно для развлеченія, тому скоро противѣетъ самая лучшая пища, и тотъ голодаетъ среди величайшаго изобилія. Равнымъ образомъ, кто пьетъ вино рѣдко и умѣренно—въ маломъ количествѣ, тотъ бываетъ отъ вина веселъ, разговорчивъ, общителенъ и не терпитъ отъ него вреда ни своему здоровью, ни своей нравственности; но кто пьетъ вино часто и имъ упивается, тотъ отъ вина дѣлается мрачнымъ, буйнымъ, дерзкимъ, бѣшенымъ, готовымъ разстерзать себя, другихъ и весь свѣтъ. Сырную недѣлю мы обыкновенно проводимъ въ гуляньи, катаньи и въ другихъ подобныхъ увеселеніяхъ; но всѣ такія увеселенія могутъ быть пріятными только между дѣльныхъ занятій, въ качествѣ отдыха послѣ трудовъ; сами же по себѣ, среди продолжительнаго бездѣлья, теряютъ для насъ всякую цѣну, скоро прискучиваютъ намъ и становятся наконецъ для насъ обременительнѣе всякой полезной работы. Въ сырную недѣлю мы обыкновенно позволяемъ себѣ всякаго рода дурныя дѣла; но всякое дурное дѣло непремѣнно имѣетъ и дурныя послѣдствія,—и вотъ оно, польстивъ нашему чувству всего, можетъ статься, на одну минуту или на часъ, дѣлается для насъ потомъ источникомъ продолжительныхъ горестей. Въ сырную недѣлю мы обыкновенно не трудимся, не работаемъ, а напротивъ, безумно расточаемъ то, что было нажито нами прошедшимъ трудомъ и прошедшею работою,—и вотъ, послѣ неумѣреннаго до непріятности употребленія земныхъ удовольствій, мы сами себя повергаемъ потомъ въ непріятный и притомъ продолжительный недостатокъ существенно нужнаго для насъ въ жизни. Такимъ образомъ сырная недѣля, или, вѣрнѣе, такъ-называемая у насъ масляница всѣмъ намъ вредна не только потому, что мы проводимъ ее безпорядочно, но и по своимъ далекимъ послѣдствіямъ; это такая

недѣля, которая есть для насъ самая несчастная во всѣхъ отношеніяхъ.

Почему же мы не перестаемъ исправлять ежегодно безпорядочный праздникъ масляницы по примѣру прежнихъ годовъ, не взирая на то, что вещественный и нравственный вредъ отъ этого праздника для каждаго изъ насъ чувствителенъ? Потому, что такъ заведено нашими предками, такъ унаслѣдовано нами отъ дѣдовъ-прадѣдовъ, чтобы ежегодно справлять масляницу, не жалѣя послѣдней копѣйки и не сберегая своей безсмертной души; а разгульные обычаи слишкомъ по вкусу намъ грѣшнымъ, чтобы у насъ достало великодушія отъ нихъ отказаться. Обычай исправлять такимъ образомъ масляницу до того укоренился въ народѣ многими вѣками, что большинство народа въ своемъ ослѣпленіи почитаетъ празднованіе масляницы чѣмъ-то священнымъ. Многимъ изъ насъ дѣйствительно думается, будто проводить сырную недѣлю въ гульбѣ, безчинствахъ и во всякихъ плотскихъ и душевныхъ безпорядкахъ позволено даже уставомъ всѣми нами уважаемой матери-Церкви. Само собою разумѣется, св. Церковь всегда вопіяла и теперь не перестаетъ вопіять противъ несчастнаго обычая проводить такъ сырную недѣлю, которая, напротивъ, назначена намъ для приготовленія къ посту и молитвѣ; но голосъ св. Церкви всегда заглушался и нынѣ заглушается силою народнаго обычая. Нѣкоторые изъ насъ хорошо понимаютъ истинное значеніе сырной недѣли; но, увлекаясь обычаемъ, не дѣлаютъ усилій, чтобы противиться общему примѣру Мы всѣ неправы за сырную недѣлю; но въ особенности неправы за нее эти христіане, которые съ полнымъ сознаніемъ измѣняютъ Богу и Его св. Церкви. Они употребляютъ въ грѣхъ святые дни не столько по склонности и не по невѣдѣнію, сколько по человѣкоугодію; а всѣмъ человѣкоугодникамъ Самъ Богъ изрекаетъ грозное осужденіе (Пс. 52, 6.).

Великій постъ, сравнительно съ сырной недѣлей, представляетъ совершенно противоположную и вмѣстѣ отрадную картину. Разгульные обычаи древности, покрайней-мѣрѣ на эту важную пору, не устояли противъ голоса Церкви и устроились по ея требованіямъ. Мы не можемъ сказать, чтобы православный народъ во время великаго поста былъ вовсе безгрѣшенъ и вполнѣ счастливъ; но имѣемъ право утверждать, что народъ въ эту пору живетъ лучше и счастливѣе, чѣмъ во всякое другое время. Правда, обыкновенное въ великомъ постѣ воздержаніе придастъ народу видъ какъ-будто невеселый; но всякое наружное веселье тогда только есть дѣйствительное веселье, когда весело на душѣ и на сердцѣ,—а этимъ-то внутреннимъ весельемъ и бываетъ сравнительно богатъ

народъ во время великаго поста. Вѣдь наша земная жизнь красна не роскошнымъ содержаніемъ, которое раззорительно и ведетъ прямо къ бѣдности, и не удовольствованіемъ плотскихъ желаній, которыя никогда и ничѣмъ не довольствуются, а добропорядочнымъ поведеніемъ, хорошими отношеніями ко всѣмъ людямъ и спокойною совѣстію. Ничто на свѣтѣ не радуетъ человѣка, если онъ въ душѣ своей питаетъ зло и постоянно ждетъ себѣ въ вѣчномъ будущемъ горькой участи. И хотя во время великаго поста мы еще очень недостаточно исполняемъ требованія св. Церкви, которыя всегда клонятся къ нашему временному и вѣчному благополучію, но все же исполняемъ ихъ въ большей степени, чѣмъ въ другое время. Лучшіе христіане въ великій постъ исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ и причащаются св. Таинъ; а въ этомъ для человѣка, живущаго на семъ бѣдственномъ свѣтѣ, заключается самое высшее, ни съ чѣмъ не сравнимое благо. Худшіе христіане хотя не столько рачительны о душѣ своей, чтобы исповѣдаться и причаститься св. Таинъ, но и они во время великаго поста каются въ душѣ своей, молятся Богу, бываютъ болѣе воздержными и вообще лучшими противъ прежняго, а для грѣшника и въ томъ уже немалое счастіе, что онъ образумился, почувствовалъ свою грѣховность и намѣревается обратиться на добрый путь. Примиряясь съ Богомъ дѣлами Ему угодными, мы примиряемся въ великій постъ и съ людьми; самый день нынѣшній называется у насъ днемъ прощёнымъ именно потому, что, готовясь начать съ завтрашняго дня постъ, мы имѣемъ обыкновеніе прощаться со всѣми, съ кѣмъ только имѣемъ возможность и удобство проститься. Обыкновеніе похвальное и вмѣстѣ прекрасное: миръ съ окружающими насъ людьми для насъ безцѣнно дорогъ, если бы онъ былъ всего на одинъ день, или даже на одинъ часъ; разъ испытавъ сладость этого мира, мы и по нарушеніи его легко и скоро къ нему возвращаемся. Великій постъ полезенъ намъ и въ томъ отношеніи, что никакіе раззорительные разгулы не отвлекаютъ насъ отъ дѣльныхъ занятій, не разстраиваютъ нашего состоянія и не разслабляютъ нашихъ силъ: отъ этого каждый изъ насъ въ великомъ постѣ бываетъ болѣе доволенъ своею участью и, слѣдовательно, болѣе счастливъ. Воздержаніе въ пищѣ, соблюдаемое нами во время великаго поста, тяжело только на первыхъ порахъ—прямо послѣ невоздержанія, допускаемаго нами во время сырной недѣли; привыкнувъ къ посту, мы уже не тяготимся имъ и не имѣемъ разумныхъ причинъ жаловаться на его продолжительность. Словомъ, великій постъ благодѣтеленъ для насъ во всѣхъ отношені-

яхъ, какъ благодѣтельно вообще и все то, что установлено св. Церковію.

Итакъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ днемъ дѣйствительно проходитъ для насъ ночь, а день приближается. И оканчивающаяся теперь сырная недѣля была бы для насъ не погибельной ночью, а разсвѣтомъ благодѣтельнаго дня, если бы мы провели ее по предписанію св. Церкви: сырная недѣля приготовила бы насъ тогда къ посту исподволь, постепенно,—и великій постъ показался бы для насъ нисколько не обременительнымъ, каковъ онъ и есть въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ ужь лучше бы намъ умѣрить въ великомъ постѣ строгость воздержанія въ пищѣ, нежели во время сырной недѣли предаваться объяденію, пьянству и всякому невоздержанію; потому что Богъ во всякое время требуетъ отъ насъ не совершеннаго неяденія, а умѣреннаго яденія, и конечно, требуетъ этого отъ насъ для нашей же пользы.

Какъ бы то ни было, а сырная недѣля, проведенная нами очень худо и во вредъ намъ самимъ, приходитъ къ концу, оставивъ на душѣ нашей множество грѣховъ. Теперь намъ остается оплакивать предъ Богомъ свои прошедшія заблужденія, приниматься за иную лучшую жизнь и усильными трудами возвращать свое счастіе, которое мы такъ легкомысленно погубили. Притомъ желательно, чтобы тѣ изъ насъ, кому Богъ опредѣлитъ дожить до будущихъ годовъ, проводили каждую сырную недѣлю гораздо лучше, нежели какъ мы провели настоящую. Аминь.

7

ПОУЧЕНІЕ

въ первую недѣлю великаго поста.

Въ нынѣчтеніемъ евангеліи разсказано такое происшествіе. Одинъ соотечественникъ Іисуса Христа, Филиппъ, котораго Христосъ обратилъ къ Себѣ силою двухъ словъ: *иди за Мною*, встрѣтился съ знакомымъ человѣкомъ, по имени Наѳанаилломъ, и сталъ склонять его къ вѣрѣ въ Іисуса. *Мы нашли Того*, говорилъ Филиппъ Наѳанаилу, *о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Іисуса, сына Іосифова изъ Назарета*. Наѳанаилъ немогъ повѣрить, чтобы изъ такого незначительнаго города, каковъ Назаретъ, могъ явиться ожидаемый вѣрующимъ народомъ Спаситель міра. *Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?* сказалъ онъ Филип-

ну; и только тогда увѣровалъ уже въ Іисуса Христа, когда лично удостовѣрился въ Его всевѣдѣніи (Іоан. 1, 43—49).

Когда уже *такой Израильтянинъ*, въ которомъ Самъ Іисусъ Христосъ не нашелъ *лукавства* (ст. 47.), не могъ скоро повѣрить, чтобы Спаситель явился изъ Назарета, то сколько, надобно думать, было такихъ людей, которые потому только не хотѣли признать Христа Спасителемъ, что Онъ изъ незначительнаго города. Но пороки человѣческіе какъ тогда, такъ и нынѣ одни и тѣже. И мы нисколько не лучше Наѳанаила судимъ не только о вещахъ вообще, но и о томъ, что прямо относится къ нашему душевному спасенію. Мы не менѣе кого другаго руководимся въ жизни предъубѣжденіями, такъ-какъ прежде думаемъ о чемъ-либо хорошо или худо, нежели хорошо или худо отъ того увидимъ; мы ни отъ кого не отстаемъ по части предразсудковъ, такъ-какъ прежде въ чемъ-либо увѣряемся, нежели подлинно то узнаемъ.

Предубѣжденія—порокъ невидный, но очень тяжелый,—отъ него происходитъ въ общежитіи множество несправедливостей, огорченій и незаслуженныхъ несчастій. Сколько людей, быть можетъ, добрыхъ занятнали мы въ мысляхъ своихъ потому только, что привыкли считать ихъ недобрыми! Сколько по предъубѣжденію обвинено невинныхъ, осуждено правыхъ, обезчещено честныхъ! Сколько добродѣтелей въ свѣтѣ пропадаетъ отъ того безъ награды и поощренія, сколько подвиговъ погибаетъ въ безславіи, сколько великихъ дѣлъ остается въ безвѣстности; и напротивъ, сколько пороковъ пользуется славою добродѣтели! И если поразмыслишь, сколь дорого человѣку въ жизни доброе имя, то невольно пожалѣешь о томъ, что мы привыкли такъ легко и скоро произносить неправедный судъ надъ ближними. А если притомъ и вообще осуждать другихъ есть великій грѣхъ предъ Богомъ, то можно видѣть, до какой степени грѣшно и Богу противно осуждать невинныхъ и худо относиться о добрыхъ.

Не менѣе вредны для насъ наши предразсудки, особенно когда они относятся къ дѣламъ вѣры,—здѣсь они служатъ единственною причиною погибели многихъ человѣческихъ душъ. Предразсудкамъ преимущественно подверженъ простой народъ,—это его порокъ преобладающій. Воспитанные на удовлетвореніи однихъ только житейскихъ нуждъ, съ-измала напитанные разными повѣрьями безъ всякой повѣрки ихъ съ дѣйствительностію, перенимающіе безъ разбора худое и доброе, очень многіе изъ простаго народа упорно держатся нелѣпыхъ понятій, наслѣдственно передаваемыхъ отъ языческой древности, противятся просвѣщенію, отвергаютъ все, что несогласно съ ихъ принятыми понятіями,—и оттого пребы-

ваютъ въ пожизненномъ заблужденіи. Предразсудки загораживаютъ отъ насъ истину, хотя бы это была истина священная, евангельская, спасительная. Случается, что считаютъ за грѣхъ даже слушать истину, готовы зажать уши отъ спасительнаго ученія, не вѣрятъ изъ-за предразсудковъ своихъ даже написанному въ божественномъ писаніи, или написанное въ немъ толкуютъ по своимъ предразсудкамъ въ неправильномъ смыслѣ. Отсюда произошли всякія заблужденія въ единой христіанской вѣрѣ; отсюда произошелъ расколъ съ различными сектами, котораго и держатся люди одного простаго сословія. И это вовсе не потому, чтобы простой народъ былъ обреченъ оставаться въ невѣжествѣ и заблужденіи какою-то неотвратимою судьбою; нѣтъ, наше невѣжество и наше заблужденіе добровольны съ нашей стороны: вольно намъ питать въ себѣ бо́льшую привязанность и имѣть бо́льшее довѣріе къ нашимъ дѣдамъ-прадѣдамъ, къ роду-племени, нежели къ нашему общему Спасителю Іисусу Христу. А Самъ же Іисусъ Христосъ говоритъ: *кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня* (Матѳ. 10, 37).

Покуда мы слѣдуемъ своимъ предразсудкамъ, намъ спастись никакъ невозможно; потому что при нихъ не дѣйствуютъ на насъ никакія посторонніе убѣжденія въ истинѣ, никакая сила слова, никакія очевидности, ни даже самыя поразительныя чудеса. Таковы были въ древнія времена книжники и фарисеи, которые не разувѣрились въ своихъ заблужденіяхъ, лично видя и слушая Самого Іисуса Христа; таковы въ настоящее время среди насъ раскольники, которые отвергаютъ св. Церковь при явномъ прославленіи ея отъ Самого Бога. А если намъ внимательно всмотрѣться въ самихъ себя, то и въ насъ обнаружатся печальныя дѣйствія предразсудковъ, которые преграждаютъ доступъ къ намъ святой истинѣ и препятствуютъ нашему спасенію. Напр., св. Церковь учитъ насъ, что одна наружная молитва безъ внутренней не имѣетъ никакого значенія и даже не заслуживаетъ названія молитвы; но отчего намъ не вѣрится, что это дѣйствительно такъ? Оттого, что мы съ-измала пріучены къ одной наружной молитвѣ и увѣрились въ ея дѣйствительности. Напр., намъ впушаютъ именемъ Божіимъ, что истинный постъ состоитъ не въ одномъ удаленіи отъ скоромной пищи, а въ воздержаніи отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій и отъ всего злаго и грѣховнаго: отчего же намъ думается, будто, если только въ постный день мы не ѣли скоромнаго, то мы ужь и исполнили обязанность поста? Оттого, что такое понятіе о постѣ мы получили при нашемъ воспитаніи. Отчего, напр., мы не прививаемъ дѣтямъ своимъ предохранитель-

ной осны, тогда какъ къ этому склоняютъ насъ и убѣжденія св. Церкви и видимая польза самаго дѣла? Оттого, что нашъ разсудокъ помраченъ предразсудками, и мы думаемъ, будто грѣшно привитіемъ осны сохранять жизнь и здоровье нашихъ дѣтей. Отчего, напр., даже и совѣсть не мучитъ насъ за кражу и пьянство? Оттого, что мы, такъ сказать, выросли на этихъ порокахъ, привыкли видѣть ихъ въ себѣ и въ другихъ, и совѣсть наша ими уже не возмущается. Отчего мы считаемъ за маловажное обмануть, оклеветать, обидѣть другаго человѣка? Оттого, что главная заповѣдь Іисуса Христа о любви къ ближнимъ, подъ вліяніемъ нашихъ предразсудковъ, представляется намъ маловажною и необязательною. Отчего мы и слышать не хотимъ, что мы не истинные христіане? Оттого, что понятіе о себѣ, какъ объ истинныхъ христіанахъ, въ насъ укоренилось съ самаго дѣтства, и мы не хотимъ съ нимъ разстаться, хотя жизнь и дѣла наши доказываютъ совершенно противное. Отчего, не смотря ни на какія разувѣренія, мы упорно вѣримъ въ существованіе домовыхъ, лѣсныхъ и другихъ вымышленныхъ страшилищъ, не хотимъ оставить вѣры въ предвѣщанія, примѣты, въ силу кудесниковъ, въ ворожбу, въ пророчество сновъ, въ значеніе первой встрѣчи и т. п? Все это отъ нашихъ предразсудковъ; все это оттого, что душа наша сродилась съ такими повѣрьями: намъ тяжело разувѣриться въ томъ, во что мы такъ долго и крѣпко вѣрили.

По нашему странно было Наѳанаилу сомнѣваться во Христѣ по незначительности города Назарета, котораго Христосъ былъ жителемъ; а развѣ не болѣе странно измѣрять человѣческими предразсудками вѣру и законъ І. Христа, и кому-же?—людямъ рабочимъ, неграмотнымъ или малограмотнымъ, которые не посвящены въ таинства вѣры и ни въ чемъ почти не свѣдущи, кромѣ земледѣлія и работы? И въ самую-то завѣтнѣйшую святыню человѣкъ зашелъ съ своими предразсудками!... Вмѣсто того, чтобы свои понятія преобразовать по ученію Христову, люди несвѣдущіе, но самонадѣянные преобразовали, напротивъ, ученіе Христово по своимъ недальнимъ понятіямъ и грубому вкусу; внесли въ него народныя повѣрья; смѣшали его съ человѣческими вымыслами, наслѣдственно передаваемыми отъ поколѣнія къ поколѣнію,—и такимъ образомъ составили для себя какъ-будто собственную особую вѣру, въ которой видна одна лишь тѣнь вѣры Христовой. Столь худое дѣло неминуемо должно сопровождаться столь же худыми послѣдствіями: все богоугожденіе поставляютъ уже въ одномъ наружномъ благочестіи; всю вѣру заключаютъ уже въ однихъ священныхъ обрядахъ; усердіе замѣняютъ лицемѣріемъ; обращаются

съ молитвами своими болѣе къ св. иконамъ, нежели къ Самому Богу; вмѣсто того, чтобы нести въ себѣ крестъ терпѣнія и подвиговъ, довольствуются только однимъ видимымъ изображеніемъ его на своемъ тѣлѣ, или простымъ ношеніемъ его на своей груди; заповѣдь Іисуса Христа любить Бога и ближнихъ замѣняютъ заповѣдями совсѣмъ иного свойства; истинныхъ добродѣтелей христіанскихъ не уважаютъ; грѣхи, несовмѣстимые съ Божіею благодатію, позволяютъ; утѣшенія и помощи Св. Духа не обрѣтаютъ; путь спасенія преграждаютъ себѣ и другимъ,—и въ вѣрѣ Христовой производятъ страшное опустошеніе. Вотъ до чего доводятъ и уже довели многихъ изъ насъ наши предразсудки, которыхъ мы такъ упорно держимся, уважая словно святыню.

Долго ли мы, братія, будемъ порочить имя христіанъ жизнію и повѣрьями невѣрныхъ? Долго ли, миновавъ священныхъ книгъ и правильно поставленныхъ учителей, мы будемъ поучаться вѣрѣ и закону Христовымъ изъ народныхъ сказаній, у непосвященныхъ и несвѣдущихъ въ дѣлѣ людей? Прочитайте или прослушайте св. евангеліе безъ предубѣжденія и предразсудковъ, не говоря о другихъ священныхъ книгахъ,—и вы ясно увидите, какъ нелѣпы всѣ наши повѣрья, какъ безполезны для нашего спасенія наше суевѣтство, многіе труды и дѣла наши. Вникните въ духъ ученія Іисуса Христа и Его св. Церкви,—и оно отразитъ передъ нами нашу душу, какъ въ зеркалѣ; оно обнаружитъ передъ нами наше лицемѣрное благочестіе; оно поставитъ намъ на глаза, что мы изъ числа тѣхъ осуждаемыхъ Іисусомъ Христомъ людей, которые *приближаются къ Богу устами своими и чтутъ Его языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Бога* (Мато. 15, 8). Больной, не чувствующій своей болѣзни! съ которой стороны приступить къ тебѣ врачу-Богу для твоего исцѣленія? Грѣшникъ! какъ приложить къ ранамъ души твоей цѣлительную благодать, когда ты и слышать не хочешь, что ты грѣшникъ? Грѣшника можно простить, преступника можно помиловать; но гдѣ не признаютъ въ себѣ грѣха и преступленія, тамъ какъ Богу прощать и миловать?

Братія! оставивъ всѣ предубѣжденія и предразсудки, великодушно осудимъ въ себѣ то, что достойно осужденія, а судъ о другихъ людяхъ предоставимъ правосудному Сердцевѣдцу—Богу. Въ дѣлахъ спасенія мы должны полагаться ни на себя, ни на людей вообще, ни даже на нашихъ дѣдовъ-прадѣдовъ, а только на Бога и на установленную Имъ на землѣ св. Церковь. И вѣрить мы должны только тому, что открыто Богомъ и принято св. Церковію; а откровеніе Божіе должны понимать такъ, какъ растол-

куютъ его намъ Богомъ же поставленные учители. И нѣтъ времени лучшаго и болѣе благопріятнаго для нашего исправленія и просвѣщенія, какъ нынѣшніе св. дни великаго поста. Только постараемся молиться Богу не одними словами, поклонами и крестными знаменіями, а вмѣстѣ умомъ и сердцемъ; будемъ поститься не въ одной пищѣ, а въ помыслахъ и желаніяхъ; на исповѣди, отложивъ ложный стыдъ и всякое самооправданіе, признаемся во всѣхъ грѣхахъ своихъ; со страхомъ и вѣрою причастимся св. Таинъ,—и тогда сойдетъ на насъ благодать Божія, которая просвѣтитъ нашу душу и откроетъ намъ тайны спасенія. Аминь.

8

ПОУЧЕНІЕ

во вторую недѣлю великаго поста.

Господь Іисусъ Христосъ разъ пришелъ въ городъ Капернаумъ и остановился въ одномъ домѣ. Въ Капернаумѣ въ то время былъ одинъ больной, разслабленный жилами, который не могъ владѣть ни однимъ тѣлеснымъ членомъ. Какъ скоро разнеслась молва, что Іисусъ Христосъ въ Капернаумѣ, въ извѣстномъ домѣ, четыре человѣка взяли разслабленнаго, положили на постелю и понесли къ Іисусу Христу. *И не имѣя возможности приблизиться къ Нему за многолюдствомъ, раскрыли кровлю дома, гдѣ Іисусъ находился, и прокопавши ее, спустили постелю, на которой лежалъ разслабленный.* Іисусъ Христосъ, увидѣвъ предъ Собою постелю и на постелѣ едва живаго человѣка, сперва сказалъ ему: *чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои;* и потомъ прибавилъ: *встань, возьми постелю твою и иди въ домъ свой.* Разслабленный *тотчасъ всталъ и, взявъ постелю свою, вышелъ* изъ дома въ виду всего находившагося тутъ народа (Марк. 2, 1—12).

Къ чему, повидимому, эти слова Іисуса Христа: *чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои?* Разслабленнаго совсѣмъ не для того принесли къ Іисусу Христу, чтобы Іисусъ простилъ ему грѣхи, а для того, чтобы Онъ исцѣлилъ разслабленнаго отъ болѣзни. Да, люди думали такъ, а вышло иначе. Они желали исцѣленія болѣзни, а получили и исцѣленіе болѣзни и прощеніе грѣховъ.

Братія! Богъ и всегда такъ поступаетъ. Онъ часто даетъ людямъ и то, о чемъ Его не просятъ, о чемъ Ему не молятся; а кто проситъ Его, кто ищетъ Его помощи, тому очень часто Онъ помогаетъ не только въ просимомъ, но и сверхъ молитвы и

искания. Случается, сами-то мы не знаемъ, что̀ именно для насъ требуется; а Богъ знаетъ наши истинныя нужды прежде нашего къ Нему прошенія (Мато. 6, 8). Онъ только ждетъ, когда мы станемъ Ему молиться, когда станемъ искать Его помощи, чтобы вмѣстѣ съ однимъ дать намъ и другое и третье.

Отчего же происходитъ, что мы иногда просимъ Бога, иногда ищемъ Его помощи, а исполненія нашихъ прошеній часто не видимъ, и помощи отъ Него часто не получаемъ. Братія! это происходитъ не отъ Бога, а отъ насъ самихъ. Должно быть, мы не такъ Его просимъ, не такъ ищемъ Его помощи; должно быть, мы молимся Ему все равно, что не молимся, ищемъ Его помощи,— что не ищемъ. Случается, мы по невѣдѣнію желаемъ себѣ вреднаго: любя насъ, Богъ, разумѣется, такихъ желаній нашихъ никогда не исполняетъ.

Здѣсь воротимся къ разслабленному. Предъ Іисусомъ Христомъ является постеля, и на постелѣ полумертвый человѣкъ. О больномъ никто не проситъ Іисуса; никто не говоритъ, что̀ ему нужно. Но Іисусъ видитъ, Іисусъ слышитъ, что̀ на душѣ четверыхъ людей, свѣсившихъ постелю и стоящихъ на кровлѣ дома, ихъ тайная сердечная молитва, приносимая съ вѣрою (ст. 5), доходитъ до Господа Іисуса, и Господь съ однимъ даетъ больному и другое,— съ исцѣленіемъ болѣзни прощаетъ ему и всѣ грѣхи. Вотъ вамъ, братія, примѣръ молчаливой молитвы, силу которой многіе изъ насъ отвергаютъ. Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, сердце иногда громче словъ вопіетъ къ Богу; иногда оно горитъ къ Нему пламеннѣе свѣчи; иногда душа смиряется предъ Нимъ ниже земныхъ поклоновъ. И эта молитва безъ словъ, безъ свѣчи, безъ поклоновъ доходитъ къ Богу; и за нее Онъ даетъ вдвое и втрое противъ того, о чемъ Ему молятся; и къ ней Онъ бываетъ щедръ безъ конца. Правда, хороша, повидимому, и наша молитва, но бѣда въ томъ, что она не всегда соединяется у насъ съ сердечнымъ расположеніемъ. Ясно и свѣтло горитъ наша свѣча предъ св. иконой, только въ сердцѣ-то у насъ иногда мало теплоты и свѣта; краснорѣчивы наши слова на молитвѣ Богу, только душа-то въ насъ часто бываетъ предъ Нимъ молчалива и неподвижна; низки наши поклоны, только внутри-то насъ часто происходитъ не то,—только душой-то иногда мы слишкомъ высоко заносимся. Сердцевѣдецъ Богъ все это въ насъ видитъ, и нашихъ молитвъ часто не слушаетъ.

О молитвѣ мы теперь сказали, поговоримъ объ исканіи Божіей помощи. Четверыхъ людей, несшихъ разслабленнаго на постелѣ къ Іисусу Христу, не допустила до Него тѣснота народа; имъ

надобно было или идти назадъ домой, или дожидаться удобнаго времени съ разслабленнымъ. Но остановились ли они передъ этимъ препятствіемъ? Нѣтъ, они подняли больнаго съ постелей на кровлю дома, проломали потолокъ, спустили и поставили постелю съ больнымъ передъ глазами Іисуса Христа. Такъ же рѣшительно и намъ надобно поступать, когда ищемъ Божіей помощи. Если Богъ не подаетъ намъ Своей помощи по нашей молитвѣ, то наложимъ на себя постъ, будемъ подавать милостыню; дадимъ себѣ слово прощать обиды, примириться съ нашими врагами, воздерживаться отъ грѣховъ, свято исполнять божественныя заповѣди и т. п. Только не будемъ отставать отъ своего предпріятія, только будемъ терпѣливы въ продолжительномъ и иногда будто безнадежномъ исканіи,—и непремѣнно получимъ вдвое или втрое противъ того, чего ищемъ. Богъ всегда бы готовъ посылать намъ помощь Свою и безъ нашего исканія, но черезъ это могла бы охладѣть наша любовь къ Нему, пропало бы наше къ Нему усердіе, тогда бы мы, можетъ статься, не захотѣли и знать Бога, ожидая отъ Него помощи, какъ чего-то обыкновеннаго и повседневнаго. Оттого-то Онъ и не даетъ намъ нѣкоторыхъ благъ безъ нашего исканія. Но Онъ неусыпно надзираетъ надъ Своими искателями, и какъ скоро видитъ, что мы достаточно испытаны; что мы утвердились въ выборѣ исканія; что мы, не взирая на долговременную несбыточность нашихъ надеждъ, не желаемъ и не ищемъ ни чьей помощи, кромѣ Божіей: тогда Онъ даетъ намъ о Себѣ знать и, по мѣрѣ нашихъ трудовъ, любви и терпѣнія, щедро одѣляетъ насъ тѣмъ, чего ищемъ. Итакъ только надобно искать,—и непремѣнно найдемъ, чего ищемъ. *Просите*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ* (Мато. 7, 7. 8).

Братія! каждый день, каждую минуту мы имѣемъ нужду въ Божіихъ благахъ и въ Божіей помощи. Человѣкъ уже такъ созданъ, что, миновавъ Бога, нигдѣ и ни въ чемъ не можетъ найдти себѣ истиннаго благополучія. Слѣдовательно, самое желаніе себѣ добра должно побуждать насъ къ молитвѣ и къ исканію Божіей помощи. Да и Богъ столько благъ, столько милостивъ къ намъ грѣшнымъ, что только безразсудные и безпечные люди Ему не молятся и не ищутъ Его помощи. Богъ многое дастъ намъ и безъ нашей молитвы; Онъ посылаетъ намъ дары Свои и безъ нашего исканія. За молитву, конечно, Онъ даетъ больше; за исканіе мы получаемъ много такого, чего бы намъ не имѣть безъ исканія. За усердную и пламенную молитву, за терпѣливое и неотступное

исканіе Богъ дастъ намъ столько, сколько получить мы въ состояніи, такъ-что щедроты Его въ этомъ случаѣ не съ чѣмъ болѣе сравнить, какъ съ родственной щедростью отца къ сыну. Итакъ, братія, будемъ молиться Богу какъ можно усерднѣе, и искать Его помощи какъ можно терпѣливѣе. Аминь.

9

ПОУЧЕНІЕ

въ третію недѣлю великаго поста,—крестопоклонную.

Кресту Твоему покланяемся, Владыко.

Мы всѣ покланяемся кресту Христову, только не всѣ пріобщаемся плоти Христовой, распятой на крестѣ, и крови Христовой, на крестѣ пролитой. Кресту покланяемся, а св. Таинъ не причащаемся; крестъ лобызаемъ, а Распятаго на крестѣ забываемъ; крестъ всячески почитаемъ: крестъ носимъ на себѣ безотлучно, крестнымъ знаменіемъ непрестанно ограждаемся, а отъ Того, Кто пострадалъ на крестѣ, удаляемся.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего это, при всеобщемъ почтеніи и уваженіи къ кресту Христову, равно-какъ къ плоти и крови Христовымъ, такъ много христіанъ не причащаются св. Таинъ? У многихъ происходитъ это отъ нерадѣнія. Не рѣдкость слышать такія слова: «на что мнѣ причащаться? вѣдь я не при смерти». Какъ несчастный,—ежели ты не при смерти, то Спаситель тебѣ ужь и не нуженъ? Спаситель за тебя страдалъ на крестѣ, а тебѣ покуда нѣтъ до того дѣла? Спаситель принялъ за тебя смерть, а ты покуда и знать того не хочешь? Покуда ты живъ, здоровъ и благополученъ, т. е. покуда милуетъ тебя Богъ и терпитъ грѣхи твои, для тебя все равно, есть ли Спаситель, или нѣтъ Его; сходилъ ли на землю Сынъ Божій, или остался на небесахъ; распинался ли на крестѣ, или не распинался; умиралъ ли за тебя, или не умиралъ; воскресъ ли изъ мертвыхъ, или умеръ невозвратно. Вообразите глубокую горесть нѣжной матери, которая ласкаетъ любимаго сына, ухаживаетъ за нимъ, услужаетъ ему, жертвуетъ для него своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, самую жизнь свою готова положить для его счастія, а сынъ на всѣ ея ласки, попеченія и жертвы отвѣчаетъ одною грубостію;—вообразите такую мать, и вы поймете, сколь великое оскорбленіе мы наносимъ Спасителю міра, когда отказываемся отъ предлагаемаго намъ общенія

съ Нимъ чрезъ св. Тайны: когда на всѣ Его жертвы, на всю Его безмѣрную любовь къ намъ недостойнымъ мы отвѣчаемъ словами, исполненными величайшей грубости: «на что мнѣ причащаться? вѣдь я не при смерти». Къ кому относятся такія твои слова? Къ Спасителю міра, Который съ любовію и кротостію предлагаетъ тебѣ пострадавшее за тебя тѣло Свое и пролитую за тебя кровь Свою, и предлагаетъ единственно потому, что это необходимо для твоего же вѣчнаго счастія; и ты на такое предложеніе Спасителя отвѣчаешь только: «на что мнѣ причащаться? вѣдь я не при смерти». Да и правду ли ты говоришь, что ты не при смерти? Нѣтъ, мы всѣ и во всякое время при смерти. Зародышъ смерти мы вынесли съ собой еще изъ материнской утробы, съ самаго начала нашей жизни; съ той поры наша смерть всегда съ нами,—мы носимъ ее въ себѣ безотлучно. Какъ восходящее солнце уже освѣщаетъ лучами своими мѣсто своего заката, такъ въ виду колыбели человѣка приготовлена и его могила. Внутри насъ происходитъ непрерывная борьба между жизнью и смертью, и эта борьба оканчивается непремѣнно побѣдою смерти. И къ какому же времени намъ откладывать для себя принятіе животворящихъ Христовыхъ Таинъ, когда мы, такъ сказать, умирая живемъ и живя непрерывно умираемъ? Но положимъ, что совершенное разрушеніе бренной храмины нашего тѣла,—окончательная и невозвратная смерть еще далека отъ насъ: что же мы потеряемъ, ежели, живя на землѣ, будемъ имѣть сообщеніе и съ небомъ; ежели, оставаясь въ здѣшнемъ мірѣ скорбей и плача, будемъ имѣть утѣшеніе въ принятіи плоти и крови Христовыхъ? Разузумѣется, не потеряемъ, а пріобрѣтемъ: пріобрѣтемъ блаженную вѣчность; пріобрѣтемъ нескончаемыя радости; пріобрѣтемъ въ себя Самого Бога, а съ Богомъ пріобрѣтемъ все. Притомъ же смотри: ты разсчитываешь на долговѣчную жизнь, откладывая покаяніе и принятіе св. Таинъ до смертнаго часа; а развѣ не знаешь, что срокъ твоей жизни во власти Того, Чьей плоти и Чьей крови ты не хочешь причаститься въ настоящее время?

Конечно, не всѣ изъ насъ отказываются отъ предлагаемаго намъ св. Причастія потому только, что они не при смерти, многіе изъ насъ не исполняютъ этой христіанской обязанности подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ разныхъ недосуговъ. Мы обыкновенно разсчитываемъ такъ: чтобы причаститься св. Таинъ, надобно намъ поговѣть, походить въ церковь и дома молиться Богу; надобно исповѣдаться у духовника, выслушать церковное правило; надобно и послѣ причащенія св. Таинъ не оставлять молитвы церковной и домашней;—а время между тѣмъ будетъ все идти,

торговля остановится, работа замедлится, нужныя житейскія дѣла не будутъ исправлены. Да, братія, на все у насъ есть досугъ: досугъ и на работу, досугъ и на торговлю, досугъ и на веселье, досугъ и на бездѣлье; цѣлыя недѣли намъ досугъ прогуливать на свадебныхъ пирахъ, въ храмовые праздники, въ святки, въ масляницу и т. п.;—только недосугъ, по крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, причаститься св. Таинъ. Грѣшить намъ всегда досугъ, только недосугъ каяться въ грѣхахъ; намъ всегда досугъ удалиться отъ Христа, только недосугъ возвращаться къ Нему и соединяться съ Нимъ чрезъ св. Причастіе. Христосъ, какъ Всемогущій Богъ, далъ намъ триста шестьдесятъ пять дней въ году, а мы не хотимъ удѣлить Ему и одной недѣли; и удѣлить не Ему собственно,—потому что Божество ни въ чемъ отъ насъ не нуждается, а самимъ себѣ, своей душѣ,—потому что св. Причастіе питаетъ и спасаетъ душу, соединяя ее съ Самимъ Богомъ. И не Христосъ ли, Которому *дана всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18), владѣетъ всѣми днями нашей земной жизни? Не Онъ ли располагаетъ по Своему премудрому изволенію нашей участью и нашими успѣхами въ работѣ, въ торговлѣ и во всѣхъ дѣлахъ? А ежели Богъ волепъ во всемъ; ежели мы не имѣемъ власти располагать исправленіемъ нашихъ нуждъ и чувствуемъ себя не въ силахъ устроить собственную участь по нашему желанію,—какъ же это мы хотимъ пріобрѣсти для себя нѣкоторыя земныя выгоды тѣмъ временемъ, которое мы должны посвятить на служеніе Господу и на спасеніе нашихъ собственныхъ душъ? Очевидно, это съ нашей стороны есть совершенное нерадѣніе о самихъ себѣ. Но, братія, намъ надобно всегда знать и всегда помнить, что нерадивымъ христіанамъ нѣтъ мѣста въ царствіи Божіемъ.

Тотъ не есть христіанинъ и причисляется къ невѣрному, кто покрайней-мѣрѣ одинъ разъ въ годъ не причастится св. Таинъ: такъ узаконено соборомъ св. Отецъ. И Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *если не будете ясть плоти Моей и пить крови Моей, то не будете имѣть въ себѣ жизни* (Іоан. 6, 53.), т. е. будете подобны мертвому трупу. Будемъ же, братія, каяться, покуда есть прощеніе; будемъ причащаться, покуда св. Причастіе намъ предлагается. А то придетъ, и придетъ непремѣнно такое время, когда и радъ бы былъ покаяться, но покаяніе уже не будетъ принято; и радъ бы былъ причаститься, но св. Тайны также удалятся отъ насъ, какъ удаляются отъ нихъ нынѣ многіе изъ насъ. Аминь.

10

ПОУЧЕНІЕ

въ четвертую недѣлю великаго поста.

Въ нынѣчтеніомъ евангеліи разсказывается слѣдующее происшествіе. Къ Господу Іисусу Христу разъ привели человѣка, одержимаго нечистымъ духомъ. Нечистый духъ производилъ въ больномъ непрерывную нѣмоту и глухоту; по временамъ появлялись у больнаго пѣна изо рта, скрежетаніе зубовъ и оцѣпенѣніе; а иногда больной бросался то въ огонь, то въ воду. Изгнать нечистаго духа изъ этого человѣка сперва попытались-было ученики Христовы, но не могли. Когда же изгналъ нечистаго духа Самъ Іисусъ Христосъ, то ученики спросили своего Учителя: отчего они не могли изгнать бѣса изъ человѣка? Іисусъ Христосъ отвѣтилъ имъ на это, что бѣсы ничѣмъ не изгоняются, кромѣ молитвы и поста: *сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ* (Марк. 9, 17—30).

Братія! Нельзя сказать о насъ, чтобы мы были людьми бѣсноватыми,—покрайней-мѣрѣ мы не чувствуемъ въ себѣ явнаго присутствія злыхъ демоновъ; но то несомнѣнно, что въ насъ владычествуетъ грѣхъ, что мы одержимы множествомъ злыхъ страстей, порочныхъ склонностей и нечистыхъ похотѣній. То правда, что мы не нѣмы и не глухи; но лучше бы намъ быть совершенно нѣмыми, нежели, пользуясь твердымъ языкомъ, употреблять его на оклеветаніе ближняго, на изреченіе неправды, на произношеніе сквернымъ словъ, на пѣніе любострастныхъ пѣсенъ, на обольщеніе невинности, на совращеніе другихъ съ пути истиннаго, на распространеніе вредныхъ заблужденій и т. п. Лучше бы намъ быть отъ роду глухими, нежели, пользуясь твердымъ слухомъ, внимательно слушать людскія пересуды и сплетни, слушать рѣчи худыя, соблазнительныя, развратныя, возмущающія миръ съ людьми, растлѣвающія душу и сердце и т. п. Мы не имѣемъ пѣны у рта и не скрежещемъ зубами; но каковы мы во гнѣвѣ и ярости? — что нашъ бѣсноватый!... Мы не бросаемся ни въ огонь, ни въ воду; за то, не взвидѣвъ благодатнаго свѣта, бросаемся въ самое пламя пожирающихъ страстей; бросаемся въ самый омутъ грѣховъ, ничего не думая о томъ, чѣмъ наша такая жизнь кончится,—а она неминуемо кончится нашей вѣчной погибелью. Такъ, обитающія въ насъ злыя страсти, порочныя склонности и нечистыя похотѣнія не демоны, но ничѣмъ не лучше демоновъ; онѣ, овладѣвъ

нами, влекутъ насъ къ забвенію и даже къ презрѣнію закона Божія; влекутъ насъ къ пьянству, къ гордости, къ корыстолюбію, къ обманамъ, къ лжесвидѣтельству, къ измѣнѣ противъ присяги, къ продажѣ своей совѣсти и чести, къ клеветамъ и предательству ближняго, къ немилосердію и жестокости, къ сладострастію самому срамному, безстыдному, позорному и т. п. Всего не перечтешь, что мы дѣлаемъ худаго на погибель себѣ и другимъ. Одержимые злыми страстями, порочными склонностями и нечистыми похотѣніями, мы, какъ бѣшеные, бросаемся отъ одного грѣха къ другому, отъ порока къ пороку, отъ нечистоты къ бо́льшей нечистотѣ.

Есть ли средства изгнать изъ насъ эти страсти, склонности и похотѣнія, которыя видимо ведутъ насъ къ окончательной погибели? Есть, и именно постъ и молитва. Постомъ и молитвою изгоняются не только настоящіе бѣсы, но и производимыя бѣсами злыя страсти, порочныя склонности и нечистыя похотѣнія. Не мы сами изгонимъ ихъ изъ себя, а ихъ изгонитъ изъ насъ благодать Божія, если только мы будемъ молиться и поститься.

Ахъ, душа, утомленная грѣхами и суетами жизни,—какъ она рада времени св. великаго поста! Только во время его душа находитъ себѣ отдыхъ, непрерывно нарушаемый. Въ домахъ тишина. На улицахъ видны только люди, идущіе по надобности. Нигдѣ не видно праздная шатанья; нигдѣ не слышно пѣсенъ и нестоваго гиканья. Питейные дома пусты, а св. храмъ Божій полонъ народа. Волею, или неволею, а почти всѣ христіане нынѣ постятся и молятся. За то всѣ стали точно другіе. Самая земля и воздухъ какъ-будто перемѣнились къ лучшему. И отъ чего такая хорошая перемѣна? Ее произвели постъ и молитва.

Нашъ постъ обыкновенно заключается почти въ томъ только, что мы не употребляемъ скоромной пищи. Это такъ и должно быть. Тѣмъ не менѣе такой постъ далеко не достаточенъ, чтобы вполнѣ соблюсти постъ въ отношеніи къ пищѣ, надобно не только оставить вовсе скоромную пищу, но и пищу постную надобно употреблять и рѣдко и умѣренно. Не думайте, чтобы отъ рѣдкаго и умѣреннаго употребленія постной пищи человѣкъ терялъ силу и не могъ работать; нѣтъ, постящійся человѣкъ вообще бываетъ свѣжъ, легокъ, живъ, бодръ и проворенъ въ работѣ. Его не клонитъ часто ко сну; его не позываетъ непрестанно на пѣгу, на лѣнь и на отдыхъ послѣ бездѣлья. Постящійся такимъ образомъ человѣкъ дѣлаетъ только то, что нужно дѣлать; ходитъ только за нужнымъ, расходуетъ только на необходимое и все время употребляетъ только на полезное. Причудъ, прихотей и забавъ у человѣка не бываетъ, когда онъ постится; его не отвлекаютъ отъ

дѣла ни пиры, ни *гулянья*; среди постоянныхъ занятій ему и на умъ нейдетъ много дурнаго. За совершеннымъ исправленіемъ житейскихъ нуждъ, ему досугъ заняться и спасеніемъ своей души, досугъ послужить и Богу; ему есть время сходить въ св. Церковь и дома лишній часъ простоять на молитвѣ; есть на что и свѣчку поставить къ св. иконѣ.

Видите, какъ человѣкъ становится лучшимъ отъ одного поста въ недѣлю. Что сказать, если бы мы наложили постъ еще на наши желанія, на наши помыслы, на наши страсти? Тогда невольно укротилось бы волненіе обитающаго въ насъ демона грѣховнаго, затихли бы наши плотскія нечистыя влеченія. Огонь безъ дровъ неминуемо гаснетъ: такъ и желанія безъ исполненія прекращаются; грѣховныя привычки теряютъ силу въ той мѣрѣ, какъ мы отказываемъ имъ въ удовлетвореніи.

Впрочемъ, мы сами собою не въ силахъ выдержать борьбу съ грѣхомъ: для этого необходима помощь Божія; а для полученія Божіей помощи нужна съ нашей стороны молитва. На молитвѣ къ Богу мысли человѣка обращаются къ небу, желанія его стремятся къ благамъ царства небеснаго, воображеніе занято видами смерти и страшнаго суда Божія, сердце исполняется страхомъ Божіимъ, міръ забывается, его обольщенія теряютъ свою привлекательность, —и въ человѣкѣ, молящемся Богу, не остается мѣста ни демонскимъ внушеніямъ, ни злымъ страстямъ, ни порочнымъ склонностямъ, ни нечистымъ похотѣніямъ.

Такъ, покуда мы постимся и молимся, мы всегда чувствуемъ облегченіе въ тяготящихъ насъ грѣхахъ и въ грѣховныхъ влеченіяхъ; но они скоро возвращаются къ намъ со всею силою (Мато. 12, 45), когда мы перестаемъ поститься и молиться. Чтобы совершенно изгнать изъ себя этого внутренняго демона, намъ надобно чаще исповѣдываться и причащаться св. Таинъ. Напрасно нѣкоторые изъ насъ только постятся и молятся, а на исповѣдь не ходятъ и св. Таинъ не причащаются. Зачѣмъ, начавъ доброе дѣло, не докачнивать его? Зачѣмъ, припявшись за спасеніе души, опять предавать ее на погибель? Постъ и молитва, отрезвивъ *нашу душу* и, *такъ сказать*, *образумивъ ее*, возбуждаютъ въ насъ *чувство нашей* грѣховности и раскаянія въ прошедшей безпорядочной жизни и располагаютъ насъ къ исповѣди; на исповѣди прощаются наши грѣхи, и мы дѣлаемся достойными принять св. Тайны *не въ судъ или во осужденіе, но въ жизнь вѣчную*. А св. Причастіе, достойно принятое, точно огонь сожигаетъ живущій въ насъ грѣхъ и далеко отгоняетъ отъ насъ всю бѣсовскую силу.

Итакъ, братія, не все же намъ утопать въ грѣхѣ и гибнуть

на вѣки. Вотъ мы стали поститься и молиться,—и намъ видимо стало лучше: мы стали совсѣмъ не таковы, каковы были, напр., въ масляницу. Но на душѣ у насъ было бы еще лучше, если бы мы всѣ исповѣдались въ своихъ грѣхахъ и приняли св. Причастіе. Никакія сокровища міра сего не могутъ сравняться для насъ съ св. Причастіемъ. Это не деньги, которыя такъ легко проживаются; это не золото, съ которымъ неминуемо разстаться,—а Самъ Спаситель, съ Которымъ не разлучитъ насъ самая смерть, Который введетъ насъ въ царство небесное и доставитъ намъ радости нескончаемыя. Аминь.

11

ПОУЧЕНІЕ

въ пятую недѣлю великаго поста.

Людскому честолюбію нѣтъ границъ. Случалось, что ученіе Самого Іисуса Христа не истребляло на первый разъ даже въ приближенныхъ къ Нему страсти къ чести и славѣ. Примѣръ этому мы сейчасъ слышали въ евангеліи. Два апостола Христовыхъ, братья Іаковъ и Іоаннъ, вообразивъ Іисуса Христа пришедшимъ въ міръ для воспріятія земнаго царства, разъ обратились къ Нему съ просьбою о томъ, чтобы Онъ почтилъ ихъ бо́льшею противъ всѣхъ другихъ честію и славою при Своемъ земномъ владычествѣ. *Дай намъ сѣсть у Тебя одному по правую сторону, а другому по лѣвую въ славѣ Твоей:* вотъ о чемъ они просили Іисуса. Но Іисусъ прямо назвалъ ихъ просьбу безрасудною: *не знаете чего просите*, отвѣтилъ Онъ имъ. И чтобы дать имъ правильное понятіе о Своемъ лицѣ, а также чтобы разрушить ихъ честолюбивые замыслы, Іисусъ Христосъ предложилъ имъ въ земной жизни не величіе предъ другими людьми, а служеніе людямъ; предложилъ чашу горькую, за которою слѣдуетъ слава и честь неземная и временная, а небесная и вѣчная. *Можете ли пить чашу, которую Я пью?* сказалъ Онъ имъ. *Чашу, которую Я пью, будете пить* (Марк. 10, 34—45).

Слава и честь есть идолъ, которому поклоняются всѣ грѣшники, отъ малаго до великаго. И сколько жертвъ, часто драгоцѣнныхъ и тягостныхъ, пожираетъ этотъ идолъ, воздвигнутый человѣческой суетностью! Въ угодность ему человѣкъ обыкновенно скрываетъ свои пороки, чтобы о нихъ не узнали другіе, нисколько не стараясь быть въ дѣйствительности безпорочнымъ; малѣй-

РОСС... ГОСУД... БИБЛИОТЕКА

шее добро свое старается выставить на всеобщій показъ; всѣ свои дѣйствія клонитъ къ тому, чтобы люди его хвалили и уважали; для этой цѣли употребляетъ предъ людьми гдѣ низость и гдѣ гордость, гдѣ ласкательство и гдѣ жестокость; во всякой мелочи не упускаетъ изъ виду людской славы, всѣмъ жертвуетъ для нея,— и счастіемъ ближняго, и своимъ покоемъ. Хитрости, обманъ, безсовѣстность, лицемѣріе, ханжество, пронырство, злорадованіе, зависть, оклеветаніе, посягательство на честь и благосостояніе ближняго, холодность къ Богу, презрѣніе всѣхъ не только христіанскихъ, но и человѣческихъ обязанностей и т. п.—вотъ обыкновенныя жертвы, приносимыя нами честолюбію и никогда его не насыщающія. И вмѣсто ожидаемаго довольства, по мѣрѣ приносимыхъ жертвъ мы чувствуемъ только болѣе и болѣе тягостную пустоту въ душѣ и потерю истиннаго счастія. Такимъ образомъ честолюбіе поселяетъ въ человѣкѣ настоящій адъ въ награду за всѣ жертвы, которыя приносятся этому кумиру свѣта.

Правда, мірская слава, повидимому, увлекательна. Пріятно было бы слышать имя свое, какъ оно гремитъ и вблизи и вдали нашего жительства; заманчиво видѣть себѣ отъ другихъ почтеніе и уваженіе; власть надъ людьми, кажется, имѣетъ много прелестей; восхитительно должно быть первенство и преимущество передъ другими. Но все это очарованіе разрушается при одномъ пристальномъ взглядѣ на честь и славу. Что такое въ самомъ дѣлѣ честь и слава? Людское мнѣніе, народная молва; одинъ предметъ зависти для всѣхъ; одна мечта безъ осуществленія. Вся честь и слава состоитъ только въ томъ, чтобы считаться лучшими и достойнѣйшими другихъ. Она прекрасна и вожделѣнна только издали, покуда не достигнута; вблизи, по ея достиженіи, она теряетъ всѣ свои прелести. И объ этомъ-то такъ много, такъ неутомимо хлопочетъ человѣкъ во всю жизнь свою! Чѣмъ же должны оканчиваться всѣ его хлопоты? Разумѣется, тѣмъ, что, будучи занятъ химерами мнимаго счастія, человѣкъ самъ себя лишаетъ счастія дѣйствительнаго; теряетъ вѣрное изъ-за невѣрнаго; оставляетъ существенное благо и гонится за его тѣнью.

Чтобы имѣть о себѣ славу, надобно заслужить ее; чтобы пользоваться почтеніемъ и уваженіемъ отъ другихъ, надобно быть того достойнымъ; чтобы имѣть власть надъ людьми, надобно быть къ ней способнымъ и умѣть управлять людьми; чтобы имѣть первенство и преимущество передъ другими, надобно быть лучше и достойнѣе другихъ. Истинныя заслуги всегда награждались и награждаются; добродѣтель славятъ и безъ домогательства; милосердыхъ любятъ охотно; всякое полезное дѣло само собою пріобрѣ-

тастъ похвалу; достойныхъ почтенія вездѣ уважаютъ; кто умѣетъ дѣлать счастливыми другихъ, тому люди сами повинуются и подчиняются; кто лучше и достойнѣе другихъ, тому уступаютъ. Угодники Божіи прославлялись, сколько ни бѣгали отъ славы: слава находила ихъ и въ пустыняхъ, и въ дремучихъ лѣсахъ, и въ затворничествѣ, и въ пещерахъ. А кто домогается себѣ чести и славы, того люди на перекоръ безчестятъ и безславятъ. Честолюбцы вообще ненавистны. Случается, въ глаза кого по нуждѣ почитаютъ и насильно кому уступаютъ, за то въ душѣ своей того ненавидятъ; за то заочно того злословятъ и по возможности тому вредятъ. Слава, какъ произведеніе суетнаго міра, достается часто тѣмъ, которые ея недостойны; но не бываетъ ея тамъ, гдѣ ея ищутъ и домогаются, такъ-что чѣмъ больше стараешься быть въ славѣ, тѣмъ дальше слава отъ тебя убѣгаетъ. Слава любитъ по большей части тѣхъ, у кого нѣтъ о ней и помышленія; и часто тѣмъ удается входить въ честь и славу, которые вовсе ея не ожидали, вовсе о ней не думали.

Быть человѣкомъ, а особенно быть христіаниномъ—вотъ для насъ истинная честь и слава, больше и лучше которой намъ нельзя имѣть въ жизни. Быть рабомъ Іисуса Христа и господиномъ самого себя есть такая слава и величіе, которыя наполняютъ душу человѣка безмятежнымъ удовольствіемъ; а быть рабомъ людской молвы и угодникомъ міра есть истинное и постыдное безславіе, которое влечетъ за собою стыдъ, неудовольствія и самыя ѣдкія горести. Истинная и вѣчная слава снискивается смиреніемъ, уступчивостію, кротостію, великодушіемъ и безкорыстнымъ служеніемъ ближнему: о ней и люди невольно говорятъ, и на небесахъ ея радостно торжествуютъ. И отъ Бога и отъ людей человѣку честь, если онъ добръ, благотворителенъ, вѣренъ своей должности, не почитаетъ себѣ въ стыдъ быть слугою людямъ, самъ любитъ повиноваться кому слѣдуетъ, не домогается воздаянія отъ людей, а все дѣлаетъ по любви къ Богу и къ людямъ. Да вѣрному христіанину и ни въ какомъ случаѣ несвойственно говорить или думать: «что скажутъ люди»? потому что на дѣла его смотритъ лучшій Судія дѣлъ, сердцевѣдецъ Богъ. Предоставляя міру судить дѣла наши, этимъ самымъ мы какъ-будто отстраняемъ отъ себя судъ Божій; и за всѣ заслуги домогаясь награды отъ людей, мы, значитъ, отрекаемся отъ всякихъ наградъ въ жизни будущей. Человѣкоугодники вообще до того ненавистны Богу, что Онъ обѣщалъ разсыпать самыя кости ихъ (Пс. 52, 6).

Богъ указываетъ намъ славу несравненно лучшую той, которой мы непрестанно домогаемся: къ ней-то постараемся устремить

свои искания. Чѣмъ стараться слыть умными и добрыми, лучше въ самомъ дѣлѣ будемъ таковыми; чѣмъ искать и добиваться себѣ чести и почтенія, лучше постараемся быть въ душѣ своей честными и почтенными. Что пользы, если люди будутъ приписывать намъ то, чего мы въ дѣйствительности не имѣемъ? Наше счастіе живетъ въ насъ самихъ: стало быть не со стороны мы должны искать его, а въ своемъ исправленіи и улучшеніи. Кто носитъ въ душѣ своей довольство, покой и чистую совѣсть, для того все равно, хвалятъ ли его люди, или охуждаютъ. Богъ любитъ кроткихъ и смиренныхъ; царство небесное дается и отребію міра, слава на небесахъ ждетъ тѣхъ, которые нисколько не дорожатъ славою людскою. А честолюбіе какъ здѣсь не знаетъ себѣ покоя, такъ и на томъ свѣтѣ будетъ безотрадно. Аминь.

12

ПОУЧЕНІЕ

въ ту же недѣлю.

Иже аще хощетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ (Марк. 10, 44).

Вотъ одно изъ правилъ христіанской жизни, о которомъ мы едва ли когда и вздумаемъ! Кто хочетъ быть старшимъ передъ другими, тотъ долженъ быть для всѣхъ рабомъ; и кто хочетъ быть бо́льшимъ надъ другими, тотъ долженъ быть для всѣхъ слугой. Въ мірѣ, исполненномъ различныхъ неправдъ, тотъ и превосходитъ другихъ, кому служатъ другіе; но у вѣрныхъ христіанъ старѣйшинство и превосходство передъ другими, по заповѣди Іисуса Христа, состоитъ именно въ служеніи другимъ.

Ни слова о томъ, что такое правило жестоко для нашего самолюбія и нисколько не согласуется съ нашими понятіями о человѣческихъ достоинствахъ и съ нашими отношеніями другъ къ другу; но для спасенія души исполненіе этого правила необходимо. И въ самомъ дѣлѣ, что за угожденіе Богу, если я живу въ одного себя; тружусь только для своей пользы; забочусь только о собственныхъ выгодахъ; стараюсь, чтобы мнѣ одному было хорошо на свѣтѣ, а ближнему моему ни въ чемъ не послужу? Какая будетъ во мнѣ добродѣтель, если всѣ дары Божіи я утаю въ одномъ себѣ, хлѣбъ запру въ житницы отъ голодныхъ, затворю домъ мой для несчастнаго скитальца, не помогу нуждающемуся,

не пособлю гонимому судьбой, не окажу помощи больному, не спасу погибающаго и т. п.? Чѣмъ тогда я буду разниться отъ лютыхъ звѣрей, которые, подобно мнѣ, единственно заботятся о себѣ? Чѣмъ заслужу тогда я милость Царя небеснаго, Который заповѣдалъ мнѣ любить другихъ людей, какъ самого себя? Да и какъ тогда осмѣлюсь я называть себя христіанином, когда всякій невѣрный, не знающій воли Господней, поступаетъ нисколько не хуже моего? Но чтобы угодить Богу моему, я долженъ служить всякому человѣку безъ разбора и, оставивъ всѣ корыстные разсчеты, всѣми силами стараться о пользѣ моего друга и недруга.

Самъ Спаситель *не для того* приходилъ въ міръ, *чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ* (Марк. 10, 45). Онъ нашъ Творецъ и Владыка, но не поставилъ Себѣ въ стыдъ уподобиться намъ— естественнымъ рабамъ Своимъ, принять на Себя наше, истинно низкое для Него положеніе, послужить намъ ученіемъ, трудами, страданіями и смертью. Будучи совершеннымъ Богомъ, Онъ называлъ людей братьями Своими, принялъ крещеніе отъ человѣка, умылъ ноги Своимъ ученикамъ, подчинилъ Себя человѣческому суду, безмолвно терпѣлъ біенія и поруганія и принялъ вольное распятіе среди двоихъ разбойниковъ; до самой смерти и самою смертію былъ слугою человѣческаго рода. Апостолы, болѣе другихъ приближенные къ Спасителю, также никогда не домогались, чтобы имъ служили другіе, а напротивъ, сами служили другимъ: для спасенія всѣхъ людей они терпѣли всякія нужды, переходили великія пространства, были въ напастяхъ и гоненіяхъ, вдавали себя во всякія опасности, лишали себя покоя, трудились день и нощно, и наконецъ умирали за дѣло своего спасительнаго служенія. Всѣ праведники и угодники Божіи жили не для себя, а для другихъ людей; ихъ труды и жертвы въ пользу другихъ были совершенно безкорыстны, и каждый часъ ихъ богоугодной жизни былъ, можно сказать, подаркомъ для людей. Вообще нѣтъ ни одного существа на небесахъ, которое стыдилось бы служить людямъ; этого стыдятся только на землѣ, и то одни грѣшники.

Высокъ передъ Богомъ тотъ, кто всѣмъ служитъ, и великъ предъ Нимъ тотъ, кто всѣмъ рабствуетъ. Человѣкъ поставленъ въ мірѣ для трудовъ, испытанія и подвиговъ; здѣсь онъ долженъ запасти для себя все, что требуется для него на томъ свѣтѣ. Время нашей короткой земной жизни есть время сѣянія, послѣ котораго наступитъ жатва плодовъ вѣчныхъ, и счастливѣйшимъ будетъ тотъ, кто неутомимѣе и добросовѣстнѣе другихъ трудился и подвизался. Плата будетъ тѣмъ, которые сами были щедры; по-

кой наслѣдуютъ тѣ, которые сами покопли другихъ; вѣчныя радости достанутся тѣмъ изъ насъ, которые сами были утѣшеніемъ для ближнихъ. Что дѣлаемъ мы здѣсь братіи своей, то самое и Богъ намъ сдѣлаетъ на томъ свѣтѣ (Матѳ. 25, 40). Кто, не разбирая ни лицъ, ни состояній, ни сословій, служилъ здѣсь всякому человѣку безкорыстно, того Спаситель посадитъ на томъ свѣтѣ съ Собою на Своемъ престолѣ (Апок. 3, 21): вотъ какое величіе слѣдуетъ за тѣмъ, что считается у насъ униженіемъ; и вотъ какая слава выходитъ изъ того, что у насъ слыветъ за безславіе!

Весь человѣческій родъ есть одно семейство, котораго отецъ есть Самъ Богъ; а потому мы всѣ между собою братья. Богатый не можетъ отречься отъ родства съ нищимъ, и господинъ не можетъ сказать, что онъ не братъ своему слугѣ. Какъ въ плотскихъ братьяхъ течетъ одна родительская кровь, такъ во всѣхъ насъ присутствуетъ одинъ Божественный Духъ и всѣхъ насъ соединяетъ одна благодать Божія. При такомъ нашемъ всеобщемъ равенствѣ, гордость и мнимое превосходство передъ другими есть совершенное безразсудство. Если родители имѣютъ превосходство передъ дѣтьми и начальники передъ подчиненными, то все ихъ превосходство состоитъ именно въ томъ, что на родителяхъ и начальникахъ лежитъ обязанность больше заботиться, больше трудиться, больше служить на пользу другимъ. Но кто заботится только о себѣ, трудится только въ свою пользу и не служитъ другимъ, тотъ отдѣляется отъ семейства Отца небеснаго и не имѣетъ части въ наслѣдіи Божіемъ; тотъ Богу не сынъ и христіанамъ не братъ. Итакъ видите, что быть рабомъ и слугой другимъ ни въ какомъ случаѣ не унизительно, какъ это намъ кажется; потому что это есть служба нашимъ братьямъ, которые въ свою очередь такъ или иначе служатъ намъ, а черезъ братьевъ мы служимъ и нашему общему Отцу небесному.

Что касается до насъ, братія,—пельзя сказать, чтобъ мы не служили другимъ, а подъ-часъ и не рабствовали. Но что это за служеніе? Что это за рабствованіе? Мы служимъ другимъ бо́льшею частію для того, чтобы нажиться отъ другихъ; раболѣпствуемъ передъ ними для того, чтобы поработить себѣ другихъ. Вездѣ у насъ неправды, вездѣ обманъ, вездѣ корыстные виды; любовь христіанская, искренность, чистосердечіе всегда въ сторонѣ при нашихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Мы обыкновенно высчитываемъ свои преимущества передъ другими, и по ложному заключенію находимъ, что не мы должны служить другимъ, а пусть другіе-то послужатъ намъ; мы считаемъ справедливымъ не съ

другими чѣмъ-нибудь дѣлиться, а у другихъ что-нибудь взять; мы домогаемся пользоваться чужими трудами, а сами между тѣмъ жалѣемъ малости для сосѣда. За малѣйшую услугу мы привыкли требовать несоразмѣрно-большой платы, между тѣмъ услуги намъ другихъ ставимъ ни во что. Иную вещь мы согласны скорѣе сгноить, истребить, нежели доставить ее другому даромъ. Все-то у насъ продажно; ничего-то у насъ нѣтъ безкорыстнаго. Это ли наша любовь другъ къ другу, безъ которой нѣтъ ни счастія въ настоящей жизни, ни спасенія души? Излишнее пристрастіе къ собственнымъ личностямъ въ ущербъ другимъ людямъ, неумѣренная привязанность къ земному въ ущербъ небесному—далеко увлекаютъ насъ съ пути христіанскихъ добродѣтелей, и мы не только не хотимъ быть кому-либо безкорыстными и полезными рабами и слугами, а напротивъ, всѣхъ, кто намъ подъ силу, заставляемъ себѣ служить и рабствовать. Сердца такихъ надмѣнныхъ и самолюбивыхъ людей столь обширны и души ихъ столь пространны, что никакъ не могутъ убраться въ узкую дверь спасенія.

Корыстное служеніе міра есть служеніе прихотямъ и суетѣ; оно не можетъ доставить довольства и счастія ни тому, кто служитъ, ни тому, кому служатъ. А безкорыстное служеніе, столь цѣнное предъ Богомъ, есть добросовѣстное исполненіе разнообразныхъ обязанностей въ отношеніи къ ближнему. Единственная цѣль этого святаго служенія есть истинная польза ближняго: оно дѣлаетъ довольнымъ и того, кто служитъ, и того, кому служатъ. Такого рода служеніе такъ тѣсно сближаетъ всѣхъ дѣтей Отца небеснаго, что они не жалѣютъ самой жизни своей другъ для друга, по слову Спасителя: *нѣтъ больше сей любви, какъ если кто душу свою положитъ за друзей своихъ* (Іоан. 15, 13). Вѣдь довольство и счастіе жизни не въ томъ состоятъ, чтобы имѣть много ненужнаго и излишняго, а въ томъ, чтобы спокойно владѣть не многимъ, но существенно нужнымъ; и истинное служеніе людямъ не въ томъ состоитъ, чтобы исполнять ихъ прихоти, капризы и суетныя желанія, а въ томъ, чтобы содѣйствовать ихъ истинному благополучію и способствовать ихъ душевному спасенію. Такого-то служенія людямъ требуетъ отъ насъ Господь. И если мы не исполнимъ воли Господней, то не помогутъ намъ ни пость, ни молитва; всѣ наши труды и подвиги пропадутъ безъ пользы, если мы не дѣлаемъ истиннаго добра другимъ. Аминь.

13

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю цвѣтоносную.

Вчера Іисусъ Христосъ воскресилъ изъ мертвыхъ Лазаря, спустя четыре дня послѣ его смерти, а сегодня торжественно входитъ въ Іерусалимъ. Народъ, какъ-скоро узналъ, что Іисусъ Христосъ грядетъ въ Іерусалимъ, поспѣшилъ выйдти къ Нему на встрѣчу въ великомъ множествѣ: иные изъ народа рѣжутъ вѣтви съ деревъ и бросаютъ на дорогу, гдѣ ѣхать Господу; а другіе стелютъ по дорогѣ свою одежду, и всѣ поютъ Ему: *благословенъ грядый во имя Господне* (Іоан. 12, 12. 13). Вотъ отсюда-то получилъ свое начало настоящій праздникъ, въ который мы беремъ древесныя вѣтви, стоимъ съ ними въ церкви и ихъ разносимъ по домамъ.

Что же такое именно изображаетъ верба въ нашихъ рукахъ? Она изображаетъ то, что мы какъ-будто въ самомъ дѣлѣ находимся въ числѣ тѣхъ людей, которые съ такою честію и съ такимъ торжествомъ встрѣтили грядущаго къ нимъ Господа. Надобно замѣтить, что время, когда случилось это происшествіе, было самое рѣшительное: изъ жителей Іерусалима одни съ торжествомъ и радостію встрѣчаютъ Спасителя, а другіе совѣщаваются предать Его смерти. Такъ держа въ рукахъ вербу, мы этимъ даемъ видимое знаменіе расположенія нашей души, т. е. что мы принадлежимъ къ послѣдователямъ Христа Спасителя, а не ко врагамъ Его.

Но точно ли въ душѣ нашей происходитъ то самое, что знаменуетъ держимая въ рукахъ нашихъ верба? Точно ли мы послѣдователи Христа Спасителя? О, какъ было бы хорошо, если бы мы не одними видимыми знаменіями показывали, что мы послѣдователи Христа Спасителя, но и въ самомъ дѣлѣ были Его послѣдователями! Увы, многіе изъ насъ только кажутся послѣдователями Христовыми, а въ дѣйствительности далеко не таковы. Нельзя сказать, чтобы эти люди прямо ненавидѣли Спасителя подобно открытымъ врагамъ Его,—о себѣ мы всегда говоримъ, что любимъ Господа; а грѣхи-то наши, отъ которыхъ мы нисколько не отстаемъ, развѣ не достаточно показываютъ, что мы походимъ на враговъ христа? а жестокіе-то наши поступки съ людьми, а наши-то неправды развѣ не означаютъ, что мы не лучше бы поступили, можетъ быть, и съ Господомъ, если бы Онъ явился среди насъ въ видѣ подобнаго намъ человѣка? Изъ стоящихъ

здѣсь въ церкви съ вербою въ рукахъ есть такіе, которые не очистили души своей отъ грѣховъ исповѣдію и не освятили ее животворящими Тайнами, хотя постъ, время самое благопріятное для исповѣди и причащенія, уже проходитъ; а иные, какъ видится, даже и вовсе не намѣрены исповѣдаться и причаститься въ нынѣшній годъ. И можно ли назвать истинными послѣдователями Христа такихъ людей, которые пребываютъ въ грѣхахъ не раскаянныхъ; которые отвергаютъ отъ себя Божіе милосердіе и не причащаются плоти и крови Христа Спасителя?

Итакъ нынѣ праздникъ, но не для всѣхъ. Нынѣ всѣ стояли въ церкви съ вербою въ рукахъ, но не всѣ встрѣтили Господа. Только тѣ сподобились нынѣ Его встрѣтить, которые въ нынѣшній постъ постились, молились, каялись въ своихъ грѣхахъ и причащались св. Таинъ, или готовятся къ ихъ принятію; а которые ничего такого не сдѣлали, тѣхъ Господь прошелъ мимо. Ихъ души безъ покаянія точно степь, въ которой не видно ни жизни, ни радости; ихъ сердце безъ Спасителя точно пустыня, въ которой рыщутъ одни звѣри—хищники спасенія.

Точно, мы были бы рады встрѣтить Господа, если бы Ему угодно было войдти видимымъ образомъ, напримѣръ, въ наше село; мы не полѣнились бы нарѣзать вѣтвей съ деревъ и ими устлать путь Господу; нѣкоторые изъ насъ, можетъ статься, не пожалѣли бы и одежды съ себя положить Ему подъ ноги; встрѣчая Его, мы воспѣли бы Ему пѣснь, какую пѣли при торжественномъ входѣ Его въ Іерусалимъ. Но Господь не довольствуется отъ насъ такими жертвами; Онъ требуетъ отъ насъ, для нашего же спасенія, жертвъ невещественныхъ, каковы: постъ, молитва, милосердіе, покаяніе и т. п.; требуетъ, чтобы и вещественныя наши Ему жертвы служили точнымъ выраженіемъ нашего душевнаго, искренняго расположенія къ Нему. Если бы вмѣстѣ съ древесными вѣтвями мы принесли въ себѣ Господу душу чистую и непорочную; если бы вмѣстѣ съ одеждами мы сбросили съ себя предъ Нимъ бремя грѣховное; оставили любимыя наши преступныя удовольствія, положили къ Его стопамъ нашу душу, отдали Ему наше сердце: такая встрѣча была бы истинно пріятна Господу, и мы въ дѣйствительности удостоились бы Его безцѣннаго посѣщенія.

Итакъ, хотя всѣ мы сегодня таинственно встрѣчали Господа, но нельзя сказать, чтобы всѣ мы удостоились Его посѣщенія. Свѣжа въ рукахъ нашихъ верба, только душа-то наша, можно сказать, увяла въ грѣхахъ; свѣтлы наши свѣчи, только сердце-то наше не горитъ любовію къ Богу; веселы наши лица, только внутреннюю-то нашу радость погубили зло и страсти. Весь вели-

кій постъ, все это время покаянія и спасенія, такъ худо проведенъ многими изъ насъ, что и нынѣшній великій праздникъ возвѣщаетъ намъ горе. Да нераскаянному-то грѣшнику и всегда горе, —потому что онъ обрекаетъ безсмертную душу свою не на спасеніе, а на погибель; потому что на томъ свѣтѣ готовится ему отъ правосуднаго Бога не рай съ вѣчнымъ блаженствомъ, а адъ съ нескончаемыми мученіями.

Поспѣшимъ же, братія, раскаяться въ грѣхахъ, отстать отъ нихъ и принести наши сердца Господу, чтобы достойно встрѣтить святое и славное Его воскресеніе. Аминь.

14

ПОУЧЕНІЕ

въ великій четвертокъ.

Сердцу больно при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ поступилъ съ Іисусомъ Христомъ Іуда предатель. Предалъ Спасителя апостолъ, свидѣтель всей Его непорочной жизни, повѣренный всѣхъ Его божественныхъ таинъ, очевидецъ Его чудесъ, слушатель Его ученія; предалъ за деньги,—за тридцать серебряныхъ монетъ, и предалъ на смерть... О, сколь велика скорбь божественнаго Страдальца!

Такъ, поступокъ Іуды отвратителенъ. Недаромъ всѣ христіане повсемѣстно и единогласно именемъ Іуды клеймятъ всякаго гнуснаго предателя ближнихъ. Но, братія, намъ слѣдуетъ оглянуться при этомъ на себя; намъ слѣдуетъ вникнуть въ наши собственные поступки и внимательно разсмотрѣть, и мы не бываемъ ли когда подобными Іудѣ? и мы не поступаемъ ли съ Іисусомъ Христомъ по-предательски?

Едва-ли кто такъ худо поступаетъ съ Христомъ, какъ поступаютъ съ Нимъ многіе называющіе себя христіанами. Изъ всѣхъ нашихъ привязанностей привязанность къ Спасителю нашему Іисусу Христу есть самая слабая, не прочная. Наприм., торговецъ обыкновенно употребляетъ имя Іисуса Христа, чтобы выгоднѣе сбыть товаръ свой; обманщикъ поставляетъ въ свидѣтели Спасителя, чтобы обманъ выдать за правду; почти всякая ложь распространяется въ народѣ во имя Іисуса Христа; бо́льшая часть человѣческихъ заблужденій прикрывается Его священнымъ именемъ. Мы считаемъ себя на сторонѣ Спасителя и, повидимому, пребываемъ Ему вѣрными, пока это не противно нашимъ житейскимъ

выгодамъ, склонностямъ, своеволію; но готовы явно и съ сознаніемъ измѣнить Ему при первомъ искусительномъ случаѣ. Такъ, мы измѣняемъ Ему за вниманіе знатныхъ, оставляемъ Его за связь съ богатыми, забываемъ за почтеніе низшихъ и предаемъ за ласки любезныхъ. Не тридцать сребреников, а и одной серебряной монеты иногда достаточно для насъ, чтобы измѣнить Спасителю и Его слову. Бѣдные часто на Него ропщутъ; несчастные не довольствуются Его утѣшеніями; многіе изъ знатныхъ стыдятся Его и словъ Его (Марк. 8, 38); сильные мучатъ Его въ лицѣ слабыхъ людей (Мато. 25, 45). Міръ, искупленный Іисусомъ Христомъ, неблагодаренъ къ своему Спасителю и немилосердъ ради Того, Кто его помиловалъ. И не въ людяхъ вообще, а именно въ христіанахъ, считающихся вѣрными и православными, живетъ предательство Іисуса Христа, и предательство самое разнообразное, самое жестокое, самое гнусное.

Іуда, предавши Іисуса Христа, съ отчаянія удавился; Евреи, убивъ Жизнодавца, гнали Его св. Церковь въ слѣпотѣ своего невѣдѣнія; а мы продолжаемъ предавать и какъ-бы вторично распинать Іисуса Христа, зная о Немъ, что Онъ нашъ Спаситель, т. е. мы изъ числа тѣхъ христіанъ, которые, по словамъ св. апостола Павла, *снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія* (Евр. 6, 6). Судите сами, легче ли наша вина предъ Богомъ вины Іуды, и грѣхъ нашъ менѣе ли тяжекъ грѣха Іудеевъ! Кому будущій вѣчный и неугасимый огонь представляется казнью слишкомъ жестокою для нераскаянныхъ грѣшниковъ, тотъ пусть оцѣнитъ по всей справедливости наши поступки, и увидитъ, слишкомъ ли жестокая казнь намъ назначена, ежели мы до конца своей жизни не перестанемъ вторично распинать Сына Божія.

Іуду простилъ бы Іисусъ Христосъ, если бы Іуда предъ Нимъ раскаялся, также какъ Христосъ простилъ апостола Петра, трижды отъ Него отрекшагося и горько плакавшаго; Іудеи спаслись бы, если бы обратились съ вѣрою и любовію къ Тому, Кого они распяли, что̀ и было съ нѣкоторыми изъ нихъ; но тотъ и другіе не покаялись,—и погибли невозвратно. Можемъ ли мы, виновные въ тѣхъ же самыхъ и еще въ бо́льшихъ грѣхахъ, надѣяться на лучшую участь, ежели не покаемся и не смягчимъ своего жестокаго и грѣхолюбиваго сердца предъ Тѣмъ, Кого гонимъ, предаемъ, преслѣдуемъ и вторично распинаемъ подъ разными видами? Іуду погубилъ не столько грѣхъ, сколько нераскаянность: и мы погибаемъ не столько оттого, что согрѣшили не менѣе Іуды, сколько оттого, что не перестаемъ грѣшить и не каемся.

Каждый день мы грѣшимъ, и каждый день намъ слѣдовало

бы приносить Богу искреннее покаяніе. Но многіе изъ насъ не покаялись до настоящихъ дней, въ которые ужасно быть нераскаянными. Никогда грѣхи не бываютъ столь ясны и очевидны; никогда совѣсть, въ комъ только она есть, не пробуждается съ такою силою, какъ въ нынѣшніе дни,—потому что страданія и смерть Іисуса Христа невольно напоминаютъ намъ о томъ, сколь дорогою цѣною куплено для насъ спасеніе и сколь ужасна должна быть участь нераскаянныхъ грѣшниковъ. Кайся, пока грѣхъ передъ глазами; о грѣхѣ забудешь,—забудешь и о покаяніи. Ежели мы не покаемся даже въ нынѣшніе дни, когда все напоминаетъ намъ о нашихъ грѣхахъ, значитъ мы имѣемъ низкую душу Іуды съ его малодушнымъ отчаяніемъ; значитъ въ насъ жестокое сердце Іудеевъ, которые пролили, какъ воду, кровь неповинную. Ежели мы не каемся нынѣ, то трудно надѣяться, чтобы покаялись когда нибудь. Аминь.

15

ПОУЧЕНІЕ

въ первый день св. пасхи.

Христосъ воскресе!

У мудраго человѣка на все есть свое время: есть время печалиться, есть время радоваться (Еккл. 3, 4). Такъ и у насъ христіанъ вчера было время печалиться, а сегодня настало время радоваться.

Чему же намъ сегодня радоваться? А вотъ чему. Нашъ Спаситель третьяго дня умеръ, вчера погребенъ, а сегодня возсталъ изъ мертвыхъ: какъ же намъ этому не радоваться? Если бы Христосъ не принялъ смерти и не возсталъ изъ мертвыхъ, то не было бы у насъ Спасителя, не было бы вовсе и вѣры христіанской: смерть и воскресеніе Іисуса Христа положили ей основаніе на землѣ. *Если Христосъ не воскресъ*, говоритъ св. апостолъ Павелъ, *то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша* (1 Кор. 15, 14). Притомъ же Іисусъ Христосъ за насъ принялъ смерть, для насъ погребенъ, для насъ и возсталъ изъ мертвыхъ: стало быть это все равно, какъ бы мы сами съ Нимъ умирали, сами съ Нимъ были погребены и съ Нимъ вмѣстѣ воскресли изъ мертвыхъ. А сверхъ всего, мы такъ любимъ нашего Спасителя, что Его смерть и погребеніе невольно заставляли насъ въ прошед-

шіе дни печалиться, а Его воскресеніе изъ мертвыхъ заставляетъ насъ сегодня радоваться.

Итакъ радуйся, христіанинъ, въ нынѣшніе дни,—радуйся столько, сколько можешь! Твоя нынѣшняя радость очень пріятна Спасителю: Онъ видитъ изъ нея, что ты любишь Его отъ чистаго сердца. Вотъ невѣрные нынѣ не радуются, у нихъ нынѣ нѣтъ никакого праздника,—потому что они не знаютъ, не вѣруютъ и не любятъ нашего Спасителя; а ты, если сегодня радуешься воскресенію Его, значитъ и знаешь Его, и вѣруешь въ Него, и любишь Его. Если же ты знаешь Спасителя, вѣруешь въ Него и Его любишь; то нѣтъ сомнѣнія, что будешь съ Нимъ и на небесахъ.

Какъ же нужно радоваться для нынѣшняго праздника? Вообрази свою радость, если бы случилось такъ, что твой отецъ третьяго дня померъ, вчера похороненъ и унесъ съ собой въ могилу все твое счастіе, а сегодня сталъ бы передъ тобой живымъ. Вотъ также радуйся и воскресенію Христову: на сердцѣ у тебя весело, на душѣ покойно, совѣсть твоя чиста, надежда на Воскресшаго несомнѣнна,—и довольно. Какъ бы ты не радовался, что̀ бы ты ни дѣлалъ отъ нынѣшней радости, все это будетъ пріятно Спасителю; только бы Онъ одинъ, и ничто еще больше, былъ причиною твоей радости; только бы одинъ Его спасительный законъ управлялъ всѣми твоими поступками.

Да, христіане, это увидится вотъ нынѣ же, по выходѣ нашемъ изъ церкви, что и точно мы всѣ будемъ радоваться въ наступившіе дни св. пасхи; только радости-то наши мало приличны нынѣшнему свят. празднику. Все спасительное и священное мы обыкновенно передѣлываемъ по своему грѣхолюбивому праву,—и вотъ въ св. пасху у насъ вошли въ обычай гулянья, качели, игры, пѣсни, пляски и другія подобныя забавы. Церковь святая никогда не осуждала невинныхъ удовольствій жизни; но въ нашихъ забавахъ много виновнаго и запрещеннаго закономъ Божіимъ. По-крайней мѣрѣ намъ было бы стыдно не признаться, что̀ въ этихъ общественныхъ забавахъ много преступнаго сладострастія, много душепагубнаго пьянства, много нарушенія любви къ Богу и къ людямъ. Такія наши радости не могутъ быть пріятными Богу-Христу во всякое другое время, а особенно въ нынѣшніе святые дни. Христосъ для того умеръ и воскресъ, чтобы умертвить въ насъ грѣхъ и воскресить въ насъ правду и добродѣтели; а мы, несчастные, для воскресенія Христова только грѣшимъ больше и больше; только дальше и дальше увлекаемъ въ бездну погибели наши души, наперекоръ воскресшему Спасителю, Который ищетъ для нашихъ душъ спасенія. Смотрите же, братія, какъ бы, вмѣсто

пасхальнаго веселія, намъ вторично не распять Сына Божія нашими смертными грѣхами (Евр. 6, 6). Правда, мы извиняемъ свое грубое веселье въ св. пасху тѣмъ, что пьемъ и гуляемъ отъ радости воскресенія Христа изъ мертвыхъ; мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что одинъ Христосъ причиною всѣхъ такихъ нашихъ радостей. Но, братія, напойте нынѣ до пьяна и невѣрнаго, введите и его въ шуточную бесѣду,—и онъ будетъ веселъ, и его увидите въ радости; будетъ ли же это значить, что онъ веселится и радуется воскресенію Христа Спасителя, въ Котораго онъ не вѣруетъ? Стало быть причина такихъ грубыхъ радостей нашихъ не Христосъ, а вино, шутки и игры: безъ нихъ намъ и въ пасху было бы скучно; безъ нихъ и воскресеніе Христово насъ бы не веселило. Повидимому, мы рады нынѣшнему празднику не потому, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а только потому, что въ это время намъ представляется случай, на свободѣ отъ работы, поѣсть, попить, погулять и повеселиться по своему.

Нѣтъ, не такъ радуется нынѣ тотъ, кто истинно вѣруетъ въ Іисуса Христа и любитъ Его отъ чистаго сердца. Пусть онъ не откажется въ нынѣшніе дни отъ вкусной пищи,—не откажется, можетъ быть, и принять вина въ умѣренности; но на сердцѣ, на душѣ, на словахъ у него всегда Христосъ. Такой христіанинъ можетъ позволить себѣ все, что не запретилъ Христосъ; но никакъ не допуститъ себя до того, что Онъ запретилъ. Какъ у него самого на сердцѣ радостно и на душѣ покойно, такъ онъ хочетъ, чтобы и другіе люди были радостны и покойны. Не останавливаясь на играхъ и хороводахъ, онъ посѣщаетъ домы бѣдныхъ и сиротъ съ посильною, но доброхотною милостынею; онъ прощаетъ другимъ обиды, и самъ не стыдится просить прощенія у другихъ. Съ звономъ колокола его всегда видишь въ церкви; утро и вечеръ его всегда застаешь на молитвѣ. Съ непритворной радостью привѣтствуетъ онъ каждаго: *Христосъ воскресе!* и отъ чистаго сердца отвѣчаетъ на привѣтствія другихъ: *воистинну воскресе!* Дай, Господи, и всѣмъ намъ провести св. пасху въ такой безукоризненной радости! Аминь.

16

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ТОТЪ ЖЕ ДЕНЬ.

Христосъ воскресе!

Не рай ли это сошелъ на землю, что всѣ христіане вдругъ стали такъ веселы, такъ радостны, и всѣ съ такой поспѣшностью устремились въ храмъ Божій? Именно сошелъ къ намъ рай небесный; въ воспоминаемый нынѣ день мы получили неслыханную радость: у насъ наступилъ теперь праздникъ свѣтлѣйшій, который мы будемъ торжествовать цѣлую недѣлю: нынѣ воскресъ изъ мертвыхъ нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ.

Вникните, братія, въ тотъ порядокъ, въ какомъ привела насъ къ нынѣшнему празднику св. Церковь. Сорокъ дней она вела насъ путемъ поста, молитвы и покаянія; потомъ цѣлую недѣлю воспоминала намъ Христовы страданія, внушая намъ безропотное терпѣніе всѣхъ приключающихся въ нашей жизни непріятностей. Наконецъ, въ нынѣшнюю полночь вдругъ возвѣстила намъ о воскресеніи распятаго, умершаго и погребеннаго Христа;—и въ одно мгновеніе ока, изъ тишины и уныпія, колоколъ возвѣстилъ всѣмъ начатіе праздника. Въ храмѣ Божіемъ заблисталъ свѣтъ; царскія врата св. алтарей отворились: весь народъ оживился, и радость показалась въ храмахъ, на улицахъ, на дорогахъ, въ жилищахъ богатыхъ и въ хижинахъ убогихъ. Горе и всѣ печали забыты; сердце отъ радости не чувствуетъ нуждъ и бѣдности. Житейская суета замолкла. Вражда прекратилась, враги примирились. На землѣ повѣяло чѣмъ-то небеснымъ... Не такой ли же точно путь предлежитъ намъ къ дѣйствительному раю въ будущей вѣчной жизни, какимъ вела насъ св. Церковь къ настоящему торжеству? Ежели, для достойной встрѣчи радостныхъ дней св. пасхи на землѣ, св. Церковь требовала отъ насъ семинедѣльнаго исключительнаго поста, молитвы и покаянія: то не всю ли жизнь мы должны употребить на такія дѣла, чтобы получить нескончаемую радость на томъ свѣтѣ?

До пришествія на землю Господа Іисуса Христа родъ человѣческій бѣдствовалъ. Его бѣдствія состояли не въ несчастіяхъ только земной жизни, которыя продолжаются и теперь, а главнымъ образомъ въ горестной судьбѣ на томъ свѣтѣ. Рай небесный былъ заключенъ для всѣхъ людей, и всякая душа человѣческая, по

разрѣшеніи отъ тѣла, была осуждаема, какъ грѣшная, томиться въ аду преисподнемъ, въ мученіяхъ безотрадныхъ. Теперь все это перемѣнилось. Христосъ воскресъ,—и рай растворился для всѣхъ желающихъ войти въ него. Правосудіе Божіе въ отношеніи къ грѣхамъ человѣческимъ стало удовлетворено великою жертвою умершаго за насъ и воскресшаго Сына Божія, и людямъ прощено все. Теперь мы дѣти Богу во Христѣ, и скорѣе мать забудетъ свое дѣтище, нежели забудетъ насъ Богъ (Ис. 49, 15). Благодать Божія, можно сказать, сама ищетъ насъ (Апок. 3, 15), и только тотъ ея не имѣетъ, кто ее отвергаетъ. Господь не сказалъ: «иди ко Мнѣ ты и ты, а другой не ходи ко Мнѣ»; а напротивъ, сказалъ такъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные* (Мато. 11, 28); *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей* (Іоан. 7, 37). Изъ какихъ вѣръ Онъ не призвалъ къ Себѣ людей, и какихъ великихъ, но покаявшихся грѣшниковъ не ввелъ Онъ въ Свое царство. Имѣнно нѣтъ на свѣтѣ человѣка, къ которому не преклонилась бы безкопечная любовь восторжествовавшаго надъ зломъ Спасителя міра. Итакъ нынѣ праздникъ не однимъ намъ, но и всѣмъ людямъ, всему свѣту, всей вселенной. Даже на небесахъ, гдѣ праздникъ непрестанный, и тамъ нынѣшніе дни празднуются съ особеннымъ торжествомъ и съ особеннымъ веселіемъ. «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси», вотъ какими словами привѣтствуетъ наша св. Церковь воскресшаго Господа.

Такъ, милосердію Божію нѣтъ границъ; у Него много любви, чтобы принять къ Себѣ всякаго обращающагося грѣшника и спасти всякаго погибающаго. Но изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, будто бы намъ позволено было грѣшить безъ всякаго опасенія за свою участь; будто для нынѣшняго праздника мы можемъ разрѣшить себѣ и на худыя дѣла, какъ это водится у насъ въ пасху. Нѣтъ, братія, въ св. пасху мы должны просить у воскресшаго Господа прощенія въ учиненныхъ нами худыхъ дѣлахъ, а не разрѣшать на худыя дѣла. Іисусъ Христосъ совсѣмъ не для того пострадалъ, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы дать намъ потачку на грѣхи, а для того, чтобы помиловать кающагося грѣшника; страданія, смерть и воскресеніе Христа поражаютъ грѣхъ, а не оживляютъ его.

Всѣмъ намъ, безъ сомнѣнія, желательно провести св. пасху въ веселіи и радости. И мы дѣйствительно проведемъ ее такимъ образомъ, если будемъ по возможности удерживаться отъ грѣховъ: гдѣ грѣхъ и худыя дѣла, тамъ что за радость? что за веселье? Вѣдь въ грѣхахъ и въ худыхъ дѣлахъ нѣтъ никакого истиннаго

удовольствія: они наведутъ скорѣе грусть, нежели радость; скорѣе принесутъ печаль, нежели удовольствіе. Не будемъ же, братія, омрачать нашей нынѣшней святой радости измышленными грѣхами и ангельскаго веселія враждою и злобою. Лучше другъ-друга обнимемъ, назовемъ другъ-друга братьями, ненавидящимъ насъ простимъ все ради воскресшаго Господа, и будемъ часто повторять эту завѣтную пѣснь церковную: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.*

Господь, сподобившій всѣхъ насъ насладиться нынѣшнимъ радостнымъ праздникомъ св. пасхи, да сподобитъ всѣхъ же насъ насладиться вѣчными радостями и въ будущей жизни. Аминь.

17

ПОУЧЕНІЕ

во вторую недѣлю пасхи,—о Ѳомѣ.

Когда Іисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, явился въ первый разъ апостоламъ, въ то время не было одного изъ нихъ, Ѳомы. Послѣ стали увѣрять Ѳому въ явленіи воскресшаго Іисуса Христа; но Ѳома не повѣрилъ Его воскресенію и явленіе Его называлъ однимъ призракомъ. Вотъ воскресшій Господь вновь является Своимъ ученикамъ, въ числѣ которыхъ былъ уже и Ѳома; даетъ Ѳомѣ осязать Свои руки, ноги и ребра и, удостовѣривъ его въ Своемъ дѣйствительномъ воскресеніи, наконецъ сказалъ ему такое замѣчаніе: *ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе* (Іоан. 20, 24—29).

Да, еще не велика наша вѣра, если мы вѣримъ только тому, что видимъ. Такая вѣра есть вѣра невольная, необходимая и не вмѣняется намъ ни въ какую заслугу. Ее имѣетъ всякій человѣкъ, и добрый и злой; и невѣрные не сомнѣваются въ томъ, что видятъ собственными глазами, или ощущаютъ своими руками. А намъ христіанамъ, чтобы не напрасно носить на себѣ имя вѣрующихъ, надобно имѣть вѣру болѣе возвышенную, именно вѣру въ то, чего не видимъ и чего не ощущаемъ.

Вотъ такой-то вѣры требуетъ отъ насъ Господь, когда говоритъ: *блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе.* Мы исповѣдуемъ Божество невидимое и непостижимое; мы признаемъ такія правила жизни, которыя рѣшительно противны нашимъ испорченнымъ

склонностямъ; мы ожидаемъ въ будущемъ вѣкѣ такихъ благъ, о которыхъ не можемъ составить яснаго и отчетливаго понятія: просто сказать, мы христіане ни съ чѣмъ болѣе не имѣемъ дѣла, какъ только съ невидимымъ, неизвѣстнымъ и даже непостижимымъ. Скажите, что мы можемъ здѣсь сдѣлать безъ вѣры? Какъ можемъ быть безъ нея истинными христіанами?

Вѣра имѣетъ различныя степени, и не всякая вѣра посвящаетъ человѣка въ высокое званіе христіанина. Если я вѣрую въ Бога и въ Его слово только за то, что въ томъ увѣряютъ меня сторонніе предметы, или что передъ глазами моими множество чудесъ,—это значитъ, я только начинаю быть христіаниномъ; но совершенная вѣра, показывающая совершеннаго христіанина, бываетъ тогда, когда вѣрятъ Богу и Его слову не за увѣренія и доказательства истины, и не за чудеса, которымъ нельзя противиться, а единственно за любовь къ Богу и истинѣ (Іоан. 4, 42). Ее-то Спаситель называетъ блаженною. *Вѣра*, по словамъ св. апостола Павла, *есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ* (Евр. 11, 1). Она и неграмотнаго крестьянина знакомитъ съ такими предметами, которыхъ не постигаютъ ученые, но невѣрующіе; она будто передъ глазами поставляетъ человѣку невидимаго Бога, невидимыхъ ангеловъ, невидимыхъ святыхъ. Кто имѣетъ такую вѣру, съ тѣмъ бываютъ чудеса, тотъ и самъ творитъ чудеса. *Имѣйте вѣру Божію*, говоритъ Іисусъ Христосъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ. *Ибо истинно говорю вамъ: если кто скажетъ горѣ сей: поднимись и ввергнись въ море, и не усомнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его: будетъ ему, что ни скажетъ* (Марк. 11, 23). Такая высокая вѣра доступна всѣмъ христіанамъ безъ исключенія: много и изъ простаго сословія было такихъ, которые, не учившись, могли говорить разными, до того неизвѣстными имъ языками; обращались съ ангелами какъ съ людьми; воскрешали мертвыхъ, исцѣляли больныхъ и творили различныя чудеса.

Совершенная вѣра никогда не бываетъ одинокою, т. е. безъ любви и безъ добрыхъ дѣлъ. Нельзя истинно вѣрить въ Бога и не любить Его, также-какъ нельзя истинно любить Его и въ Него не вѣрить. Согласится ли умъ мой принять то, что отвергаетъ мое сердце? Или могу ли я равнодушно относиться къ такому предмету, который, по моему убѣжденію, привлекателенъ? Точно также, если я люблю Бога, то непремѣнно и вѣрю Ему, когда Онъ открываетъ мнѣ невѣдомыя для меня истины; равно-какъ созерцая вѣрой неописанныя красоты Божественнаго Существа, я непремѣнно люблю Его и отдаю Ему всего себя. Вѣра, по словамъ Священ-

наго Писанія, *не видя любитъ* (1 Петр. 1, 8), а *любовь всему вѣритъ* (1 Кор. 13, 7). Какъ голова не можетъ расти безъ того, чтобы вмѣстѣ съ нею не расли руки, ноги и все тѣло; точно также нельзя быть въ насъ и истинной вѣрѣ безъ любви и добрыхъ дѣлъ.

Обращаясь къ себѣ, мы легко замѣтимъ, что вѣра многихъ изъ насъ далеко не такова, какова должна быть вѣра совершенная. Вѣра есть око души, назначенное, какъ и наши тѣлесные глаза, къ тому, чтобы руководить душу къ полезному и спасительному и отвращать ее отъ всего вреднаго и гибельнаго. Видя, напр., тѣлесными глазами передъ собой бездну, мы естественно отстораниваемся отъ нея, чтобы не упасть въ нее и не погибнуть; замѣтивъ, наприм., въ предложенной намъ пищѣ смертоносный ядъ, мы согласимся лучше вытерпѣть голодъ, нежели утолить его такой пищей. Если бы мы вѣрою созерцали адъ, въ который влекутъ насъ грѣхи наши, также ясно, какъ-бы видѣли его тѣлесными глазами, мы бы боялись его и не грѣшили; а какъ вѣра наша слаба и не въ состояніи представить намъ ужасы приготовленнаго грѣшникамъ ада до степени очевидности,—оттого и грѣхи кажутся намъ не страшными. Вѣра измѣряется любовію и добрыми дѣлами: если въ насъ мало любви и добрыхъ дѣлъ, то это оттого, что въ насъ мало вѣры.

Вѣра, которую мы исповѣдуемъ, есть вѣра правая, и въ этомъ отношеніи мы не заслуживаемъ отъ Бога никакой укоризны. Только то нехорошо съ нашей стороны, что мы успокоиваемся за свою участь при одной нашей вѣрѣ, и довольствуясь одною вѣрою, не сопровождаемъ ее добрыми дѣлами. Постараемся же, братія, оживить нашу православную вѣру расположеніемъ души и сердца къ тѣмъ предметамъ, въ которые мы вѣруемъ; постараемся вести сообразно съ вѣрою и жизнь нашу, сперва съ принужденіемъ самимъ себѣ, потомъ съ охотою, наконецъ съ любовію, которая есть полное совершенство вѣры (Іак. 2, 22). Въ противномъ случаѣ вѣра наша, хотя и правая, не принесетъ намъ спасенія. Аминь.

18

ПОУЧЕНІЕ

въ третію недѣлю пасхи,—о мироносицахъ.

Нынѣшній праздникъ установленъ Церковію въ память св.

жен-мироносиц. Это были благочестивыя женщины, которыя слѣдовали за Іисусомъ Христомъ во время Его земной жизни и слушали Его спасительное ученіе. А когда Іисусъ Христосъ послѣ распятія былъ погребенъ, эти женщины приходили къ Его гробу, чтобы помазать Его пречистое тѣло мѵромъ, т. е. душистой дорогой мазью: потому-то онѣ и названы мироносицами. Хотя св. жены-мироносицы, ходившія съ мѵромъ ко гробу Спасителя, хотѣли исполнить этимъ только тогдашній народный обычай; но поступокъ ихъ особенно замѣчателенъ по обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ тогда находились.

Ночь, въ которую Іисусъ Христосъ былъ преданъ врагамъ и осужденъ на смерть, была ночь самая тяжкая. Толпы народа, прежде окружавшіе Спасителя, теперь Его оставили; даже ученики Его отъ страха разбѣжались. Едва ли было когда столь великое испытаніе для вѣрныхъ, какъ въ эту ужасную ночь.

Далѣе, Іисусъ Христосъ былъ публично битъ, поруганъ и распятъ на крестѣ среди двоихъ разбойниковъ. Прежде щедрый на чудеса въ пользу другихъ, Іисусъ Христосъ для собственной Своей защиты не сотворилъ теперь ни одного чуда; прежде изрекавшій непобѣдимую истину, которой никто не могъ противиться, Онъ предался теперь совершенному молчанію. Всѣ видѣли, какъ болѣзненны были для Него муки на крестѣ и какъ Онъ, преклонивъ главу, испустилъ послѣднее дыханіе. Казалось, будто не стало Іисуса Христа; будто Онъ забытъ Богомъ и людьми. Онъ умеръ, погребенъ, и Его тѣло вотъ уже третье утро лежитъ въ землѣ, какъ пришли къ Нему благочестивыя жены съ мѵромъ и, не нашедши тѣла во гробѣ, первыя сподобились узнать о воскресеніи распятаго Спасителя.

Братія! Легко вѣровать въ Іисуса Христа намъ, когда слава о Немъ разнеслась по всей вселенной, когда о Немъ свидѣтельствуютъ безчисленныя и почти повсемѣстныя чудеса, и когда вѣру въ Него мы, такъ сказать, всосали въ себя вмѣстѣ съ молокомъ матернимъ. Но каково было вѣровать въ Него во дни Его уничиженія и позора! Въ ту пору казалось всѣмъ современникамъ, что предпріятіе Іисуса Христа спасти человѣческій родъ кончилось самымъ несчастнымъ образомъ. И надобно было имѣть прозорливую душу, чтобы сохранить къ Нему вѣру и не охладѣть въ усердіи; надобно было имѣть необыкновенную простоту и вмѣстѣ твердость духа, чтобы не раздуматься и не соблазниться въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но избранные люди, которымъ животворное и сладостное слово Божіе проникло до глубины души, превозмогаютъ все; внѣшнія препятствія для нихъ уже не суще-

ствуютъ. Они не такъ предаются Іисусу Христу, чтобы когда нибудь Его оставить; не такъ держатся Его, чтобы примѣры другихъ могли отвлечь ихъ отъ Него; не такъ вѣруютъ въ Него, чтобы послѣ сомнѣваться въ Немъ; не такъ Его любятъ, чтобы послѣ разлюбить. Изъ числа такихъ-то людей съ непоколебимымъ усердіемъ, съ неизмѣнною вѣрою и съ неугасимою любовію были и св. жены-мiроносицы. Ни дороговизна мура, ни робость, свойственная женскому полу,—словомъ, ничто не удержало ихъ прійти ко гробу, чтобы отдать послѣдній долгъ любви и вѣры Тому, Кого опѣ оплакивали.

Всякое блаженство, даруемое Богомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Его, непремѣнно сопряжено для человѣка съ какимъ-либо испытаніемъ. Адамъ блаженствовалъ въ раю, пока не вкушалъ плодовъ съ запрещеннаго дерева; Авраамъ получилъ щедрыя и великія обѣтованія отъ Бога послѣ того, какъ не усумнился исполнить тяжкое для него повелѣніе Божіе и уже занесъ ножъ для закланія своего единороднаго сына. Когда пришелъ на землю Сынъ Божій, тогда Онъ избралъ для Себя бѣдность, убожество, незнатное сословіе, скитальческій образъ жизни, страданія и позорную смерть, чтобы *блаженны* были тѣ, которые о Немъ *не соблазнятся* (Матѳ. 11, 6). И въ нынѣшнія времена, какъ во всѣ другія, Богъ посылаетъ на каждаго человѣка различныя испытанія, которыя человѣкъ по доброй своей волѣ употребляетъ или во спасеніе себѣ, или въ погибель.

Какъ вѣрность нашего друга узнается только при нашемъ несчастіи, такъ и истинная вѣра праведниковъ предъ Богомъ узнается чрезъ испытанія. Другъ ли намъ тотъ, кто доброжелательствуетъ намъ и оказываетъ къ намъ свою привязанность, пока мы благополучны, а при постигшемъ насъ несчастіи насъ оставляетъ и становится къ намъ въ иныя отношенія? И что за праведникъ предъ Богомъ тотъ, кто вѣренъ Ему, пока вѣра въ Него не соединена ни съ какими пожертвованіями? Если бы Іисусъ Христосъ, спасая міръ, началъ и кончилъ земную жизнь Свою однимъ благополучіемъ, тогда тѣ самые, которыхъ языкъ поднялся нѣкогда на Его осужденіе и руки на Его распятіе, первые явились бы на Его сторонѣ и остались бы вѣрными Ему до конца жизни; а такимъ образомъ люди съ жестокими сердцами и съ злыми страстями заняли бы лучшія мѣста въ царствѣ небесномъ. И если бы мы могли спасаться безъ испытаній; если бы путь спасенія былъ усѣянъ для насъ одними цвѣтами, тогда никто бы не отказался отъ спасенія, и люди самые развратные, самые необузданные, самые недостойные, любя утѣхи и довольство, первые

стремглавъ бросились бы на этотъ путь и прежде всѣхъ достигли бы блаженныхъ райскихъ обителей. Но Богъ устроилъ иначе. Онъ Самъ Себя сдѣлалъ камнемъ преткновенія и соблазна, чтобы истинное добро и истинная вѣра сами собой отдѣлились отъ зла и невѣрія, и чтобы царства небеснаго достигали только тѣ, которые его достойны.

Братія! всѣмъ намъ уже довольно извѣстно, что для спасенія необходимо вѣрить въ Бога, любить Его и имѣть къ Нему усердіе. Вѣра наша въ Него должна быть твердая; любовь къ Нему—отъ чистаго сердца; усердіе—постоянное. Зачѣмъ же вѣра наша въ Бога колеблется при первомъ столкновеніи съ земными выгодами, любовь наша къ Нему до извѣстной поры и усердіе до извѣстныхъ жертвъ? Часто бываетъ достаточно для насъ соблазнительнаго случая нажиться, чтобы охладить въ насъ вѣру въ Бога и побудить насъ на не праведное дѣло; часто земныя привязанности перемогаютъ наше сердце и заставляютъ насъ измѣнять Богу и нарушать Его заповѣди; часто подъ видомъ нашихъ собственныхъ недостатковъ мы отказываемся отъ помощи ближнему, находящемуся въ истинно-жалостномъ положеніи. Что же это за вѣра, если мы въ одномъ случаѣ вѣрны Богу, а въ другомъ невѣрны? что за любовь, если мы нынѣ любимъ Бога, а завтра не любимъ? что за усердіе, если этого намъ не жалко для Бога, а этого жалко? Злопамятный не вѣренъ Тому, Кто заповѣдалъ намъ прощать обиды и любить враговъ; ненавистникъ не любитъ Того. Кто заповѣдалъ намъ любить другихъ людей, какъ самихъ себя: немилостивый не усерденъ къ Тому, Кто наши милости относитъ къ Себѣ, какъ-будто онѣ именно Ему оказаны. Такимъ-то образомъ подъ видимой вѣрой нашей кроется часто невѣрность, подъ любовію—измѣна, подъ усердіемъ—холодность.

Христіане! Чѣмъ были бы мы, если бы Богъ велѣлъ намъ жить во время пришествія на землю Сына Божія, во дни Его уничиженія и позора? Тогда бы нѣкоторые изъ насъ, просто, распяли Его вмѣстѣ съ Іудеями. Это видно по всему: не щадя ближнихъ, притѣсняя слабыхъ, не жалѣя о чужой бѣдности, раззоряя беззащитныхъ и обращаясь жестоко съ тѣми, кто намъ подъ силу, нѣкоторые изъ насъ, навѣрное, не пощадили бы и Самого Іисуса Христа, если бы Онъ явился среди насъ въ видѣ подобнаго намъ человѣка, въ какомъ Онъ и точно былъ въ свое время. Конечно, распятіе Іисуса Христа на крестѣ давно уже кончилось; но мы христіане, измѣняющіе принятой нами вѣрѣ и любви Божіей, по свидѣтельству Священнаго Писанія, *снова распинаемъ въ себѣ*

Сына Божія (Евр. 6, 6). Вотъ каковы для насъ христіанъ грѣхи, которымъ мы такъ легкомысленно предаемся.

Будьте увѣрены, братія, что всѣ люди передъ Богомъ равны: что Богъ одинаково справедливъ ко всѣмъ намъ; что побужденія ко спасенію и къ погибели были и будутъ во всякое время, и поэтому никто не долженъ надѣяться на большую легкость спасенія сравнительно съ другими людьми. Въ дѣлѣ спасенія никому нѣтъ личнаго предпочтенія, и радости небесныя достигаются однимъ путемъ—исполненіемъ заповѣдей Божіихъ по мѣрѣ нашей любви къ Богу и къ людямъ. Богъ разсѣялъ испытанія по пути всей жизни для каждаго человѣка. Богатство и бѣдность, честь и безчестіе, знатность и незнатность, радости и горести, счастіе и несчастіе—все это есть не иное что, какъ опредѣляемыя намъ отъ Бога испытанія, черезъ которыя обнаруживаются наша вѣрность или невѣрность Богу, наша любовь или нелюбовь къ Нему, наше къ Нему усердіе или холодность. Иные изъ насъ не измѣняютъ великому долгу христіанина ни за какія блага міра и пребываютъ вѣрными Богу при всѣхъ искушеніяхъ; а иные даже какъ будто рады случаю измѣнить Ему. Само собою разумѣется, что участь первыхъ, хотя и незавидная, можетъ быть, на здѣшнемъ свѣтѣ, будетъ хороша въ вѣкѣ будущемъ: они будутъ пребывать тамъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, съ ангелами, апостолами, съ мироносицами и со всѣми праведниками, наслаждаясь нескончаемыми райскими радостями; но участь послѣднихъ, завидная, можетъ быть, здѣсь, будетъ ужасна тамъ: тамъ они вѣчно будутъ мучиться вмѣстѣ съ Іудеями, распявшими Христа, вмѣстѣ съ Іудою, Его предателемъ, вмѣстѣ съ злыми демонами и со всѣми нераскаянными грѣшниками. Аминь.

19

ПОУЧЕНІЕ

въ четвертую недѣлю пасхи,—о разслабленномъ.

Въ нынѣчтеннномъ евангеліи разсказывается о слѣдующемъ происшествіи. Въ то время, когда жилъ на землѣ Іисусъ Христосъ, было въ Іерусалимѣ одно чудное мѣсто, по еврейски называвшееся Виѳезда, а по нашему купальня. Здѣсь лежало множество больныхъ въ ожиданіи исцѣленія,—такъ какъ на это мѣсто каждый годъ по одному разу сходилъ съ небесъ ангелъ Господень, возмущалъ въ купальнѣ воду, и кто изъ больныхъ на этотъ разъ

прежде всѣхъ спускался въ воду, тотъ выздоравливалъ, какой бы болѣзнью одержимъ ни былъ. Въ числѣ находившихся тутъ больныхъ былъ одинъ человѣкъ, который тридцать восемь лѣтъ лежалъ здѣсь въ разслабленіи, и не получалъ такъ долго исцѣленія потому, что, когда возмущалась ангеломъ вода, каждый разъ непремѣнно кто нибудь другой спускался прежде его въ воду. Легко сказать—пролежать въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ, и у самаго источника исцѣленій! Разъ, по случаю одного праздника іудейскаго, Іисусъ Христосъ вошелъ въ Іерусалимъ. Случилось Ему быть при чудной купальнѣ. Здѣсь, никѣмъ не знаемый, Іисусъ Христосъ замѣтилъ несчастнаго больнаго, Самъ вызвался исцѣлить его, и дѣйствительно исцѣлилъ его однимъ Своимъ словомъ. Послѣ, увидавъ исцѣлѣвшаго въ церкви, Іисусъ Христосъ сказалъ ему въ предостереженіе: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*, т. е. вотъ ты теперь здоровъ: смотри же, впередь не грѣши, чтобы тебя не постигло что-худшее противъ прежняго (Іоан. 5, 1—15).

Какая же связь между грѣхомъ и тѣлесною болѣзнью, что Іисусъ Христосъ угрожаетъ исцѣлѣвшему больному, въ случаѣ возобновленія имъ грѣховъ, возобновленіемъ болѣе тяжкой болѣзни. Связь самая короткая: болѣзнь вообще есть наказаніе за грѣхъ и неизбѣжное слѣдствіе грѣха.

Когда Богъ сотворилъ первыхъ человѣковъ, тогда они были безгрѣшны и невинны. И пока они были таковы, дотолѣ не *знали* никакихъ болѣзней, ни горя, ни страданій; рай внѣшній и рай внутренній былъ неотъемлемымъ удѣломъ людей, не познавшихъ грѣха. Но лишь только они согрѣшили, тотчасъ почувствовали стыдъ—первое мученіе души; тотчасъ же послѣдовали для нихъ и мученія тѣлесныя, какъ то: неминуемый трудъ, изнурительная работа, болѣзни и наконецъ смерть. Съ умноженіемъ грѣха въ человѣческомъ родѣ умножались и людскія страданія, разнообразились болѣзни, такъ-что вся жизнь грѣшника превратилась въ непрерывное страданіе. Знатоки увѣряютъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка вполнѣ здороваго. И не мудрено: всѣ люди болѣе или менѣе грѣшны, слѣдовательно всѣ болѣе или менѣе больны.

Грѣхъ запрещается намъ Богомъ именно потому, что онъ намъ вреденъ. Творецъ, создавшій человѣка, ужь вѣрно знаетъ, что̀ вредно и что̀ полезно человѣку. Весь законъ Божій, со всѣми его подробностями, имѣетъ одну цѣль, чтобы сдѣлать человѣка, которому онъ назначенъ для исполненія, какъ можно болѣе благополучнымъ частію въ настоящей жизни, а болѣе всего въ жизни

будущей. Кто представляетъ Бога какимъ-то страшилищемъ, которому трудно угодить и которое то милуетъ, то караетъ человѣка какъ-будто по прихоти и своеправію, тотъ получилъ понятіе о Богѣ изъ нечистыхъ и невѣжественныхъ источниковъ, каковы: народныя повѣрья, преданія языческой древности, бредни хапжей, шарлатановъ и т. п. Въ дѣйствительности Богъ есть безконечно доброе Существо, и Его законъ благодѣтеленъ для насъ во всѣхъ отношеніяхъ. Недаромъ всѣ праведники, которые на дѣлѣ испытали исполненіе заповѣдей Божіихъ, относятся о нихъ, какъ объ единственномъ источникѣ жизни, здоровья, довольства, радостей и благополучія человѣка. Люди обыкновенно жалуются, что тяжело жить на свѣтѣ; въ дѣйствительности жизнь тяжела и мучительна только тому, кто ведетъ ее не по волѣ Отца небеснаго и не исполняетъ Его благодѣтельнаго закона. Но при исполненіи благодѣтельнаго закона Божія жизнь наша наполняется радостію и утѣшеніемъ. Законъ Божій хранитъ и поддерживаетъ здоровье —это первое и основное благо нашей земной жизни: безъ здоровья, какъ всякій знаетъ, и радости не радуютъ, и пріятности горьки, и благополучіе не въ благополучіе. Законъ Божій не избавляетъ того, кто его исполняетъ, отъ тѣлесныхъ болѣзней, которыя иногда нарочно посылаются Богомъ на праведниковъ для высшихъ цѣлей; за то помогаетъ человѣку переносить болѣзни благодушно, наполняя сердце его не земными радостями и ободряя духъ его необъяснимыми утѣшеніями. Законъ Божій не избавляетъ человѣка и отъ тѣлесной смерти; за то, по мѣрѣ его исполненія, дѣлаетъ смерть нисколько не страшною, услаждая послѣднія минуты жизни праведника великими надеждами и предвкушеніями приближающихся благъ царства небеснаго, и даже прославляетъ нетлѣніемъ самыя тѣла нѣкоторыхъ праведниковъ, которые сохранили въ жизни наибольшую вѣрность закону Божію.

Законъ Божій предписываетъ намъ во всемъ строгую умѣренность. Нарушитель этой заповѣди Божіей непремѣнно лишается соотвѣтственной части своего здоровья, подвергается тѣмъ или другимъ болѣзнямъ, и такимъ образомъ грѣхъ наказывается какъ-будто самъ собою. Для примѣра возьмемъ пьянство. Рѣдкій не знаетъ, какія страшныя мученія претерпѣваетъ горькій пьяница послѣ долговременнаго и неумѣреннаго употребленія вина. У него все болитъ,—болитъ и голова, болитъ и сердце; глаза слѣпнутъ, уши глохнутъ, все тѣло его трясется, разсудокъ помрачается, воображеніе наполнено ужасами, тоска его ни съ чѣмъ не сравнима, душа мучится точно въ аду: несчастный нарушитель закона Божія оканчиваетъ нерѣдко свой злополучный грѣхъ самоубійствомъ.

Не менѣе несчастно и распутство. Неумѣренный сластолюбецъ— это живой мертвецъ, въ которомъ, иногда подъ цвѣтущей наружностью, всѣ внутренности заживо предаются тлѣнію и гніли. Сколько горя, сколько тоски, самой ѣдкой и безотрадной, испытываетъ преданный плотской любви и неумѣренному сладострастію! Онъ становится вялымъ, безжизненнымъ, немощнымъ, тупымъ, скучнымъ и никуда негоднымъ человѣкомъ. Чрезмѣрныя заботы въ быту житейскомъ, запрещаемыя Богомъ, причиняютъ чахотку и другія смертельныя болѣзни. Запрещаемая Богомъ роскошная жизнь изнѣживаетъ человѣка, дѣлаетъ его какимъ-то разслабленнымъ, лишаетъ бодрости, располагаетъ къ простудѣ и къ воспріятію другихъ болѣзней. Преступной праздности всегда сопутствуетъ мучительная скука. Вообще, нѣтъ ни одного грѣха въ отношеніи къ самому грѣшнику, который не производилъ бы въ наказаніе ему ту или другую болѣзнь, то или другое страданіе: очевидное доказательство, что законъ Божій, запрещающій человѣку грѣхъ, есть законъ для человѣка самый благодѣтельный, самый попечительный.

Грѣхъ, или, что тоже, нарушеніе закона Божія въ отношеніи къ ближнимъ хотя и не производитъ для грѣшника прямыхъ тѣлесныхъ болѣзней, тѣмъ не менѣе грѣшникъ становится отъ него существомъ болѣе или менѣе несчастнымъ. Въ примѣръ возьмемъ смертный грѣхъ—душегубство. О душегубцахъ говорятъ, что они, совершивъ злодѣяніе, тотчасъ подвергаются столь страшнымъ пыткамъ душевнымъ, что многіе изъ нихъ, не вынесши ихъ, сами объявляютъ о своемъ преступленіи и добровольно принимаютъ казнь по законамъ гражданскимъ. Посмотрите на воровъ, какъ горька участь ихъ даже тогда, когда они еще не попадаютъ въ руки земнаго правосудія. Воръ ненавистенъ всякому; онъ отвратителенъ не только для тѣхъ, кого онъ обкрадываетъ, но и для тѣхъ, кому онъ не могъ или не успѣлъ сдѣлать зла. Всѣ его опасаются, всѣ его преслѣдуютъ, всѣ ищутъ его погибели. Ни чье сердце не сочувствуетъ ему; ни чья дружба не услаждаетъ его жизни, и въ случаѣ постигающихъ его несчастій ему нѣтъ ни отъ кого сострадапія, ни откуда нѣтъ утѣшенія. Не менѣе жалка участь клеветниковъ, обидчиковъ, хвастуновъ, сплетниковъ, гордецовъ, завистниковъ, низкихъ льстецовъ, и всѣхъ тѣхъ, которые нарушаютъ любовь къ другимъ людямъ, и сами въ свою очередь не пользуясь ихъ любовью. То зло, которое эти люди дѣлаютъ другимъ, Господь Богъ обращаетъ на нихъ самихъ и отмщаетъ имъ съ избыткомъ за нарушеніе закона еще на семъ свѣ-

тѣ, а на томъ свѣтѣ готовитъ имъ мученія нескончаемыя, если они здѣсь не отстанутъ отъ своего грѣха.

Итакъ, если мы хотимъ быть здоровыми и благополучными, встрѣтить неминуемую смерть какъ гостью желанную, а на томъ свѣтѣ быть на вѣки блаженными, то нѣтъ другихъ средствъ достигнуть всего этого, кромѣ исполненія закона Божія; и именно въ какой мѣрѣ мы будемъ исполнять его, въ такой мѣрѣ и будемъ счастливы. Трудность исполненія воли Божіей—это одни призраки и страшилища, которые созидаетъ наша грѣхолюбивая душа и сама же устрашается ими; но все это тотчасъ исчезаетъ, лишь только мы въ дѣйствительности принимаемся исполнять законъ Божій. *Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя,... и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мато. 11, 28—30): такъ призываетъ насъ къ нашему благополучію Самъ Богъ. Аминь.

20

ПОУЧЕНІЕ

въ пятую недѣлю пасхи,—о Самарянынѣ.

о томъ, что спасеніе возможно и въ мірскихъ званіяхъ.

Въ ветхозавѣтныя времена вѣрные Іудеи покланялись Богу въ одномъ только Іерусалимѣ, а Самаряне, которые были тогда почти тоже, что въ наше время раскольники, покланялись Богу на одной священной горѣ. Но Іисусъ Христосъ, въ разговорѣ съ одною Самарянкой при колодцѣ, сказалъ ей между прочимъ: *повѣрь Мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете покланяться Отцу... Истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ и истинѣ* (Іоан. 4, 21—23), т. е. не выбирая для поклоненія Богу какія либо опредѣленныя мѣста.

И изъ насъ многіе заражены подобными предразсуками; и изъ насъ многіе думаютъ, что если спасаться, такъ надобно идти въ монастыри и пещеры и что, находясь безвыходно въ міру, получить спасеніе невозможно.

Но точно ли это такъ; будто въ міру спасеніе невозможно? Вотъ наприм., мы живемъ въ міру, а въ Церковь ходимъ, Богу молимся; посты, хоть въ отношеніи къ одной пищѣ, а соблю-

даемъ; на исповѣдь, хоть рѣдко, а ходимъ; бѣднымъ, хоть по немногу, а подаемъ. Для чего же мы все это дѣлаемъ, если въ міру спастись невозможно? Очевидно, и въ міру мы чаемъ спастись, если для спасенія своего дѣлаемъ и то и другое; но какъ мы чувствуемъ, что худо спасаемся, то намъ и хочется повинить въ этомъ не самихъ себя,—самихъ себя мы слишкомъ любимъ, чтобы винить въ чемъ-либо,—а повинить мѣсто, въ которомъ мы находимся; повинить вещи, которыми мы окружены.

Въ дѣйствительности наше мѣсто и вещи, насъ окружающія, нисколько не виноваты въ томъ, что мы худо спасаемся; въ этомъ виноваты мы сами. Всѣ вещи въ мірѣ, поелику созданы премудрымъ и всеблагимъ Богомъ, имѣютъ премудрое и полезное для насъ назначеніе; если когда онѣ служатъ препятствіемъ нашему спасенію, такъ это потому только, что мы употребляемъ ихъ противно ихъ назначенію. Деньги, напр., назначены для справедливаго размѣна произведеній нашего труда съ другими людьми, и только наша излишняя привязанность къ земнымъ благамъ обратила эту, въ сущности полезную, вещь въ предметъ *зависти*, кражи, обмана и другихъ безчисленныхъ грѣховъ; наружная красота человѣческая назначена для того, чтобы по ней мы восходили до понятія о духовной непзреченной красотѣ Божественнаго Существа и любили Бога всей душой и всѣмъ сердцемъ, и только наше порочное сердце обратило видимую красоту въ предметъ нашихъ страстныхъ и несчастныхъ привязанностей. Положимъ, что мы перемѣнимъ свое мѣсто и окружимъ себя иными вещами; оставаясь сами тѣмъ же, чѣмъ были и прежде, мы и новыя вещи сдѣлаемъ предметомъ нашего грѣха, и онѣ, при нашемъ неразумномъ ихъ употребленіи, будутъ служить препятствіемъ къ нашему спасенію. Ужели мы думаемъ, что, какъ-скоро человѣкъ удалится, наприм., въ монастырь или въ пещеру, тамъ вдругъ сдѣлается уже ангеломъ, а не человѣкомъ? Нѣтъ, братія, мы грѣшники—вездѣ грѣшники, хотя бы были помѣщены на небѣ въ кругу ангеловъ. Ни пещеры, ни стѣны монастырскія не могутъ спасти человѣка, доколѣ онъ самъ не измѣнитъ себя къ лучшему. По словамъ св. Іоанна Златоуста, «мѣсто никого не спасетъ, ни осудитъ; но дѣла каждаго осудятъ, или спасутъ» *).

Мы обыкновенно жалуемся на то, что въ міру много соблазновъ,—здѣсь безъ грѣха никакъ не проживешь, то самъ согрѣшишь, то введешь въ грѣхъ другаго. Да гдѣ же нѣтъ соблазновъ?

---

*) Прологъ на 5 марта.

Если бы мы удалились въ монастырь или пещеру, и тамъ мы встрѣтились бы съ соблазнами и искушеніями: это собственныя наши страсти, собственныя наши грѣховныя наклонности, отъ которыхъ уже не куда уйдти, не гдѣ скрыться. Наше спасеніе собственно въ томъ и состоитъ, чтобы бороться съ соблазнами и искушеніями, а не въ томъ, чтобы отъ нихъ бѣгать. Изъ монашествующихъ же св. отцы говорятъ: «не будь искушеній, и никто бы не спасся» *). Итакъ не жаловаться намъ надобно, что мы окружены въ міру многими соблазнами, отвлекающими насъ отъ спасенія, а противиться этимъ соблазнамъ: поддаваться имъ не было бы намъ позволено, если бы мы были монахами или отшельниками. Насъ въ міру сердятъ,—будемъ терпѣть и не сердиться: сердиться намъ не было бы разрѣшено, если бы мы были въ монастырѣ или пещерѣ. Около насъ шумная и непристойная бесѣда,—удалимся въ другую болѣе степенную и назидательную. Намъ совѣтуютъ дурное, принуждаютъ къ дурному,—будемъ терпѣть и дѣлать свое доброе; мы невольно принуждены въ міру слышать пѣсни, видѣть хороводы, игры, пляски и т. п.,—за невольное смотрѣніе и слушаніе не повинитъ насъ Богъ, лишь бы не участвовали мы сами въ предосудительныхъ мірскихъ забавахъ. Мы должны терпѣть и перемогаться во всякомъ случаѣ: безъ терпѣнія ни міряпинъ, ни монахъ, ни отшельникъ не наслѣдуютъ царства небеснаго. *Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши* (Лук. 21, 19): вотъ что сказано Самимъ Господомъ для всѣхъ христіанъ безъ исключенія.

Такъ, въ міру много разныхъ занятій, много житейскихъ заботъ и всякой суеты, отвлекающихъ насъ отъ спасенія. Гдѣ бы помышлять объ одномъ небесномъ, помолиться Богу, сходить въ Церковь, попоститься или что другое сдѣлать для спасенія своей души; но хлопоты по хозяйству, нужныя работы и дѣла не даютъ ничего такого сдѣлать. Но и человѣкъ мало-мальски разсудительный не сталъ бы взыскивать съ насъ того, чего сдѣлать мы не имѣемъ возможности: будетъ ли взыскивать съ насъ за невозможное Богъ, Который несравненно справедливѣе, добрѣе и снисходительнѣе всякаго человѣка? Нѣтъ, братія, если, при всемъ нашемъ добромъ желаніи, намъ дѣйствительно почему-либо невозможно быть въ Церкви, помолиться Богу, попоститься и т. п.,—въ такомъ случаѣ Церковь молится не только о тѣхъ, которые въ ней находятся, но и о насъ, прикованныхъ къ дому неизбѣжною нуждою; Богъ слышитъ наши молитвы, если мы возсыла-

*) Достопам. сказ. о подв. св. отцевъ стр. 4, 5. стр. 96, 5.

емъ ихъ къ Нему и однѣми мыслями; вмѣнятъ намъ въ постъ, если мы ѣдимъ не больше того, сколько требуется рабочему человѣку. Другое дѣло, слышать звонъ колокола, зовущій въ Церковь на молитву, и вмѣстѣ съ тѣмъ работать, когда можно обойтись безъ работы; или безъ всякаго дѣла пробыть дома, а въ Церковь на молитву нейдти,—да, это совершенно другое дѣло: такіе люди дѣйствительно далеки отъ спасенія, и по своей собственной винѣ.

Да и правда ли то, будто мірскія дѣла, занятія по хозяйству и разныя работы несовмѣстны съ угожденіемъ Богу и со спасеніемъ человѣческой души? Нѣтъ, это совершенная неправда. Самъ Спаситель въ юныхъ лѣтахъ помогалъ Своему нареченному отцу земному въ древодѣліи (Лук. 2, 51); апостолы, день и ночь занятые проповѣданіемъ въ мірѣ благовѣстія о Спасителѣ, для своего пропитанія занимались работами, лишь только выпадало для нихъ сколько-нибудь свободнаго времени (1 Кор. 4, 12); св. отшельники міра, прославленные нетлѣніемъ ихъ мощей и ублажаемые Церковію, не выпускали изъ рукъ своихъ работы въ порожнее отъ молитвы время. Стало быть честный трудъ, добросовѣстная работа не только не препятствуютъ нашему спасенію, а напротивъ, сами по себѣ способствуютъ ему и составляютъ угожденіе Богу. Намъ мѣшаютъ спасаться и вести богоугодную жизнь не трудъ и не работа, а тунеядство, праздность, корыстолюбіе, зависть, неправды, обманы, роскошь, сустность, *излишняя привязанность* къ благамъ міра сего, немилосердіе къ другимъ людямъ и т. п. Безъ собственныхъ праведныхъ трудовъ что̀ мы подадимъ бѣдному, что̀ пожертвуемъ въ Церковь Божію, на что̀ купимъ свѣчку поставить предъ св. иконой?

Въ оправданіе нашей беззаботности спасаться въ міру мы говоримъ обыкновенно: какое спасеніе съ женою и дѣтьми? А почему же нельзя будто бы спастись семейному человѣку? Вѣдь бракъ нашъ совершенъ не въ лѣсу или не середь дороги, а въ св. храмѣ Божіемъ и благословленъ Самимъ Богомъ черезъ Его служителя—священника; равно и дѣти наши родились съ молитвами Церкви, окрещены въ Церкви и растутъ никогда не оставляемые ея материнскими попеченіями. Ужели Церковь именемъ Божіимъ благословляла бы бракъ, если бы жена и дѣти дѣйствительно препятствовали человѣческому спасенію? Безъ брака и дѣторожденія некому было бы и спасаться, потому что безъ нихъ прекратился бы неминуемо человѣческій родъ. Нѣтъ, братія, брачное сожительство нисколько не препятствуетъ само по себѣ нашему спасенію, если только при этомъ мы будемъ исполнять святыя обязанности

брачной жизни—жить съ супругами въ мирѣ и любви, а въ своихъ дѣтяхъ воспитывать для Церкви истинныхъ и вѣрныхъ христіанъ, для государства трудолюбивыхъ и вѣрныхъ гражданъ, для общества полезныхъ членовъ. Вѣдь и монахъ не спасется, если не исполнитъ тѣхъ обязанностей, какія онъ принялъ на себя при вступленіи въ монашество. Добрымъ воспитаніемъ дѣтей мы вознаградимъ предъ Богомъ подвигъ цѣломудрія, отъ котораго намъ не запрещено отказаться, какъ отъ подвига необязательнаго и добровольнаго, по слову Спасителя: *кто можетъ вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12). Для хорошаго воспитанія дѣтей требуется отъ родителей непрестанное наблюденіе надъ собой, примѣръ неукоризненной жизни, безпрестанное укрощеніе гнѣвныхъ и порочныхъ порывовъ своего сердца, непрестанный и благоразумный присмотръ за дѣтьми; здѣсь требуется много любви, много терпѣнія, самоотверженія и другихъ добродѣтелей. Воспитать дѣтей по-христіански отнюдь не легче того, какъ сохранить свое цѣломудріе; такое воспитаніе есть на землѣ самое великое богоугодное дѣло. Это—добродѣтель, можно сказать, и на землѣ безсмертная: наученные добру, наши дѣти научатъ тому же своихъ дѣтей, а эти дѣти своихъ дѣтей и т. д.,—и все наше потомство своею добродѣтельною жизнію будетъ вѣчно поминать насъ предъ Богомъ и на землѣ и на небѣ. Дай Богъ всякому христіанину сподобиться такого поминовенія! Итакъ наша мірская брачная жизнь не препятствуетъ нашему спасенію, а препятствуютъ ему наша лѣность и нерадѣніе о спасеніи; если мы и въ монастырь пойдемъ да не оставимъ своей лѣности за воротами обители, то и тамъ не спасемся. Послушайте, что̀ говорятъ о мірской и брачной жизни правила св. гангрскаго собора. Первое правило: «если кто порочитъ законный бракъ, ненавидитъ благочестивое сожительство мужа и жены и говоритъ о нихъ, будто они не могутъ войти въ царство небесное, да будетъ проклятъ». Второе правило: «если кто осуждаетъ употребляющаго въ пищу мясо и говоритъ, что ради вкушенія мяса онъ не имѣетъ надежды на спасеніе, да будетъ проклятъ».

Итакъ напрасно многіе изъ насъ не чаютъ спастись въ міру и думаютъ, будто спасеніе возможно только въ монастыряхъ и пещерахъ. Въ дѣйствительности спасеніе равно достижимо, что въ міру, что въ монастырѣ, что въ пещерѣ. Если я не занимаюсь спасеніемъ и не угождаю Богу исполненіемъ Его святыхъ заповѣдей здѣсь въ міру, кто же меня заставилъ бы спасаться, если бы я удалился въ монастырь и пещеру? Если я здѣсь грѣшникъ, изъ чего же видно, что и тамъ я не былъ бы таковъ же?

Во мнѣ сердце злое и порочное; куда же я могу уйти отъ него? Уйду въ монастырь, поселюсь въ лѣсу, заключу себя въ пещеру, —мое злое и порочное сердце все со мной. Да и какъ мнѣ разстаться съ міромъ, когда я люблю его всей душой, обожаю его удовольствія, приковапъ къ его сокровищамъ? Буду ли въ монастырѣ, буду ли въ пещерѣ, а все буду мечтать о любимыхъ предметахъ; сердце мое все будетъ лежать къ тому, что̀ я оставилъ,—и вотъ въ мою келью, въ мою пещеру міръ придетъ за мной же. Стало быть не мѣсто мѣшаетъ мнѣ спасаться и не жизнь въ міру главная причина грѣховъ моихъ, а я самъ съ порочнымъ сердцемъ и съ душой грѣхолюбивой.

Люди избранные удаляются отъ міра и отъ суетъ его въ монастыри и пещеры не легкомысленно, а чувствуя въ себѣ призваніе Божіе къ монашеской и отшельнической жизни и напередъ испытавъ еще въ міру свои силы въ борьбѣ съ грѣхомъ; но и послѣ того они, въ видахъ предосторожности, несутъ болѣе или менѣе продолжительный искусъ, чтобы *или окончательно связать* себя великими обѣтами предъ Богомъ, или возвратиться къ первобытной мірской жизни. Думаютъ ли объ этомъ тѣ изъ насъ, которые не чаютъ спастись въ міру и желали бы для своего спасенія удалиться въ монастыри? Да развѣ легче тамъ спастись, чѣмъ въ міру? Развѣ обязанности монаха и отшельника болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ слабымъ силамъ, чѣмъ обязанности міряпина? Да, братія, только тамъ кажется намъ хорошо, легко *и* свободно, гдѣ насъ нѣтъ. Между тѣмъ-какъ міряпинъ наслаждается благами міра сего въ предѣлахъ умѣренности, предписанныхъ закономъ Божіимъ, монахъ или отшельникъ отказываетъ себѣ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ даже естественныхъ потребностей. Онъ не ѣстъ, когда его томитъ голодъ; не спитъ, когда смыкаются его вѣжди; стоитъ на молитвѣ, когда ноги его подгибаются отъ многостоянія и бдѣнія; занимается рукодѣльемъ и работой, когда руки его опускаются отъ тѣлеснаго изнеможенія. Для него нѣтъ ни родства, ни мірской дружбы, ни внѣшнихъ связей съ людьми; для него не существуетъ никакое земное утѣшеніе, кромѣ небеснаго. И этотъ-то путь спасенія, который есть произвольное, непрерывное и пожизненное мученичество для Христа, мы называемъ легкимъ сравнительно съ тѣмъ путемъ спасенія, который предлежитъ намъ міряпамъ? Да, мы видимъ только внѣшнюю монастырскую тишину, благопріятствующую непрестанной молитвѣ и всегдашнему богомыслію, но не видимъ внутренней бури страстей, которую надобно укрощать; не видимъ естественной тоски по оставленномъ мірѣ, которую надобно превозмогать; не видимъ по-

каянныхъ слезъ, которыя надобно выплакать; не видимъ самораспятія собственной плоти съ ея страстьми и похотьми, которое надобно выстрадать не однимъ часомъ или днемъ, а многими годами и даже цѣлою жизнію. Не завидуйте же образу жизни монаховъ и отшельниковъ; не унижайте ихъ великихъ, даже вышеестественныхъ подвиговъ несправедливымъ мнѣніемъ, будто имъ спастись легче нашего. Равнымъ образомъ не думайте, будто ваше, болѣе легкое, но добросовѣстное труженичество для неба, совершаемое среди міра, въ толпѣ людей, не будетъ замѣчено и оцѣнено по достоинству правосуднымъ Богомъ; не почитайте себя жертвами, обреченными аду и вѣчнымъ мукамъ. Когда жена, дѣти, зависимость отъ общества и другія неотвратимыя обстоятельства удерживаютъ тебя въ міру, то зачѣмъ мыслями уноситься въ монастыри и пещеры, не стараясь жить въ міру добродѣтельно? Точно, велики и какъ-буто завидны со стороны обѣты монаха и отшельника быть ангелами на землѣ; для всякаго вождѣлѣнны тѣ небесныя блага, которыя уготованы Господомъ въ будущемъ вѣкѣ за исполненіе такихъ обѣтовъ. Но не забудемъ, что и на насъ всѣхъ уже есть обѣты предъ Богомъ, и обѣты немалые: когда насъ крестили, и за насъ воспріемники наши обязывались предъ Богомъ, обѣщавались Ему, что мы будемъ угождать Ему всѣми нашими силами, противиться искушеніямъ и вести жизнь свою по закону Божію.

Не всѣ угодники Божіи перешли на небо изъ монастырей и пещеръ; много въ раю и мірскихъ людей,—такихъ же крестьянъ, какъ вы. У кого добрая душа, чистое и непорочное сердце, тотъ вездѣ угоденъ Богу. Храмъ Божій ни отъ кого не далекъ; молиться можно на всякомъ мѣстѣ; поститься нигдѣ нѣтъ запрета; добрыя дѣла вездѣ хороши. Правда, мірскому человѣку все это исполнять не такъ легко и удобно; но что же дѣлать, когда спасеніе безъ трудовъ нами грѣшниками не достигается? Самъ Спаситель сказалъ, что *царство небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его* (Мато. 11, 12);—и въ этомъ отношеніи Богъ не положилъ никакого различія между мірянами и отшельниками. Итакъ, не оставляя жены, дѣтей и своихъ обычныхъ занятій въ мірѣ, не думая ни о монастыряхъ, ни о пещерахъ, пустимся съ Богомъ на путь спасенія и, съ Божіею помощію, будемъ смѣло бороться съ соблазнами и искушеніями, какія будутъ намъ встрѣчаться въ мірѣ. Аминь.

21

ПОУЧЕНІЕ

въ шестую недѣлю пасхи,—о слѣпомъ.

Что у насъ нынѣ воскресный день, то во времена ветхаго завѣта была суббота, которая праздновалась еженедѣльно; это такъ было и тогда, когда жилъ на землѣ Іисусъ Христосъ. Разъ въ праздникъ субботу Іисусъ Христосъ увидѣлъ слѣпаго отъ рожденія, плюнулъ на землю, смѣсью изъ земли и слюны помазалъ слѣпому глаза, велѣлъ ему умыться въ одной купальнѣ,— и слѣпой, умывшись, тотчасъ сталъ зрячимъ. Фарисеи, наставники народа, узнавъ о праздничномъ исцѣленіи слѣпаго, рѣшили о Іисусѣ Христѣ такъ: *не отъ Бога этотъ человѣкъ, потому что не хранитъ субботы* (Іоан. 9, 1—39).

Ахъ, братія, такихъ фарисеевъ много встрѣтишь и среди насъ христіанъ, если приглядишься, какъ мы ведемъ себя во время священныхъ праздниковъ. Правда, мы не осудили бы, если бы кто въ праздникъ исцѣлилъ больнаго и совершилъ доброе дѣло; но не считаемъ себѣ въ большой грѣхъ творить въ праздники и худыя дѣла.

Что же именно по нашему запрещено дѣлать въ праздники? По нашему въ праздникъ не должно работать. Это и дѣйствительно такъ: для нашей работы назначены будни, а праздникъ есть день уже не нашъ, а Божій. *Помни день субботный*, говорится въ четвертой заповѣди Божіей, *еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя; день же седьмый суббота* (а по нынѣшнему воскресенье) *Господеви Богу твоему*. Что же намъ дѣлать въ праздникъ безъ работы, безъ житейскихъ занятій? Помолиться Богу и въ церкви и дома, поговорить и посовѣтоваться съ хорошими людьми о добрыхъ и полезныхъ дѣлахъ, почитать или послушать хорошихъ и полезныхъ книгъ, посѣтить больныхъ и по возможности помочь имъ, подать милостыню бѣднымъ и т. п: такихъ дѣлъ, такихъ занятій стало бы для насъ и тогда, когда бы у насъ было праздниковъ болѣе существующаго.

Такъ, въ праздники мы исполняемъ четвертую заповѣдь Божію, т. е. не работаемъ. Въ чемъ же мы проводимъ праздничное время? Вотъ чѣмъ: сходимъ, и то не всѣ въ церковь, болѣе или менѣе усердно помолимся Богу, дождемся времени выйдти изъ церкви,—и тутъ у многихъ изъ насъ уже пойдетъ праздникъ по

своему. Что только есть запрещеннаго христіанину, все это мы обыкновенно позволяемъ себѣ дѣлать въ праздники, какъ-будто праздники только для того намъ и установлены, чтобы мы грѣшили. Въ праздники мы, напр., пьянствуемъ, составляемъ шумныя и пустыя бесѣды, заводимъ нескромныя игры и кулачные бои, поемъ соблазнительныя пѣсни, устраиваемъ безчинныя пляски, удовлетворяемъ нечистымъ желаніямъ страстной плоти и т. п.; короче сказать, въ одинъ праздничный день столько мы дѣлаемъ не хорошаго, сколько едва ли сдѣлаемъ во всѣ простые дни. Бывало, такъ исправляли свои праздники невѣрные идолопоклонники; и ихъ несчастный обычай перешелъ къ христіанамъ, поклонникамъ истиннаго Бога. И смотря на такое исправленіе нами праздниковъ, невольно скажешь: не лучше ли было бы работать въ праздники, нежели проводить ихъ такъ худо?

И дѣйствительно, лучше работать въ праздники, нежели, не имѣя никакого дѣльнаго занятія, только грѣшить и творить худыя дѣла. Точно, грѣшно въ праздники работать; но проводить ихъ въ худыхъ дѣлахъ еще грѣшнѣе. Работая въ праздники, дни Божіи мы какъ-будто похищаемъ у Бога и употребляемъ какъ свою собственность; а проводя праздники въ худыхъ дѣлахъ, дни Божіи мы прямо губимъ въ угоду діаволу. Конечно, и при работѣ, пожалуй, не минуешь грѣха, да праздничная работа и сама по себѣ есть грѣхъ; но все же при работѣ столько не нагрѣшишь, какъ въ совершенной праздности, безъ работы, безъ дѣла. А въ который день или въ который праздникъ мы меньше согрѣшимъ, тотъ и лучше будетъ проведенъ нами.

Если бы нашъ народъ былъ грамотенъ, въ праздничные дни было бы меньше у насъ порочной праздности; меньше пьянства, буйства, ссоръ, дракъ, безпутства и всякаго грѣха. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать въ праздники неграмотному? Работать грѣхъ, да и чувствуется усталость послѣ будничной работы; молиться лѣнь, читать книги неграмотный не умѣетъ. И вотъ, чтобы развлечь скуку, неграмотный идетъ въ питейный домъ, на гуляньe, въ непотребные дома и всюду, гдѣ только обитаетъ грѣхъ... Православные христіане! заведите училище для дѣтей вашихъ, не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ; и повѣрьте, что, когда подростутъ ваши грамотные малолѣтки, у васъ меньше будетъ болѣть сердце на дѣтей глядя. Хорошая книжка и дѣльное занятіе стали бы отводить молодежъ въ праздничное время отъ питейныхъ домовъ и отъ другихъ вертеповъ грѣха.

Итакъ, въ праздники должно молиться Богу и въ церкви и дома, бесѣдовать съ умными и добрыми людьми, читать или слу-

шать хорошія книги, посѣщать больныхъ и помогать имъ, подавать милостыню бѣднымъ и т. п. Если же мы такъ упорны, что никакъ не хотимъ заниматься въ праздники такими дѣлами, такъ ужъ лучше будемъ работать. А то что хорошаго, если праздничное время идетъ у насъ ни въ славу Божію, ни даже въ нашу житейскую пользу, а только на явную погибель душѣ? Только не будемъ составлять этихъ праздныхъ и пустыхъ бесѣдъ, гдѣ судятъ о чужихъ дѣлахъ, взносятъ на другихъ неправды, порочатъ людей напрасно; прекратимъ эти нескромныя игры, гдѣ разжигается плоть; развращается сердце; не будемъ напиваться этого вина, которое часто лишаетъ насъ и человѣческаго пособія. Такія грѣховныя потѣхи не хороши и въ будни, а въ праздники тѣмъ болѣе должны быть въ христіанствѣ нетерпимы. Переходъ изъ церкви въ питейный домъ и отъ молитвы къ соблазнительнымъ пѣснямъ истинно ужасенъ: онъ много походитъ на переходъ изъ рая въ адъ. Аминь.

22

ПОУЧЕНІЕ

въ день вознесенія Господня.

Іисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, не долго оставался на землѣ. Лишь только минуло по воскресеніи Его сорокъ дней, Онъ тотчасъ вознесся на небеса.

Спаситель нашъ для того и посѣтилъ нашу землю, чтобы пострадать на ней. Пока Онъ былъ окруженъ скорбями; пока Его гнали, мучили, безчестили, убивали, Онъ все оставался на землѣ и какъ будто вовсе не намѣревался ее оставить; а какъ скоро воскресъ изъ мертвыхъ, получилъ славу, вошелъ въ полное божественное блаженство, тотчасъ Его не стало на землѣ, и Онъ вознесся на небеса.

Братія! это и всегда такъ, что на землѣ только страдаютъ, а истинныя радости обитаютъ на небесахъ. Правда, было такое время, что и на землѣ не было страданій, и на здѣшнемъ свѣтѣ были одне радости; но то время давно уже прошло. Завелось на землѣ зло, появился въ людяхъ грѣхъ,—и радостей не стало, и блаженство погибло, а ихъ мѣсто заступили скорби и страданія. Теперь кто хочетъ возвратить тѣ минувшія радости и блаженство, тотъ страдай безъ ропота, терпи безъ жалобъ, а все ожидай перемѣны своей участи не раньше, какъ за гробомъ. И никакой

страдалецъ изъ насъ не можетъ сказать о себѣ: я терплю напрасно, хотя бы всѣ люди нападали на него безъ всякой видимой причины; хотя бы Самъ Богъ всячески наказывалъ его при всѣхъ его стараніяхъ угодить Богу. Можемъ ли мы сказать, что мы терпимъ напрасно, когда мы грѣшники, заслужившіе наказаніе, и когда при томъ черезъ терпѣніе свое мы возвращаемъ утраченное нами благополучіе? Напрасно терпѣлъ на землѣ одинъ Іисусъ Христосъ, и потому напрасно, что терпѣлъ за наши грѣхи, отвѣтственность въ которыхъ Онъ снялъ на Себя по Своей безмѣрной любви къ намъ.

А еще иные люди хотятъ блаженствовать на землѣ! А еще многіе изъ насъ, оставивъ мысль о небѣ, ищутъ себѣ счастія здѣсь, какъ чего-то вѣрнаго; для пріобрѣтенія счастія многое замышляютъ, многимъ жертвуютъ, многое теряютъ,—и ничего не получаютъ. Намъ ли грѣшникамъ, погубившимъ свои радости, быть счастливыми и блаженными на землѣ, когда Самъ безгрѣшный Іисусъ Христосъ терпѣлъ на землѣ одни страданія? Счастье на землѣ одинъ призракъ, издали привлекательный, а вблизи обманчивый. Тѣ люди, которые ищутъ счастья на землѣ впродолженіи всей своей жизни,—всѣ они обыкновенно умираютъ, не испытавъ земнаго счастія. Иной много наживаетъ денегъ; окружаетъ себя всѣмъ, что ему нравится; повидимому, тонетъ въ удовольствіяхъ,—а все недоволенъ своимъ состояніемъ; все считаетъ себя мало достаточнымъ; все еще видитъ множество удовольствій недостигнутыхъ; все желаетъ бо́льшаго и лучшаго; все не чувствуетъ себя счастливымъ. Очевидный признакъ, что искомый предметъ не найденъ; что мы ищемъ счастья тамъ, гдѣ нѣтъ его.

Правда, нельзя сказать рѣшительно, чтобы не было на землѣ людей счастливыхъ, какъ понимается счастіе вообще у людей. Среди насъ встрѣчаются такіе люди, которымъ все удается, во всемъ счастливится. Деньги льются къ нимъ рѣкой; честь и слава достаются имъ безъ заслугъ, безъ подвиговъ; всякое ихъ желаніе исполняется какъ бы само собою; ихъ удовольствіямъ ничто не мѣшаетъ; ихъ не тревожитъ даже совѣсть—эта неотступная мучительница каждаго грѣшника; самыя болѣзни отъ нихъ какъ будто удаляются. И если бы эти люди не ощущали въ душѣ своей пустоты и одиночества, то можно было бы сказать о нихъ, что они живутъ на семъ свѣтѣ, какъ въ раю. Видимое ихъ благополучіе столь заманчиво со стороны, что даже благочестивые люди едва удерживаются отъ того, чтобы имъ не позавидовать. Но что́же, точно ли завидна ихъ участь? Участь ихъ только кажется

завидною, а въ дѣйствительности она есть участь самая жалкая. За безпечность и отчаянное равнодушіе ко спасенію Богъ оборотилъ судьбу этихъ людей такъ, что имъ суждено наслаждаться видимымъ счастьемъ на землѣ, а на томъ свѣтѣ страдать въ безконечные вѣки. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «тѣ, которые творятъ великіе грѣхи и ни малыхъ бѣдъ не пріемлютъ, на бо́льшую бѣду щадятся» *). Человѣкъ можетъ спастись и избавиться отъ вѣчныхъ страданій не иначе, какъ черезъ страданія на семъ свѣтѣ; если человѣкъ терпитъ страданія на семъ свѣтѣ съ малодушіемъ, то и такое невольное терпѣніе имѣетъ нѣкоторую цѣну для будущей жизни; но вовсе безъ страданій человѣку сущая бѣда. Это явная погибель, если Богъ уже отказывается наказывать насъ за наши грѣхи на семъ свѣтѣ: въ этомъ заключается ясный признакъ, что ни одинъ грѣхъ нашъ не прощенъ, ни одно наше нарушеніе закона Божія ничѣмъ не заглажено. *Если останетесь безъ наказанія отъ Бога*, говоритъ св. апостолъ Павелъ, *то вы незаконные дѣти Богу, а не сыны* (Евр. 12, 8). Въ томъ же смыслѣ говоритъ и Самъ Іисусъ Христосъ: *горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете. Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошее! ибо такъ поступали съ лжепророками* (Лук. 6, 24—26). И не то губитъ этихъ жалкихъ счастливцевъ вѣка сего, что они или богаты, или всѣмъ нужнымъ въ жизни довольны, или веселы, или пользуются отъ людей честью и славой; а то служитъ имъ въ погибель, что они всю душу свою предали богатству, наслажденьямъ, веселью́мъ, славѣ, не простирая своихъ заботъ и желаній далѣе гроба: погрузившись въ земное и временное, они какъ-бы умертвили себя для небеснаго и вѣчнаго. Также нельзя сказать о нихъ положительно, что они преданы какимъ нибудь особеннымъ непростительнымъ грѣхамъ; нѣтъ, ихъ видимая нравственность не имѣетъ рѣзкаго отличія отъ другихъ. Иные изъ нихъ даже исправляютъ обязанности вѣры настолько, насколько это не нарушаетъ ихъ безпечнаго и чувственнаго наслажденія жизнію; на иныхъ случайно находятъ такіе часы, что они дѣлаютъ добро другимъ. Вся сила въ томъ, что они не ведутъ никакой борьбы съ грѣхомъ,—пьютъ грѣхи, какъ воду. Они не противятся никакой своей склонности, не отказываютъ себѣ ни въ чемъ желательномъ, не принуждаютъ себя

*) Прологъ на 12 марта, стр. 11; на 1 апрѣля, стр. 155.

ни къ чему обязательному; просто, они живутъ такъ, какъ имъ нравится,—и въ этомъ самомъ состоитъ, по ихъ вкусу, полное благополучіе на землѣ. А такъ какъ, они уже ничего не дѣлаютъ и не хотятъ дѣлать для неба, то Богъ отступается отъ нихъ и попускаетъ имъ на землѣ блаженствовать; а попуская на землѣ блаженствовать, попускаетъ имъ погибать на вѣки. О нихъ-то именно сказаны Богомъ слѣдующія слова: *неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду; нечистый пусть еще скверните... Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его* (Апок. 22, 11. 12).

Правда, не всѣ, которыхъ мы называемъ счастливыми, непремѣнно погибнутъ, и не всѣ, которые зовутся у насъ несчастными, непремѣнно спасутся; но счастіе земное, какъ мы его понимаемъ, всегда было и будетъ прямымъ путемъ къ погибели, а земное несчастіе—путемъ ко спасенію. Какъ бы то ни было, а нѣтъ ни одного праведника на небесахъ, который бы не страдалъ на землѣ и не испыталъ такъ называемыхъ несчастій жизни. Итакъ намъ слѣдуетъ терпѣть все, что не случается непріятнаго въ жизни, и терпѣть безъ ропота, досады и зависти, такъ какъ терпѣніемъ спасается душа наша (Лук. 21, 19). Кромѣ того намъ слѣдуетъ непрестанно бороться съ своими грѣховными желаніями, склонностями, страстями и привычками; а это такой произвольный крестъ, который не вынесетъ человѣкъ безъ вышней помощи. Но кто страдаетъ въ угожденіе Іисусу Христу, тотъ можетъ смѣло надѣяться на Его всесильную помощь: *ибо какъ Онъ Самъ претерпѣлъ искушенія, такъ можетъ помогать и искушаемымъ* (Евр. 2, 18). Что Онъ вознесся на небеса. это еще не значитъ, будто Его уже вовсе не стало съ нами на землѣ; нѣтъ, Онъ обѣщался пребывать съ нами *во всѣ дни до скончанія вѣка* (Мато. 28, 20). Аминь.

23

ПОУЧЕНІЕ

въ седьмую недѣлю пасхи,—святыхъ отецъ.

Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и его же послалъ еси Іисуса Христа (Іоан. 17, 3).

Нельзя знать Бога и не любить Его, все равно, какъ нельзя видѣть солнца и не чувствовать его свѣта. *Богъ есть любовь*

(1 Іоан. 4, 16), и кто знаетъ Его, тотъ узнаетъ блаженство любви. Богъ обладаетъ такими совершенствами, что никакая душа, созерцающая ихъ, не можетъ не пожелать вѣчной жизни съ Господомъ. О, если бы мы короче узнали Бога Отца и Спасителя нашего Іисуса Христа,—міръ и все нами теперь любимое потеряло бы для насъ всю свою обычную привлекательность; всякій грѣхъ, какъ нарушеніе воли Божіей, сталъ бы казаться намъ гнуснымъ и ужаснымъ, и никакая постороннія сила не могла бы отвлечь насъ отъ любви къ Господу (Рим. 8, 35). Богъ есть красота неописанная, мудрость безпредѣльная, сила всемогущая, благо неизмѣнное, вѣчная и неистощимая радость для всѣхъ тварей, Существо во всѣхъ отношеніяхъ всесовершенное; и если бы мы все это знали въ Немъ съ точностію и увѣренностію, то никогда не предпочли бы Ему міра и обольщающихъ насъ вещей, которыя не могутъ доставить намъ истиннаго благополучія.

Если спросить кого бы то ни было изъ насъ: знаетъ ли онъ Бога? всякій отвѣтитъ, что знаетъ; ужели же всѣ мы спаслись черезъ это знаніе? Человѣкъ, лишь только начинаетъ разумѣть, уже слышитъ о Богѣ и знаетъ Его по своимъ понятіямъ. Книги священныя читаются часто и всѣмъ: въ нихъ проповѣдуется о Богѣ и о Его св. законѣ; онѣ учатъ насъ всему истинному и спасительному, и нѣтъ среди насъ такого человѣка, который бы не зналъ по своему Бога, не исповѣдывалъ вѣры и не признавалъ закона. Отчего же не во всѣхъ замѣтна добродѣтель? Бога знаютъ всѣ, а спасаются рѣдкіе. Но слѣпому отъ рожденія сколько ни говорили бы о солнцѣ, онъ никогда не составитъ о немъ вѣрнаго понятія; сколько ни разсказывали бы ему о свѣтѣ, онъ не увидитъ свѣта и не насладится имъ до тѣхъ поръ, какъ глаза его будутъ зрячими: подобно тому и намъ сколько бы Священное Писаніе ни говорило о Богѣ, мы все не будемъ вѣрно знать Бога, доколѣ не прозрѣетъ наша ослѣпленная душа, доколѣ умъ нашъ не очистится отъ суевѣрій, предразсудковъ, ложныхъ понятій и отъ образа мыслей, образовавшагося подъ вліяніемъ порочныхъ страстей. А пока въ душѣ нашей продолжается грѣховная слѣпота; пока умъ нашъ загроможденъ суевѣріями и заблужденіями, а сердце занято страстями,—мы не можемъ знать Бога. А не зная Бога, не можемъ спасать и свою душу.

Что касается до насъ, братія, мы недостаточно знаемъ Бога и имѣемъ о Немъ много невѣрныхъ понятій. Скажите, кому мы молимся, въ кого вѣруемъ, на кого уповаемъ? Нѣкоторые изъ насъ указываютъ на образа. Но развѣ изображеніе св. ликовъ, сдѣланное иконописцемъ, можетъ слышать наши молитвы? Развѣ

вещество дерева, хотя и священное, можетъ имѣть надъ нами божественную власть? Этихъ несчастныхъ, которые почитаютъ иконы за Бога, св. Церковь отвергаетъ и предаетъ осужденію. Въ дѣйствительности Богъ одинъ во всей вселенной: а у нѣкоторыхъ суевѣрныхъ христіанъ столько боговъ, сколько образовъ, и кто бы ни былъ изображенъ на иконѣ, Самъ ли Богъ или кто изъ угодниковъ Его, они всѣхъ почитаютъ за Бога безъ разбора. Такая вѣра, повѣрьте, не есть вѣра христіанская. Конечно, изъ почтенія къ Богу мы должны почтить и изображеніе Божіе, изъ почтенія къ угодникамъ должны почтить и ихъ иконы; но вѣдь мы же сами, столь много заблуждаясь въ дѣлахъ вѣры, никогда не считаемъ картину за того, кто на ней нарисованъ.

Какъ не вѣрно наше понятіе о Богѣ, такъ несовершенна и наша молитва къ Нему, такъ грубо и наше Ему поклоненіе. Мы думаемъ, что вся молитва Богу состоитъ только въ изображеніи на себѣ крестнаго знаменія и въ поклонахъ; нѣтъ, этого далеко недостаточно для молитвы совершенной. Всѣ поклоны и изображенія на себѣ крестнаго знаменія, сколь бы много ихъ ни было, ничего не значатъ въ молитвѣ, если въ сердцѣ у насъ нѣтъ никакого усердія. Идемъ мы въ храмъ Божій во враждѣ; предстаемъ Богу, не помирившись съ тѣми, кого мы обидѣли, и не простивши тѣхъ, которые насъ обидѣли; принося Богу жертвы, вмѣстѣ съ ними приносимъ Ему въ себѣ злую душу, ненавистливое и жестокое сердце; молимся безъ участія души и сердца; тѣломъ молимся, а душой заняты житейскими попеченіями; думаемъ о веселіяхъ и гуляньи; замѣчаемъ лица, одежду и видъ стоящихъ съ нами, чтобы послѣ пересудить кого или осмѣять; ставимъ къ иконамъ свѣчи съ какимъ-то высокомѣріемъ, думая, будто Богъ одолжается нашимъ приношеніемъ и за него проститъ намъ грѣхи: такая молитва, такое поклоненіе, конечно, сообразны съ невѣрнымъ и низкимъ понятіемъ о Богѣ, но Самому истинному Богу онѣ не могутъ быть пріятными. Дѣйствительно ходить въ храмъ Божій есть непремѣнная обязанность каждаго христіанина, потому что одинъ только храмъ Божій и есть вѣрный пріютъ душамъ нашимъ на землѣ: но прежде, чѣмъ войдешь въ храмъ, прости своихъ обидчиковъ, помирись съ обиженными тобою и очисти себя отъ всякаго зла, чтобы не осквернить собою храма. *Если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди и принеси даръ твой* (Матѳ. 5, 23. 24). Необходимо на мо-

литвѣ творить поклоны и крестныя знаменія, но такъ, чтобы при поклонахъ телѣсныхъ и душа преклоняла предъ Богомъ свою гордыню; должно молиться, но такъ, чтобы на молитвѣ воображать себѣ, будто мы призваны на страшный судъ и стоимъ предъ правосуднымъ Богомъ, отдавая отвѣтъ въ своихъ согрѣшеніяхъ: хорошо поставить и свѣчу къ иконѣ, но только для благолѣпія и еще для того, чтобы душа наша также горѣла любовью къ Богу и къ Его св. угодникамъ, какъ горитъ передъ ихъ изображеніями зажженная нами свѣча.

Отъ ложнаго понятія о Богѣ ложны и наши правила жизни и признаваемые нами законы спасенія. Мы хотимъ угодить Богу, соблюдая только разборчивость въ пищѣ и питьѣ, а не думаемъ о своемъ сердцѣ, не разбираемъ своихъ поступковъ, угодны ли они Богу, или нѣтъ. Многіе изъ насъ проклинаютъ картофель, чай и другія невинныя растенія; а пьянство, объяденіе, ненависть, кража, обманъ, распутство будто не прокляты? Мы находимъ грѣхъ въ покроѣ одежды, въ стриженіи волосъ, въ манерѣ походки, даже въ движеніи и положеніи всѣхъ членовъ тѣлесныхъ и вообще во всемъ, въ чемъ нѣтъ ни грѣха, ни святости; а душу свою грѣшить не унимаемъ. Обрекаемся Богу тѣмъ, что̀ не стоитъ и человѣческаго вниманія; хотимъ услужить Ему легкими и ничего не значущими дѣлами,—а тяжкіе грѣхи, удаляющіе отъ насъ благодать Божію, себѣ позволяемъ. Вотъ такъ-то спасаются, такъ-то угождаютъ Богу тѣ, которые недостаточно знаютъ Бога *и* имѣютъ о Немъ много невѣрныхъ понятій.

Такъ, братія, сколько мы ни стараемся, сколько ни трудимся для спасенія; но если не познаемъ Бога Отца и Спасителя нашего Іисуса Христа, всѣ наши старанія и труды останутся напрасными. Послушаемъ же слова Божія, которое одно можетъ умудрить насъ во спасеніе. Слово Божіе учитъ, что Богъ находится вездѣ, и на небѣ и на землѣ; во всей вселенной нѣтъ того мѣста, въ которомъ бы Его не было. Бога нельзя видѣть глазами; Онъ не имѣетъ тѣла: ни рукъ, ни ногъ, ни головы и ничего видимаго и тѣлеснаго. Онъ одинъ, только въ трехъ Лицахъ. Онъ знаетъ все безъ исключенія: знаетъ мысли наши и дѣла прежде ихъ совершенія; знаетъ, что̀ у насъ на душѣ и на сердцѣ; все прошедшее, настоящее и будущее совершенно Ему извѣстно. Безъ Его помощи никто не могъ бы прожить ни минуты. Онъ ни въ чемъ не нуждается, потому что вполнѣ доволенъ Самимъ Собой, и вся вселенная находится въ полной Его власти. Съ Нимъ не бываетъ ни скорбей, ни горестей, а вѣчно бываетъ одна непрестающая радость. Онъ любитъ насъ безъ всякой мѣры и всегда

готовъ доставить намъ вѣчное благополучіе, если только мы сами отъ него не отказываемся. Во всякое время Онъ при насъ и въ насъ, все равно, какъ солнце теперь свѣтитъ и въ нашемъ селѣ, и въ другихъ странахъ за тысячами верстъ. Икона Его установлена намъ для памяти и для внѣшняго нашего поклоненія, чтобы мы, имѣя передъ собой ликъ Божій, всегда воспоминали о Самомъ Богѣ: но смотря на икону Божію, не думайте, будто Богъ въ дѣйствительности таковъ, какимъ изображенъ на иконѣ: безтѣлеснаго, невидимаго и вездѣсущаго нельзя нарисовать или изобразить никакимъ способомъ. Образа угодниковъ Божіихъ даны намъ также для памяти, чтобы мы не забывали братьевъ нашихъ, которые на небесахъ молятся о насъ Богу. Свѣчи къ иконамъ ставятся не потому, чтобы Богъ или Его угодники имѣли въ нихъ нужду, и не для очищенія нашего отъ грѣховъ, для котораго требуется покаяніе, а для благолѣпія и въ знакъ нашего внутренняго усердія. Богъ особенно любитъ молитву сердечную: кто молится Ему съ усердіемъ, сокрушеніемъ и съ чувствомъ умиленія, того молитва непремѣнно будетъ услышана Богомъ; а отъ избытка чувства должно произносить молитву устами, должно креститься и кланяться. Если хотимъ узнать, что нужно дѣлать для спасенія души, какъ вести жизнь, чтобы угодить Богу, то будемъ вслушиваться и постараемся понимать, когда читается апостолъ, евангеліе и все, что читаютъ и поютъ въ церкви. Чего не досказалъ я вамъ теперь, да откроетъ вамъ все Отецъ небесный. Аминь.

24

ПОУЧЕНІЕ

въ первую недѣлю по Пятдесятницѣ,—всѣхъ святыхъ.

Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. 10, 37).

Это слова Самого Іисуса Христа. Смыслъ ихъ тотъ, что мы должны любить Спасителя нашего Іисуса Христа больше всего на свѣтѣ, и именно больше, чѣмъ родителей и дѣтей. Родителей и дѣтей мы все-таки должны любить, но только не въ такой степени, какъ должны любить Бога.

О любви къ Богу въ законѣ Божіемъ сказано такъ: *возлю-*

би Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ; сія есть первая и наибольшая заповѣдь (Матѳ. 22, 37. 38). Такая любовь къ Богу совершенно справедлива и по человѣческому здравому сужденію. Насъ сотворилъ Богъ; Онъ же даровалъ намъ все, что мы ни имѣемъ. Наша жизнь и всѣ окружающіе предметы, которыми жизнь наша поддерживается,—все это есть не иное что, какъ Божій даръ. Божіе попеченіе о насъ началось еще съ той поры, какъ каждый изъ насъ зачатъ во чревѣ матери, и до сихъ поръ мы существуемъ потому только, что такъ угодно Богу. *Мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ* (Дѣян. 17, 28). Кромѣ того Онъ удѣлилъ намъ много такого, чего не имѣютъ всѣ другія твари въ мірѣ: для насъ сотворилъ все, что мы ни видимъ; сдѣлалъ насъ полными владыками въ мірѣ; приблизилъ насъ къ небеснымъ Своимъ ангеламъ, и Себя Самого живо изобразилъ въ насъ, какъ на картинѣ. Послѣ всего этого какъ намъ не любить Бога больше всего на свѣтѣ? Посмотрите на животныхъ безсловесныхъ: злая собака ласкается къ хозяину, который имѣетъ о ней только нѣкоторое попеченіе; самые лютые звѣри укрощаются при одномъ приближеніи того, кто имѣетъ обычай давать имъ пищу. Если же человѣкъ не имѣетъ должной любви къ Творцу и Хранителю вселенной, такъ сказать, осыпавшему его всевозможными дарами, то человѣкъ по истинѣ грубѣе и неблагодарнѣе всѣхъ животныхъ на свѣтѣ.

Законъ Божій никогда не запрещалъ и не запрещаетъ намъ христіанамъ любить родителей и дѣтей и вообще имѣть естественныя привязанности къ вещамъ и лицамъ; онъ только налагаетъ на насъ обязанность, чтобы мы любили Бога больше и предпочтительнѣе, нежели какія либо вещи и лица. Поэтому намъ нисколько не грѣшно пользоваться богатствомъ, честью и славой, только грѣшно изъ-за нихъ забывать о Богѣ и нарушать Его заповѣди; намъ не запрещено имѣть довольство въ пищѣ и опрятность въ одеждѣ, только запрещено боготворить свое чрево (Филип. 3, 19) и губить на щегольство драгоцѣнные дары Божіи; для насъ нисколько не виновно любоваться красотами міра,—потому что Самъ Богъ сотворилъ его прекраснымъ, только виновно для насъ всякое неумѣренное пристрастіе, которое развращаетъ наше сердце, помрачаетъ нашъ разсудокъ и дѣлаетъ насъ несправедливыми и несчастными. Все создано Богомъ, и всякая вещь, всякая тварь какъ будто говоритъ каждому изъ насъ: «люби не меня, а моего Создателя». Даже самихъ себя мы должны любить менѣе, чѣмъ Бога, потому что и насъ сотворилъ тотъ же Богъ. Самое сердце

наше не столько наша собственность, сколько Божія; самая способность любить, самая любовь—не наше, а Божіе произведеніе. Кромѣ того, что мы принадлежимъ Богу по естеству, какъ твари, Онъ во второй разъ пріобрѣлъ насъ Себѣ благодатію, купилъ насъ Своею кровію, принявши на Себя ради насъ человѣчество: все это сдѣлала любовь и требуетъ отъ насъ любви взаимной.

О, если бы мы достигли этой неограниченной любви къ Богу, которая укрощаетъ страсти, смягчаетъ сердце, усмиряетъ нравъ, просвѣщаетъ омраченную душу; которая растворяетъ добромъ всѣ поступки, самыя даже помышленія, и приноситъ рай на землю; которая пребываетъ постоянна и неизмѣнна при богатствѣ и бѣдности, при радостяхъ и горѣ, при счастливыхъ и несчастныхъ обстоятельствахъ; если бы мы восчувствовали эту чудную любовь, которая провожала мучениковъ на смертныя мученія и всѣхъ святыхъ на изумительные подвиги,—какъ легко и пріятно показалось бы намъ бремя спасенія! какъ сладостно было бы намъ исполнять всѣ заповѣди Спасителя! При неограниченной любви къ Богу мы скоро и совершенно удостовѣрились бы, что точно, чего̀ *не видѣлъ глазъ, не слыхало ухо, и* что̀ *не приходило на сердце человѣку*, то̀ *уготовалъ Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9).

Неизлишне знать, что не всѣ святые, которыхъ память мы нынѣ празднуемъ, совершенно отрекались отъ міра и отъ всѣхъ его привязанностей: живя въ мірѣ, не всякій же и истинно любящій Бога человѣкъ можетъ, подобно мертвому, быть совершенно безчувственнымъ къ мірскимъ благамъ. Да и зачѣмъ было бы Богу творить земныя блага, если бы намъ было рѣшительно запрещено ими пользоваться? Первые человѣки, Адамъ и Евва, были помѣщены Богомъ въ раю вещественномъ, и наслажденіе пріятностями этого рая, однако, нисколько не вредило ихъ первобытной невинности. *Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ всѣмъ Своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ (Мато. 19, 12). Но грѣхъ нашъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ собственно, что мы въ суетахъ жизни забываемъ Бога, и сокровища міра любимъ болѣе, нежели Самого ихъ и нашего Создателя. Можно не чуждаться ничѣмъ мірскимъ: можно пользоваться всѣмъ, что Богъ сотворилъ въ мірѣ для нашего утѣшенія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ любить Бога больше всего на свѣтѣ и свято исполнять Его заповѣди. Итакъ, не отрекаясь вовсе отъ мірскихъ позволительныхъ удовольствій, постараемся быть достойными Бога и любить Его такъ, какъ должно разумному человѣку любить своего Творца, Хранителя и Спасителя. Грудной младенецъ, потѣшаясь игрушками, не выпускаетъ изъ глазъ своей матери и плачетъ, ежели не

видитъ ся при себѣ: также точно и мы, съ умѣренностію наслаждаясь благами здѣшняго міра, будемъ непрестанно возноситься умомъ и сердцемъ къ Богу и возрыдаемъ къ Нему слезно въ покаяніи, если Онъ удалится отъ насъ за грѣхи наши. Аминь.

25

ПОУЧЕНІЕ

въ третью недѣлю по Пятдесятницѣ.

Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ (Матѳ. 6, 33).

Эти слова сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ для того, чтобы житейскія заботы не препятствовали намъ заботиться и о спасеніи души. Прежде всего ищите царствія Божія и Божіей правды, и всѣ ваши житейскія нужды будутъ исправлены.

Что значитъ искать царствія Божія и правды Его? Искать царствія Божія и правды Его значитъ жить по христіански, вести себя такъ, какъ заповѣдалъ Іисусъ Христосъ, любить Бога и всѣхъ людей, быть правдивымъ и честнымъ, умѣренно пользоваться всѣми наслажденіями міра сего, какъ можно менѣе грѣшить. Просто, искать царствія Божія и правды Его значитъ быть благочестивымъ. И кто такимъ образомъ ищетъ царствія Божія и правды Божіей, тотъ, по словамъ Іисуса Христа, уже обезпеченъ во всѣхъ своихъ житейскихъ нуждахъ.

Какая же связь, подумаешь, между исканіемъ царства небеснаго и исправленіемъ житейскихъ нуждъ, изъ которыхъ одно, повидимому, служитъ только помѣхою другому? Съ перваго раза и точно кажется, будто исканіе царствія Божія требуетъ такъ много занятій, такъ много времени, что при немъ наши житейскія нужды никакъ не могутъ быть достаточно исправлены. Но это только такъ кажется, но на дѣлѣ бываетъ не такъ.

Если сравнить житейскія нужды благочестиваго и нечестиваго, то окажется, что благочестивый, при одномъ и томъ же достаткѣ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, болѣе доволенъ и, стало быть, болѣе счастливъ, нежели нечестивый. Благочестивый доволенъ и малымъ, а нечестивый недоволенъ и многимъ. Благочестивый человѣкъ ведетъ умеренную жизнь: онъ не роскошничаетъ за столомъ, не заводитъ изъ суетности раззорительныхъ знакомствъ, не предается невоздержанію и пьянству, не пи-

тастъ въ себѣ раззорительныхъ страстей. Онъ одѣвается по достатку, только опрятно и прилично; для него требуется домъ не больше того, какъ только чтобы согрѣвалъ его зимою, укрывалъ лѣтомъ отъ дождя и непогоды и прихранялъ его неприхотливые пожитки. Но что сказать о нечестивомъ человѣкѣ въ этомъ отношеніи? Ахъ, нечестивый человѣкъ весь вѣкъ свой жалуется на нужду и недостатки. Одна маслянница, при его неумѣренности, поглощаетъ столько добра и достатка, что ихъ было бы достаточно на годовое неприхотливое содержаніе цѣлаго семейства; и что сказать, если нечестивый заводитъ подобные пиры и безполезныя траты многократно въ годъ? Нечестивый человѣкъ преданъ суетности, которую не могутъ удовольствовать цѣлыя тысячи. Нечестивый сластолюбивъ, и на этотъ предметъ ему нужны деньги; онъ любитъ щеголять, и тутъ ему нужны деньги. Сердце нечестиваго есть вмѣстилище жаркихъ и неудержимыхъ страстей, для удовлетворенія которыхъ ему нужны деньги, деньги и деньги. Льстивый міръ сулитъ нечестивому жизнь сладкую и привольную, вмѣсто которой на дѣлѣ повергаетъ его въ пожизненное недовольство своимъ состояніемъ и въ безвыходное несчастіе: а царство Божіе, которое съ перваго взгляда устрашаетъ жизнью безотрадною, въ дѣйствительности награждаетъ насъ богатствомъ неистощимымъ, довольствомъ неотъемлемымъ.

Отъ благочестиваго человѣка убѣгаетъ бѣдность, какъ ночной мракъ разсѣявается при восходѣ солнца. Благочестивый человѣкъ любитъ трудъ; его побуждаетъ трудиться не жадность къ корысти и прибыткамъ, а лежащая на человѣкѣ обязанность трудиться. Заповѣдь правосуднаго Бога: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19), обращается благочестивому въ законъ собственнаго сердца. И дѣйствительно, всѣ благочестивые люди, всѣ праведники трудились и трудятся. Самъ Іисусъ Христосъ въ нѣжномъ возрастѣ помогалъ въ древодѣліи мнимому земному отцу Своему Іосифу. Апостолъ Павелъ, всецѣло занятый благовѣствованіемъ Іисусъ Христовымъ, находилъ время и силы содержать себя собственными трудами (1 Кор. 4, 12). Прочитайте житія святыхъ, и вы увидите, что руки ихъ день и ночь были заняты работою, то плетеніемъ корзинъ, то копаніемъ грядъ и т. п. Ни одинъ благочестивый человѣкъ не вмѣнялъ и не вмѣняетъ себѣ въ стыдъ трудиться и работать: труда и работы стыдятся только нечестивые, и то изъ какой-то мелочной суетности, которой именно и слѣдовало бы стыдиться человѣку. Не думайте, будто трудъ и работа отвлекаютъ человѣка отъ угожденія Богу: пока руки заняты работой и все тѣло находится въ трудѣ, что̀ мѣшаетъ

нашей душѣ возноситься къ Богу? что препятствуетъ нашему сердцу горѣть христіанской любовью? Подъ вліяніемъ этого самаго возношенія души къ Богу, этой самой христіанской любви, благочестивый человѣкъ старается, чтобы никого изъ ближнихъ не отяготить своимъ существованіемъ, чтобы не одолжаться другими въ своемъ содержаніи, а еще, напротивъ, помочь другимъ въ бѣдности: потому-то онъ трудится и работаетъ охотно и добросовѣстно. Дармоѣдство и тунеядство свойственны однимъ нечестивымъ, которыхъ доводитъ до того или безсовѣстный и фальшивый трудъ, или жалкая лѣность, или порочная праздность. Благочестивый человѣкъ всегда при дѣлѣ, если не при вещественномъ, то при нравственномъ или другомъ какомъ,—и его дѣло, его трудъ всегда успѣшны. Тогда какъ горькая нужда заставляетъ нечестиваго противъ воли трудиться съ силами, разслабленными отъ невоздержной жизни, благочестивый человѣкъ свободно трудится съ силами свѣжими и бодрыми, съ которыми его работа естественно идетъ скорѣе и успѣшнѣе; и между тѣмъ какъ нечестивый лежитъ, гдѣ съ похмѣлья, гдѣ отъ хвори—неразлучной спутницы нечестія,—благочестивый тѣмъ временемъ все работаетъ, все работаетъ, такъ что ему и есть чѣмъ содержать себя съ семействомъ, и есть чѣмъ подѣлиться съ бѣдными. Такимъ образомъ до осязательности сбываются слова Іисуса Христа: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ.*

Разсмотрите хорошенько, каковъ тотъ, кто ищетъ царствія Божія и Его правды, и вы скоро удостовѣритесь, что ему нельзя быть въ бѣдности. Ищущій царствія Божія, или, просто, благочестивый человѣкъ любитъ всѣхъ, никого не обижаетъ, никого не обманываетъ, никому не дѣлаетъ зла, готовъ всѣмъ услужить, не помнитъ зла, за зло платитъ добромъ и т. п. Скажите, какъ и другимъ людямъ не любить такого человѣка? Дѣйствительно, благочестиваго человѣка всѣ любятъ; его любятъ самые его враги, потому что онъ своею добротою и самихъ враговъ дѣлаетъ своими друзьями. И какая жизнь можетъ сравниться съ жизнью того, кто живетъ въ ладу и въ мирѣ со всѣми? И если благочестивому человѣку случится впасть въ какую либо нужду, со всѣхъ сторонъ готово ему пособіе, отъ всѣхъ ему участіе и состраданіе. То добро, которое онъ дѣлалъ другимъ, когда былъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратится къ нему съ избыткомъ, когда онъ впадетъ въ обстоятельства неблагопріятныя. Что ни говорите о человѣческой злобѣ, а передъ любовью безкорыстною смягчается сердце самое грубое, самое жестокое; передъ страждущей невинностью склоняется къ жалости душа самая злодѣйская. Даже ко-

рыстолюбивые люди, собственно по своимъ корыстнымъ разсчетамъ, доставятъ благочестивому человѣку кусокъ хлѣба, будучи увѣрены въ его правдивости и честности.

Наконецъ все на свѣтѣ управляется промысломъ Божіимъ. Если Богъ такъ заботливо питаетъ птицъ небесныхъ; если Онъ такъ прекрасно одѣваетъ полевую травку, то ужели у Него не найдется средствъ пропитать и одѣть человѣка, и притомъ такого человѣка, который по мѣрѣ силъ своихъ исполняетъ Его св. волю,—ищетъ царствія Божія и Божіей правды? Если уже Богъ сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ*, то Онъ, конечно, въ состояніи исполнить на дѣлѣ Свое собственное слово.

Братія! многіе изъ насъ не принимаются за спасеніе, не ищутъ царствія Божія больше по малодушію, изъ боязни, какъ бы не разстроить этимъ своихъ земныхъ дѣлъ; и вотъ намъ очевидныя доказательства, что занятіе спасеніемъ души и искапіемъ царства небеснаго не только не разстраиваетъ нашихъ земныхъ дѣлъ, а напротивъ, служитъ еще къ лучшему ихъ исправленію. Если будете благочестивы, то никакъ не будете бѣдны. Благочестіе доставитъ вамъ здоровье, бодрость тѣла и души; при благочестіи вы будете довольны своею судьбою; благочестіе помиритъ васъ со всѣми людьми, не только съ добрыми, но и со злыми: при благочестіи вы будете съ радостію глядѣть на бѣлый свѣтъ —будете благодарить Бога за то, что Ему угодно было даровать вамъ жизнь. Всѣ обстоятельства ваши, даже кажущіяся несчастія такъ сложатся для васъ при вашемъ благочестіи, что вы будете ощущать въ сердцѣ своемъ невозмутимый покой и непоколебимое счастіе. Сладкая отрава грѣха потеряетъ для васъ свою обманчивость и привлекательность, и вы проведете земную жизнь съ мирною совѣстію, въ полномъ здоровьи душевномъ и тѣлесномъ, а смерть свою встрѣтите безъ страха, въ полнотѣ надеждъ и утѣшеній. Однимъ словомъ, *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся*, т. е. все истинно нужное для васъ *приложатся вамъ*. Аминь.

26

ПОУЧЕНІЕ

въ четвертую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Объ обращеніи съ невѣрными.

Іисусъ Христосъ разъ пришелъ въ городокъ, по имени Капернаумъ. Вотъ подходитъ къ Нему сотникъ, военный начальникъ изъ невѣрныхъ, и проситъ Его исцѣлить разслабленнаго своего слугу. Іисусъ Христосъ не отказался помочь ему, и не смотря на то, что сотникъ былъ изъ невѣрныхъ, исцѣлилъ слугу его (Матѳ. 8, 5—12).

Видите, какъ хорошо Іисусъ Христосъ обращался съ невѣрными. А какъ обращаемся съ ними мы? Мы считаемъ всѣхъ невѣрныхъ нечистыми, гнушаемся съ ними вмѣстѣ ѣсть и пить; посуду, изъ которой ѣлъ или пилъ невѣрный, вымываемъ для своего употребленія, а не то вовсе бросаемъ; обижаемъ невѣрнаго и притѣсняемъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Гнушаться невѣрнымъ, презирать его и ненавидѣть мы почитаемъ за дѣло, угодное Богу.

А въ самомъ дѣлѣ должно ли намъ христіанамъ гнушаться невѣрными и ихъ ненавидѣть? Нѣтъ, братія, никакъ не *должно!* Если Самъ Спаситель нашъ не гнушался невѣрными и не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшей ненависти, стало быть и мы не должны гнушаться ими и ихъ ненавидѣть. *Я далъ вамъ примѣръ*, говоритъ Іисусъ Христосъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ, *чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ* (Іоан. 13, 15). Развѣ мы чище Господа и святѣе Его, чтобы гнушаться тѣми, кѣмъ Онъ не гнушался?

Да и съ чего взяли христіане гнушаться невѣрными? Конечно, это внушили намъ гордость и высокое мнѣніе о себѣ; а гордость-то и самомнѣніе больше всего и осуждаются Богомъ. Пусть невѣрные не крещены, а мы крещены: что же намъ до этого? Суди за то ихъ Богъ, а намъ тутъ вовсе нѣтъ никакого дѣла. *Кто ты, осуждающій чужаго раба?* говоритъ св. апостолъ Павелъ: *предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ, или падаетъ* (Рим. 14, 4). Невѣрные ужъ непремѣнно грѣшники, когда не вѣруютъ въ Спасителя: пускай же хоть одинъ изъ насъ, стоящихъ здѣсь, назоветъ себя праведникомъ! Ахъ, христіане, христіане, какіе мы страстные охотники судить другихъ и разбирать чужія дѣла! Что-

бы намъ оглянуться на самихъ себя и посудить о дѣлахъ своихъ собственныхъ? Тогда бы ясно оказалось, что мы бываемъ иногда ничѣмъ не лучше невѣрныхъ: крещеніе, которымъ мы хвалимся и которое дано намъ вовсе не для самохвальства, не покрываетъ нашихъ грѣховъ нераскаянныхъ, и наша правая вѣра дѣлаетъ насъ только виновнѣе передъ Богомъ, если мы поступаемъ противно вѣрѣ. *Рабъ тотъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *который зналъ волю господина своего, и не дѣлалъ по волѣ его, битъ будетъ много; а который не зналъ и сдѣлалъ достойное наказанія, битъ будетъ меньше* (Лук. 12, 47, 48). Невѣрные и безъ того уже несчастны тѣмъ, что не познали истиннаго Бога, а мы еще отягощаемъ ихъ несчастную участь своею ненавистію и презрѣніемъ. Добродушные люди, каковыми и должны быть всѣ христіане, чувствуютъ къ несчастнымъ состраданіе, а не ненависть, —сожалѣніе, а не презрѣніе.

Іисусъ Христосъ далъ намъ заповѣдь любить всѣхъ людей безъ исключенія: и друзей и враговъ, и своихъ и чужихъ, и вѣрныхъ и невѣрныхъ. Скажите, кто долженъ исполнять эту заповѣдь: татаринъ, іудей, или поклонникъ идоламъ? Конечно, не они, а мы, вѣрующіе въ Іисуса Христа и называющіе себя христіанами. Стало быть, если невѣрный не любитъ насъ, это еще простительно ему,—потому что, можетъ быть, его законъ, хотя и ложный, запрещаетъ ему любить насъ. А если я вѣрный не люблю невѣрнаго, это мнѣ уже никакъ не простительно,—потому что мой законъ велитъ мнѣ любить невѣрнаго; а я своего закона не исполняю, невѣрнаго ненавижу, и самъ становлюсь подобнымъ невѣрному.

Братія, не дивитесь словамъ моимъ! Я говорю правду, такую правду, которой училъ и которую на дѣлѣ исполнялъ Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Вы, можетъ быть, совершенно нерасположены къ невѣрнымъ; но я говорю вамъ вотъ здѣсь предъ Богомъ, что мы христіане никакъ не должны гнушаться невѣрными и ихъ ненавидѣть. Этого нельзя сказать, чтобы мы должны были равнять ихъ съ вѣрными братьями во Христѣ, но непремѣнно должны считать ихъ братьями по человѣчеству. Вѣдь они не звѣри, не скоты, какъ сами видите, а люди, во всемъ намъ подобные. Замѣтьте, законъ нашъ заповѣдуетъ миловать и скотовъ (Прит. 12, 10); какъ же мы, при такомъ истинно Божьемъ законѣ, до такой степени ожесточаемъ сердце свое, что не уважаемъ въ невѣрныхъ даже человѣческаго достоинства? Насъ и всѣхъ невѣрныхъ сотворилъ одинъ Отецъ небесный; Онъ промышляетъ и заботится о невѣрныхъ людяхъ столько же, сколько и о насъ христіанахъ. И невѣрнымъ есть участіе въ Христовыхъ

страданіяхъ; и на ихъ долю пролита кровь Спасителя міра. Многіе изъ насъ, а можетъ быть, и всѣ мы равны съ невѣрными передъ Богомъ. Они не крещены, и имъ надобно принять крещеніе и вмѣстѣ съ крещеніемъ христіанскую вѣру; а мы грѣхами своими утратили благодать крещенія, и намъ надобно возвращать ее покаяніемъ, молитвою, постомъ, любовію ко всѣмъ людямъ и другими противоядіями грѣха. У нихъ нѣтъ вѣры, а у насъ нѣтъ добрыхъ дѣлъ, безъ которыхъ вѣра наша мертва и недѣйствительна (Іак. 2, 26). Видите, какъ мало разности между нами и невѣрными. А если бы невѣрные и дѣйствительно отставали отъ насъ далеко по своему невѣрію и нечестивой жизни, намъ все же не слѣдуетъ брать этого въ разсчетъ. Въ такомъ случаѣ и ангеламъ святымъ и безгрѣшнымъ слѣдовало бы гнушаться нами грѣшниками, если бы намъ христіанамъ дѣйствительно слѣдовало гнушаться невѣрными.

Нѣтъ, братія, ужъ лучше же пусть татаринъ, еврей и поклонникъ идоламъ гнушаются нами, если только они не могутъ имѣть лучшихъ чувствъ, а не мы будемъ гнушаться ими. Покрайней-мѣрѣ изъ этого будетъ видно, что христіане-то не они, а именно мы: что духъ Христовой всеобъемлющей любви обитаетъ въ насъ, а не въ нихъ: этимъ лучше всего выскажется несравненное достоинство нашей св. вѣры. Къ тому же мы должны знать, что неравны вѣрные, неравны и невѣрные. Быть можетъ, Богъ за нераскаянные грѣхи мои отступился отъ меня вѣрнаго, а вмѣсто меня обратилъ благодать Свою къ невѣрному, провидя въ немъ обращеніе; а я этимъ невѣрнымъ чуждаюсь, гнушаюсь и его ненавижу. Быть можетъ, этотъ невѣрный, котораго я терпѣть не могу, завтра же приметъ св. крещеніе, будетъ добродѣтельнымъ христіаниномъ и на послѣдокъ войдетъ въ царство небесное; а я, сынъ этого *царствія, извержень буду во тьму внѣшнюю*, гдѣ *будетъ плачь и скрежетъ зубовъ* (Мато. 8, 11. 12).

Правда, св. апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *съ таковымъ ниже ясти*. Но съ кѣмъ онъ запрещаетъ вѣрнымъ ѣсть вмѣстѣ? Онъ запрещаетъ вѣрнымъ сообщаться и ѣсть вмѣстѣ *съ нечестивыми людьми*, и именно съ нечестивыми христіанами. Вотъ слова его: *я писалъ вамъ не сообщаться съ тѣмъ, кто, называясь братомъ, есть блудникъ, или сребролюбецъ, или идолослужитель, или злорѣчивъ, или піяница, или хищникъ; съ таковымъ даже и не ясть вмѣстѣ* (1 Кор. 5, 11). Видите, мы не должны сообщаться съ нечестивыми людьми независимо отъ ихъ вѣры, и то не по ненависти къ нимъ, а единственно для

того, чтобы и ихъ этимъ тронуть, и самимъ намъ не заразиться отъ нихъ нечестіемъ.

Да, христіане, мы всѣ должны любить невѣрныхъ; только развѣ не всѣ должны сообщаться съ ними. Христіанинъ худаго поведенія пусть чуждается невѣрныхъ; потому что невѣрные, смотря на худое поведеніе христіанина, могутъ худо думать о христіанской вѣрѣ и о христіанскомъ законѣ. Изъ-за нечестивыхъ-то христіанъ *имя Божіе и хулится у язычниковъ*, какъ замѣчаетъ св. апостолъ Павелъ (Рим. 2, 24). Но христіанинъ добродѣтельный даже обязанъ сообщаться съ невѣрными; онъ можетъ вмѣстѣ съ ними ѣсть и пить. Его доброта и благочестивая жизнь легко могутъ вразумить кого изъ невѣрныхъ и сильнѣе всякихъ словъ убѣдить въ пользу христіанской вѣры. Добродѣтель вездѣ и для всѣхъ имѣетъ силу и привлекательность: ее любятъ самые грѣшники и всѣ невѣрные.

Итакъ, братія, не почитайте невѣрныхъ нечистыми въ сравненіи съ собою: не чуждайтесь ихъ и не гнушайтесь ими, а любите, какъ подобныхъ себѣ людей. Ѣсть и пить вмѣстѣ съ невѣрными—намъ христіанскій законъ предоставляетъ это личной совѣсти каждаго (Рим. 14, 23). Послѣ вѣрнаго окажите милость и не вѣрному въ его несомнѣнныхъ нуждахъ, не насилуя его просить васъ ради Христа, въ Котораго онъ не вѣруетъ. Обидѣть и притѣснять невѣрнаго почитайте за грѣхъ и не забывайте каяться въ томъ на исповѣди. Будьте братьями для всѣхъ людей, для вѣрныхъ и невѣрныхъ, также какъ и Богъ нашъ есть Отецъ всѣхъ, и вѣрныхъ и невѣрныхъ. Который *повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ* (Мато. 5, 45). Не думайте, чтобы добро, оказанное вами невѣрному, пропадало передъ Богомъ; нѣтъ, добро—все добро; кому его ни сдѣлай, оно все угодно Богу. Если бы мы всѣ именно такъ обращались съ невѣрными,—надобно думать, они цѣлыми тысячами приходили бы къ купели св. крещенія. Аминь.

27

ПОУЧЕНІЕ

въ пятую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Въ нынѣчтеномъ евангеліи упоминается о слѣдующемъ происшествіи. Іисусъ Христосъ приплылъ на суднѣ въ одну страну:

и лишь только сошелъ на берегъ, тотчасъ встрѣчаютъ Его двое бѣснующихся, въ которыхъ было много бѣсовъ. Бѣсы взмолились, чтобы Іисусъ Христосъ не посылалъ ихъ въ бездну, а позволилъ бы имъ войти въ стадо свиней, которыя паслись по берегу. Іисусъ Христосъ, желая показать Свою власть надъ бѣсами, изгналъ ихъ изъ бѣснующихся и далъ имъ просимое позволеніе. Бѣсы вошли въ свиней; свиньи бросились въ воду, и все стадо перетонуло. Хозяева погибшаго стада, узнавъ объ этомъ происшествіи, явились къ Іисусу Христу съ просьбою, чтобы Онъ оставилъ страну ихъ,—и Іисусъ Христосъ, нисколько не медля, отъ нихъ удалился (Матѳ. 8, 28—34).

Безчувственный народъ, имѣвшій чудо передъ глазами, не зналъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ знать, Кого просилъ отъ него удалиться. Всякій видѣлъ и цѣнилъ въ описанномъ происшествіи одну собственную потерю; но съ какимъ благодѣяніемъ была соединена эта потеря, того не хотѣли замѣтить: никто не разсчиталъ, что хотя погибло стадо свиное, за то спаслась человѣческая душа, стоющая дороже всѣхъ стадъ и сокровищъ на свѣтѣ. *Какая польза человѣку*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ* (Марк. 8, 36)? Да и кто, братія, такъ разсчитываетъ? Скажите, лучше ли мы поступаемъ въ подобныхъ обстоятельствахъ? Многіе ли изъ насъ согласны потерпѣть убытокъ для спасенія человѣка?

Корысть владѣетъ людьми еще издревле; многихъ, очень многихъ изъ человѣческаго рода она сдѣлала жертвами ада. Сколько народа тамъ мучится, проклиная, но уже поздно, свои корысти и прибытки! И многіе изъ этихъ вѣчныхъ страдальцевъ, можетъ статься, миновали бы ада, если бы не дали погубить себя злой корысти. Такая же опасность грозитъ и намъ, братія, потому что мы не менѣе кого другаго жадны къ деньгамъ сверхъ нашихъ дѣйствительныхъ нуждъ; и мы, подобно многимъ несчастнымъ, живемъ въ одну корысть и для одной корысти, готовя себя въ адъ непополнимый.

Корысть—это для насъ второй богъ. Не даромъ деньги, какъ предметъ корысти, а не нуждъ, называютъ полубогомъ: онѣ и точно имѣютъ въ свѣтѣ величайшую силу и могущество. Ложась спать и вставая отъ сна, мы кланяемся этому идолу прежде и ниже, нежели какъ поклапяемся Богу истинному. И день и ночь сокрушаетъ насъ одна забота, какъ бы нажиться, откуда бы достать больше денегъ: мысль о корысти и прибыткахъ незамѣтно вкрадывается въ насъ и во время самой молитвы нашей Богу. Да что

и говорить объ этомъ? Здѣсь въ церкви, въ сію самую минуту, многіе изъ насъ заняты мыслью о корысти и прибыткахъ.

Въ нашей погибели мы обыкновенно винимъ діавола: но діаволъ, кажется, не имѣетъ уже надобности ни въ какихъ дальнихъ хитростяхъ, чтобы отвлечь насъ отъ спасенія и склонить насъ къ какому бы то ни было грѣху. Довольно показать намъ корысть,—и мы уже тутъ. Посредствомъ корысти сдѣлаешь изъ насъ, кажется, все, что только можно изъ насъ сдѣлать. Мы чувствуемъ къ корысти какое-то слѣпое неодолимое влеченіе и готовы броситься на нее, хотя бы весь свѣтъ долженъ былъ черезъ это погибнуть,—а все потому, что на корысти основаны наши мечты о мнимомъ земномъ счастіи. Завидѣвъ корысть, мы споримъ о ней съ другими, перехватываемъ, отнимаемъ обманомъ и силою, боремся изъ-за нея съ подобными себѣ на смерть, не зная, или, лучше, не желая знать, что мы оспариваемъ у другихъ дорогу къ аду, отнимаемъ вѣрную погибель. И этой несчастной борьбѣ нѣтъ конца, потому что наши корыстныя желанія не имѣютъ мѣры насыщенія. Корыстный грѣхъ, сколь бы онъ гнусенъ и ужасенъ ни былъ, представляется намъ въ какомъ-то обольстительномъ видѣ; а безкорыстная добродѣтель, состоящая сама изъ пожертвованій, кажется намъ жалкою и несчастною. Кто бы, напр., рѣшился простереть руки на чужую завѣтную собственность, если бы не корысть влекла къ ней вора? Кто бы рѣшился на явные и вопіющіе грѣхи—побожиться напрасно, обмануть сосѣда, разсорить товарища, притѣснить подчиненнаго, сдѣлать неправду на судѣ, захватить имѣніе беззащитнаго, оставленнаго на наше попеченіе сироты, принять ложную присягу, поступить противъ совѣсти, употреблять происки, пронырства и т. п., если бы не корысть побуждала насъ къ такимъ грѣхамъ? Чье сердце ожесточилось бы до такой степени, чтобы голодному отказать въ кускѣ хлѣба, прохожему въ даровомъ ночлегѣ, больному въ помощи, бѣдному въ пособіи и т. п., *если бы не корысть управляла нашими* поступками? Ахъ, *на свѣтѣ встрѣчается много такихъ людей, которые* даромъ не *скажутъ ласковаго слова; которые изъ корыстныхъ* видовъ *передъ нужными унижаются и ползаютъ, какъ рабы;* изъ корысти *убиваютъ людей, отдаютъ тѣло свое на осквернение;* за деньги переходятъ въ расколъ, дѣлаются богоотступниками и т. п.

Однако на всякій грѣхъ у насъ готово извиненіе. Когда мы ничѣмъ не довольствуемся и по жадности къ корысти измѣняемъ своей чести и своему долгу, тогда представляется намъ небывалая бѣдность, носятся передъ нами призраки недостатковъ то того, то

другаго, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы сыты и, какъ слѣдуетъ, прикрыты отъ холода, дождя и непогоды; видятся намъ впереди и черные дни, которымъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ еще и признака. Намъ все думается, что у всѣхъ другихъ людей всего слишкомъ много, и у насъ однихъ всего слишкомъ мало; мы всегда считаемъ себя обиженными судьбой противъ другихъ. Нашъ завистливый взоръ на все смотритъ съ жадностью: все бы было наше и ничего чужаго. Оттого-то въ нашей собственности всегда попадаетъ часть чужаго добра; но мы не помнимъ, мы не замѣтили, какъ эту вещь отняли, эту выманили, эту взяли обманомъ, эту похитили, эту добыли черезъ притѣсненіе, черезъ насиліе, черезъ напрасную божбу; мы не видѣли, какъ бѣдный проливалъ слезы о потерѣ своего послѣдняго достоянія, которое у насъ оказалось. И на все это у насъ одно оправданіе—наша нужда, наши недостатки. Если же мы такъ пристрастны ко всему чужому, то можно ли ожидать, чтобы мы поступились своимъ для другихъ людей? Что за страшная обязанность, обыкновенно думаемъ мы, тратиться для другаго? Мы трудились, хлопотали, добывали для себя, а не для другихъ. Виноватъ ли я, что этотъ человѣкъ обѣднѣлъ, этотъ умираетъ съ голоду, этотъ мерзнетъ отъ холода, а этотъ лежитъ полумертвымъ на дорогѣ? Но подумаемъ, виноватъ ли былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда Онъ принялъ за насъ страданія и смерть? Не имущество Онъ положилъ за насъ, и не съ посторонними сокровищами разстался для нашего спасенія, а положилъ за насъ недостойныхъ грѣшниковъ Свою жизнь, Свою душу, Самого Себя. Если же такъ поступилъ съ нами Іисусъ Христосъ, то и мы, конечно, должны также поступать другъ съ другомъ,—должны смотрѣть на чужія нужды и страданія такъ, какъ бы это были наши собственныя нужды и страданія. Но мы, напротивъ, любимъ присвоивать себѣ не нужды другихъ, а ихъ достатки; не страданія ближнихъ, а ихъ благосостояніе.

Кто не щадитъ на семъ свѣтѣ подобныхъ себѣ людей, того и Богъ не пощадитъ въ вѣкѣ будущемъ. *Какою мѣрою мѣрите*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *такою и вамъ будутъ мѣрить* (Матѳ. 7, 2). По нашимъ грѣхамъ, по нашей жестокости къ другимъ будетъ поступлено и съ нами жестоко, если мы не загладимъ грѣховъ нашихъ покаяніемъ, истинной и услужливой любовью и вообще добрыми дѣлами. Грѣхъ и не любовь къ другимъ состоятъ не въ томъ, если мы трудимся много и честно, получаемъ заслуженное, бережемъ нажитое и употребляемъ его на исправленіе собственныхъ житейскихъ нуждъ,—это отнюдь не было бы съ нашей стороны корыстолюбіемъ; а въ томъ, что мы ради корысти посту-

наемъ противъ чести и совѣсти и не помогаемъ другимъ людямъ въ ихъ крайнихъ нуждахъ. Чтобы составить себѣ счастіе прочное, переживающее міръ и всѣ преходящія въ немъ вещи, мы должны быть непремѣнно милостивыми и услужливыми другъ къ другу, а корыстолюбія должны беречься, какъ смертоносной заразы. Милостивому человѣку и грѣхи прощаются, и слабости извиняются; а отъ злаго и корыстолюбиваго человѣка ни постъ не принимается, ни молитва не доходитъ къ Богу. Аминь.

28

ПОУЧЕНІЕ

въ шестую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Къ Іисусу Христу разъ принесли разслабленнаго человѣка, который не могъ ни ходить, ни сидѣть, ни двигаться съ мѣста. Іисусъ Христосъ, видя вѣру принесшихъ, сказалъ разслабленному: *встань, возьми постелю твою и иди въ домъ твой*,—и разслабленный тотчасъ всталъ и пошелъ домой, какъ-будто въ немъ не бывало никакой болѣзни (Матѳ. 9, 2—7).

Исцѣлять неизлечимыя болѣзни однимъ словомъ можетъ одинъ только Богъ. Прахъ земной превратилъ Онъ нѣкогда въ чудно устроенное человѣческое тѣло; однимъ дуновеніемъ далъ ему жизнь и душу безсмертную; однимъ словомъ Своимъ сотворилъ изъ ничего цѣлую вселенную. И послѣ сотворенія міра, по всемогущей волѣ Божіей, неоднократно воскресали мертвые изъ гробовъ. Не всего ли надежнѣе для насъ, поэтому, въ случаѣ болѣзней нашихъ обращаться прямо къ Богу для ихъ исцѣленія?

И) Самъ Господь зоветъ къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая доставить имъ успокоеніе. *Пріидите*, говоритъ Онъ, *ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ* (Матѳ. 11, 28). Какихъ еще лучшихъ лекарей искать больнымъ? Тотъ, Кто устроилъ храмину нашего тѣла, Самъ вызывается и исправлять ее въ случаѣ ея порчи; Богъ Самъ обѣщается врачевать всѣ наши болѣзни, и для того требуетъ отъ насъ одной только вѣры (Марк. 9, 23). Онъ, какъ добрый Отецъ, никогда не хочетъ сдѣлать жизнь нашу мучительною и заботится о нашемъ здоровьи болѣе, нежели мы сами; и если когда попускаетъ на насъ болѣзни для уврачеванія насъ отъ грѣховъ и по другимъ благимъ цѣлямъ, то въ тоже время готовъ и исцѣлить ихъ, чтобы увѣрить насъ въ Своей любви и попечительности, и

чтобы мы именно у Него всегда искали себѣ помощи и утѣшенія. И не мучительныя средства употребляетъ Богъ при цѣленіи человѣческихъ болѣзней, и не заставляетъ больныхъ томиться въ продолжительномъ ожиданіи: всемогущій Врачъ исцѣляетъ вдругъ, какъ исцѣлилъ разслабленнаго,—и не остается даже слѣдовъ болѣзни. Конечно, не всѣ тѣ непремѣнно исцѣляются, которые обращаются къ Богу за исцѣленіемъ; но всѣ тѣ, которые не получаютъ исцѣленія отъ Бога, уже не могутъ получить его ни отъ кого и ни отъ чего: Богъ продолжаетъ болѣзни, или оканчиваетъ ихъ смертью для высшихъ и полезнѣйшихъ цѣлей, и опредѣленія Божія не можетъ отвратить никакая сила.

Христіанамъ въ особенности должно во время болѣзней обращаться къ Богу для исцѣленія; это такая обязанность наша, которую если мы не будемъ исполнять, то не можемъ ни назваться, ни быть вѣрными Богу. Для Бога оскорбительно наше Ему недовѣріе, если мы не надѣемся получить отъ Него то, что иногда удается намъ получать отъ искусныхъ людей, какъ-будто люди-лекари больше имѣютъ власти въ нашемъ здоровьи, нежели Самъ Богъ. Какъ рѣшиться намъ на тѣсный и прискорбный путь спасенія, какъ намъ повѣрить Богу всю участь нашей настоящей и будущей жизни, когда у насъ не достаетъ вѣры получать отъ Него помощь въ нашихъ временныхъ тѣлесныхъ немощахъ?

Конечно, позволительно лечиться травами и составами подъ руководствомъ ученыхъ и опытныхъ лекарей, потому что *лекарственныя травы сотворены Богомъ для того, чтобы помогать намъ въ нашихъ болѣзняхъ*; а между тѣмъ Богъ же велѣлъ намъ беречь свое здоровье—безцѣнный даръ Его: *Господь созда отъ земли врачевания*, сказано въ Свящ. Писаніи, *и мужъ мудрый не возгнушается ими* (Сирах. 38, 4). Но что сказать о васъ, стоящіе здѣсь слушатели? Если кто у васъ занеможетъ, сейчасъ идутъ къ ворожцамъ и волшебникамъ; и какихъ не дѣлаютъ тутъ безумствъ! какъ не злоухищряются надъ болѣзнями! Тамъ воютъ по зарямъ; тамъ прощаются на перекресткахъ; тамъ лихорадку выгоняютъ за рѣку, какъ-будто болѣзнь есть какое животное: тамъ нашептываютъ на хлѣбъ, на воду, на угли и т. п.; вспрыскиваютъ больныхъ, кидаютъ волоса съ солью и дѣлаютъ все, что можетъ прійти на умъ помѣшавшійся. И это дѣлаютъ христіане! И на это рѣшаются православные! Больной и безъ того близокъ къ смерти,—ему нужно бы думать о страшномъ судѣ и о своей вѣчной участи; а онъ, вмѣсто того, обращается къ нечистой силѣ за пособіемъ. Самыхъ младенцевъ, невинныхъ и безгрѣшныхъ, не щадятъ суевѣрные родители и, въ случаѣ болѣзней

ихъ, обращаются съ ними къ нечистому источнику небывалыхъ исцѣленій; часто случается, что послѣ спасительнаго таинства крещенія совершается надъ христіанскимъ младенцемъ другое пагубное таинство—бѣсовское. Это ли надежда на Бога? Это ли святая вѣра, которую мы обязаны имѣть къ Богу съ самаго крещенія нашего? Невѣрные твердо держатся своего закона, хотя и ложнаго,—одни мы христіане не имѣемъ твердости въ вѣрѣ; и если когда исповѣдуемъ Христа своимъ Спасителемъ, то въ тоже время обращаемся къ бѣсамъ за спасеніемъ. Мы называемъ себя христіанами и говоримъ, что наша вѣра правая. Точно! за чѣмъ же, вѣруя во Христа, мы вѣруемъ и въ бѣсовскую силу? Мы говоримъ, что любимъ св. церковь; за чѣмъ же больные наши идутъ не въ церковь молиться, а къ ворожеѣ лечиться. Мы говоримъ, что намъ желательно спастись: почему же во время болѣзней обращаемся не къ служителю Божію и не къ врачу просвѣщенному, а къ волшебнику—служителю діавольскому? Видите, какое безобразное смѣшеніе и двоедушное употребленіе мы дѣлаемъ изъ своихъ вѣрованій.

О, какъ блаженны были тѣ времена, когда жилъ на землѣ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ! Тогда слѣпые прозирали, хромые ходили, прокаженные очищались, глухіе слышали и мертвые воскресали (Матѳ. 11, 5). Гдѣ ни бывалъ Спаситель, какимъ городомъ или селеніемъ ни проходилъ, Онъ вездѣ оставлялъ о Себѣ благодарное воспоминаніе, вездѣ благословляли Его божественное имя. Думаете ли, что нынѣшнія времена несчастны сравнительно съ тѣми? Нѣтъ, Спаситель, видимо оставивъ землю, невидимо пребываетъ на ней и будетъ пребывать *до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). И во время земной жизни Господа не всѣ больные исцѣлялись, а только тѣ, которые имѣли вѣру въ Господа. Господь многихъ больныхъ исцѣлилъ, много чудесъ сотворилъ; но Имъ не совершено ни одного исцѣленія, не сотворено ни одного чуда тамъ, гдѣ въ Него не вѣровали (Матѳ. 13, 58). Развѣ не тоже самое и нынѣ? При вѣрѣ во всякомъ мѣстѣ и во всякое время доступенъ Христосъ. Кто имѣетъ вѣру во Христа, тотъ въ какое бы время ни жилъ, въ какомъ бы мѣстѣ ни находился, какими бы болѣзнями одержимъ ни былъ, какъ скоро обращается къ Іисусу Христу съ вѣрою и усердною молитвою, можетъ получить отъ Него немедленное исцѣленіе. Вѣра замѣняетъ для насъ видимое пребываніе среди насъ Спасителя: гдѣ вѣруютъ въ Него, ищутъ Его, взываютъ къ Нему, тамъ Онъ и пребываетъ, исцѣляя больныхъ, спасая грѣшныхъ и вообще благодѣтельствуя вѣрующимъ. Чтобы намъ легче было вѣровать, Іисусъ Христосъ установилъ

для исцѣленія болѣзней нашихъ священное таинство елеосвященія, извѣстное въ просторѣчіи подъ именемъ соборованія масломъ. Онъ не запретилъ намъ при этомъ употребленіе травъ и другихъ лекарственныхъ произведеній природы: это не составляетъ для насъ ни малѣйшаго грѣха и Богу нисколько не противно. Ворожба же и наговоры достойны одного осужденія. Хотя бы и не было здѣсь въ дѣйствительности діавольскаго участія, но здѣсь преступна уже самая мысль о діавольскомъ участіи; здѣсь ужасно то, что христіанинъ, оставивъ надежду на Бога, вѣруетъ въ діавола, надѣется на діавола, ищетъ діавольской помощи.

Какъ въ прежніе годы, такъ и въ нынѣшній было среди насъ больныхъ не мало; нѣкоторые изъ нихъ обращались къ ворожбѣ и наговорамъ; но пособило ли это средство хоть одному больному? Нѣтъ, больные только погубили души свои, а болѣзнямъ своимъ *не получили отъ ворожбы никакого облегченія*; и если которые изъ нихъ выздоровѣли, то единственно по милосердію Божію, ожидающему отъ грѣшниковъ покаянія. Одна надежда на Бога не посрамитъ христіанина, и мы только въ томъ случаѣ можемъ ожидать облегченія въ нашихъ болѣзняхъ, если во время ихъ обращаемся съ вѣрой и молитвой къ Богу и примемъ священное таинство елеосвященія. Это впрочемъ не мѣшаетъ намъ обращаться и къ знающему лекарю, только съ тѣмъ, чтобы, пользуясь отъ него, не забывать Бога и молиться Ему о своемъ здоровьи. Но во всякомъ случаѣ лучше оставить болѣзнь свою безъ всякаго леченія, нежели ворожбой принимать себѣ на душу смертный грѣхъ. Аминь.

29

ПОУЧЕНІЕ

въ седьмую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Фарисее глаголаху: о князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы (Матѳ. 9, 33).

Мы несправедливо думаемъ, будто при чудесахъ легко вѣрить. Какихъ чудесъ не творилъ Іисусъ Христосъ во время земной Своей жизни, однако многіе въ Него не увѣровали.

«Сердце человѣческое глубоко и лукаво», говоритъ св. Тихонъ Воронежскій *). И въ самомъ дѣлѣ, когда, напр., фарисеямъ, пере-

*) Тих. Ворон. Сокр. дух. ч. III, 19.

довымъ людямъ въ Іудейскомъ народѣ, не было уже возможности отвергать чудеса Іисуса Христа, они все-таки продолжали изыскивать благовидные предлоги, чтобы остаться невѣрными. И до чего наконецъ довело ихъ непреклонное намѣреніе не вѣрить? Чудеса Іисуса Христа они приписали дѣйствію нечистой силы. *Фарисеи глаголаху: о князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы.*

Не думайте, братія, будто фарисеи были люди особеннаго рода; нѣтъ, они были точно такіе же, какъ и мы. Сказать по справедливости, мы бываемъ иногда не лучше ихъ по отношенію къ истинѣ; и въ насъ обнаруживается иногда много *своеправія и* противленія Богу. Чтобы *не вѣрить, фарисеи приписали чудеса Спасителя дѣйствію нечистой силы; но до чего не доводятъ и* насъ наши заблужденія и страсти?

Каждая преждевременно забравшая въ голову мысль лишаетъ насъ яснаго взора на предметы. На что мы ни смотримъ, на все смотримъ сквозь нее. Мы видимъ истину не такъ, какъ она есть, а такъ, какъ намъ хочется ее видѣть. Здѣсь корень всѣхъ человѣческихъ заблужденій. Если самое Священное Писаніе, которому мы чистосердечно вѣримъ, выскажетъ намъ такую истину, которая противна принятому уже нами образу мыслей, мы не измѣнимъ довѣрія къ Свящ. Писанію; только съ исправящеюся намъ истиною поступимъ не лучше фарисеевъ,—перетолкуемъ эту истину по своему. Напр., въ Свящ. Писаніи намъ сказано ясно: *любите враговъ вашихъ* (Мато. 5, 44); но мы, чтобы обойти эту непріятную намъ заповѣдь исполненіемъ и не измѣнить довѣрія *нашего къ заповѣдующему, разсуждаемъ обыкновенно* такимъ образомъ: *конечно, я долженъ любить враговъ*, только не такихъ, *какихъ я имѣю; мои враги столько сдѣлали* мнѣ зла, такъ жестоко *меня обидѣли, что любить* ихъ было бы непростительной слабостью.—И съ нашимъ грѣховнымъ ожесточеніемъ мирится такимъ образомъ наша правая вѣра; грѣхамъ нашимъ подчиняется наша совѣсть.

Братія! мы всѣ грѣшники и называемъ себя грѣшниками, но не всѣ равно судимъ о грѣхахъ. Грѣхи, къ которымъ мы особенно пристрастились, имѣютъ для насъ какое-то одуряющее свойство. Подъ вліяніемъ страсти помрачается самый высокій умъ, и человѣкъ не видитъ далѣе того, что показываетъ ему страсть. Такъ жестокій думаетъ, что его жестокость справедлива; притѣснитель воображаетъ, что пустить по міру человѣка—пустое, бездѣлица; клеветникъ считаетъ клевету за невинную шутку; пьяница мечтаетъ, что страсть его нисколько не предосудительна; распутному мерещится, что любодѣяніе есть слабость самая извинительная: воръ

считаетъ кражу ни за что; даже привычный душегубецъ находитъ для грѣха своего различныя оправданія и не считаетъ себя грѣшнѣе другихъ. Но снисходя такимъ образомъ къ собственнымъ грѣхамъ, столько ли мы снисходительны къ грѣхамъ чужимъ? Нисколько! Тиранъ ужасается, слыша о любодѣяніи, если этого грѣха не знаетъ за собою; любодѣй ужасается при видѣ праздничной работы; воръ и душегубецъ готовы предать проклятію того, кто во время поста употребляетъ скоромную пищу. Грѣхи, которымъ мы не очень преданы и къ которымъ не пріобрѣли особенной склонности, по нашему велики и тяжки; и какихъ грѣховъ менѣе за нами, тѣ только и считаются ужасными. Но тѣ завѣтные грѣхи, съ которыми, такъ сказать, освоилась, сродилась душа наша, всегда ускользаютъ отъ нашего самоосужденія; совѣсть наша прощаетъ намъ ихъ, и творя ихъ, мы едва признаемъ себя грѣшниками. Напр., мы знаемъ и вѣримъ, что нераскаявшіеся и неисправившіеся грѣшники непремѣнно погибнутъ. Но чтобы исключить себя съ любимыми грѣхами изъ числа погибающихъ грѣшниковъ, мы обыкновенно разсуждаемъ такимъ образомъ: конечно, грѣшники погибнутъ, но не такіе, какъ я. Помнится, я не сдѣлалъ большаго зла: а что и сдѣлалъ, такъ ужели не загладилъ того добрыми дѣлами? Я тогда-то постился, въ такое-то время молился, сотворилъ столько-то поклоновъ, столько-то милостынь роздалъ нищимъ. Другое дѣло, сосѣдъ мой, такой-то и такой-то, вѣрно погибнетъ; потому что можно ли спастись такому человѣку и съ такими ужасными грѣхами?—Такимъ образомъ мы, по словамъ Іисуса Христа, види *сучекъ въ глазѣ* нашего *брата*, *въ своемъ* собственномъ *глазѣ бревна не чувствуемъ* (Мато. 7, 3).

Вотъ сколь злы плоды отъ злаго корня заблужденій и страстей. Всѣмъ заповѣдямъ Божіимъ мы даемъ двусмысленный толкъ, изъ котораго по произволу выводимъ правила жизни въ защиту нашей грѣховности. Какого грѣха мы не позволили и не простили себѣ въ противность завѣщанію Спасителя; *и какого грѣха мы* не осудили, въ другихъ прежде, чѣмъ осудилъ ихъ Судія праведный! Іисусъ Христосъ говоритъ: *всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха* (Іоан. 8, 34). И дѣйствительно, мы рабы грѣха: мы лишились свободы и дѣлаемъ только то, что внушаютъ намъ наши страсти. Чтобы избавиться отъ владычества грѣха надъ собою, нужно напередъ всего просвѣтить омраченную нашу душу словомъ Божіимъ, безпристрастно обозрѣть жизнь нашу и всѣ дѣла свои оцѣнить по всей справедливости. Тогда только откроются глаза наши, и всѣ любимые нами и чарующіе насъ грѣхи обнажатся передъ нами въ своемъ гнусномъ видѣ и почувствуются нами,

какъ бревно въ глазѣ. Не зная грѣха за собой, нельзя каяться и исправляться въ немъ: и не чувствуя опасности своего положенія, нельзя искать посторонней помощи. Будемъ же, братія, недовѣрчивы къ нашему образу мыслей, подчинимъ нашъ умъ ученію Іисуса Христа и великодушно осудимъ въ себѣ все, что достойно осужденія. Иначе нѣтъ возможности остановить нашего стремленія къ вѣчной погибели. Аминь.

30

ПОУЧЕНІЕ

въ осьмую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Кто внимательно слушалъ нынѣчтенное евангеліе, тотъ навѣрное слышалъ, какъ Іисусъ Христосъ пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ пять тысячъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей (Матѳ. 14, 14—21).

Нѣтъ никакой надобности спрашивать, какъ это могло случиться. Богъ, Который сотворилъ и насъ, и пищу нашу, ужъ конечно можетъ продлить нашу жизнь и малой пищей, и вовсе безъ пищи. Онъ однимъ словомъ сотворилъ нѣкогда цѣлую вселенную: однимъ словомъ можетъ и напитать всѣхъ тварей. И въ Свящ. Писаніи сказано: *не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. 4, 4).

Какъ у насъ здѣсь, такъ и вездѣ сколько бѣдныхъ, нуждающихся въ насущномъ пропитаніи! И это было бы для насъ безмѣрнымъ благодѣяніемъ, если бы мы могли насыщаться такимъ чуднымъ способомъ: если бы цѣлое село могло быть сыто съ небольшаго количества хлѣба; если бы Іисусъ Христосъ и насъ питалъ также, какъ напиталъ нѣкогда пять тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Но такихъ чудесъ нынѣ уже не слышно, и намъ остается по прежнему обработывать землю, добывать хлѣбъ потомъ и трудами, и при всемъ томъ терпѣть иногда нужду въ пропитаніи. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы Богъ не хотѣлъ оказывать намъ такихъ благодѣяній. Вся тайна этого чуда отъ насъ зависитъ: и мы могли бы также чудесно насыщаться малымъ количествомъ хлѣба, если бы были подобны пяти тысячамъ народа, насытившимся пятью хлѣбами.

Народъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, былъ достоинъ такого чуда за великое усердіе и вѣру къ Іисусу Христу. Оставивъ

домы и занятія свои, эти люди, нѣкоторые въ сопровожденіи женъ и дѣтей, пѣшкомъ послѣдовали за Іисусомъ въ пустынное мѣсто, гдѣ слушали Его ученіе, а больные изъ нихъ получали отъ Іисуса исцѣленіе. Стало уже поздно, а народъ все былъ съ Іисусомъ; и не смотря на то, что всѣ начали изнемогать отъ голода, никто не хотѣлъ разстаться съ божественнымъ Учителемъ и съ Его сладостнымъ ученіемъ. Замѣтивъ это, апостолы стали просить Іисуса, чтобы Онъ отпустилъ народъ въ селеніе для покупки хлѣба; но Іисусъ, желая напитать народъ и не лишить его Своего присутствія, велѣлъ принести случившіеся въ то время пять хлѣбовъ и двѣ рыбы; народу велѣлъ расположиться на травѣ и роздалъ всѣмъ хлѣбы и рыбы. *И ѣли всѣ и насытились; и набрали оставшихся кусковъ двѣнадцать коробовъ полныхъ.*

Народъ терпѣлъ голодъ для Бога и для спасенія душъ своихъ, и Богъ чудеснымъ способомъ напиталъ его: если и мы, служа Богу и занимаясь душеспасительными дѣлами, не имѣемъ времени исправить житейскихъ нуждъ своихъ, то Самъ Богъ исправитъ ихъ угоднымъ Ему способомъ. Спаситель указываетъ на птицъ небесныхъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, но всегда сыты,—Богъ питаетъ ихъ незамѣтно (Матѳ. 6, 26): не дороже ли птицъ предъ Отцемъ небеснымъ тѣ люди, которые съ усиліемъ для самихъ себя исполняютъ Его святую волю (Лук. 12, 7)? Для Бога также легко уродить намъ хлѣбъ и лишить насъ пищи, какъ, не уродивъ его, пропитать насъ. Оттого и нужды наши велики, что мы неумѣренно много заботимся о ихъ исправленіи; оттого и хлѣбъ у насъ неспоръ, что мы для того живемъ, чтобы ѣсть, а не для того ѣдимъ, чтобы жить. Кто трудится для своего пропитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ работаемъ Богу на пользу собственной душѣ, тотъ бываетъ сытъ и съ малаго количества хлѣба. Возлюбленный и избранный Богомъ народъ еврейскій, когда по волѣ Божіей странствовалъ по безплодной пустынѣ, получалъ пищу съ неба и былъ сытъ безъ пашни и жатвы; служащіе единому Богу въ пустынихъ и пещерахъ, какъ извѣстно, по цѣлымъ недѣлямъ не вкушаютъ пищи, однакоже бываютъ живы, здоровы, бодры и даже постоянно занимаются рукодѣльемъ. Когда уже мы, будучи злыми, не отказываемся кормить и содержать тѣхъ, кто намъ работаетъ и услуживаетъ; кольми паче благій Отецъ небесный напитаетъ тѣхъ, которые Ему работаютъ и служатъ (Матѳ. 7, 11). Итакъ не печальтесь, бѣдные и обремененные различными недостатками, что у васъ нѣтъ хлѣба и другихъ потребныхъ въ жизни предметовъ. Если достаточные люди отказываютъ вамъ въ помо-

щи, обратитесь съ нуждами вашими къ Богу: Онъ богаче всѣхъ, и никому и ни въ чемъ истинно нужномъ не отказываетъ.

Всякое довольство въ жизни зависитъ отъ благословенія Божія. Гдѣ нѣтъ благословенія Божія, тамъ всѣ труды напрасны, работа безуспѣшна, никакое дѣло не спорится, и хлѣбъ, который мы ѣдимъ безъ благословенія Божія, для насъ не сытенъ. Итакъ никогда и ни за какое дѣло не принимайтесь, не испросивши напередъ у Бога благословенія; никогда не садитесь за столъ и не принимайте пищи, не помолясь Богу. И тѣ пять хлѣбовъ, которыми насытилось пять тысячъ человѣкъ, были не просто розданы народу, а Іисусъ Христосъ сперва, *взявъ ихъ, воззрѣлъ на небо и благословилъ*. Видите, сколь сильны молитва и благословеніе Божіе. Аминь.

31

ПОУЧЕНІЕ

въ девятую недѣлю по Пятдесятницѣ.

И отпустивъ народы, взыде на гору единъ помолитися (Матѳ. 14, 23).

Итакъ и Іисусъ Христосъ молился. Самъ все могъ сдѣлать, а просилъ Бога.

Если Самъ Іисусъ Христосъ молился, какъ же это мы не молимся? Изъ праведниковъ праведникъ обращался съ просьбами къ Отцу небесному; какъ же это мы изъ грѣшниковъ грѣшники ни о чемъ не хотимъ попросить Бога? Спаситель плакалъ о нашихъ грѣхахъ, а мы о своихъ собственныхъ даже и не потужимъ. Правда, нельзя сказать о насъ, чтобы мы вовсе не молились; мы затѣмъ и пришли сюда въ церковь, чтобы молиться Богу, каяться передъ Нимъ въ своихъ грѣхахъ. А если мы пришли сюда для молитвы, зачѣмъ же мыслями и сердцемъ уносимся къ тому, что мы оставили дома? Отчего это: тутъ въ церкви шепчутъ другъ съ другомъ, тамъ улыбаются, здѣсь разговариваютъ, или засматриваются на что либо постороннее? Все это происходитъ оттого, что тѣломъ мы въ церкви, а душой иные изъ насъ остались дома, иные отправились на работу, на гуляпье, на постыдныя дѣла, на злодѣйства. Во многихъ изъ насъ, посѣщающихъ сей храмъ Божій, видится очень мало усердія въ молитвѣ, очень мало благоговѣнія, страха Божія и недостаточная внимательность къ святости мѣста.

въ которомъ мы находимся; а въ иныхъ и вовсе незамѣтно ничего этого. Нѣкоторые изъ насъ стоятъ въ церкви, словно дома; предстоятъ Богу, какъ совершенные праведники, ни въ чемъ невиновные. Все это происходитъ у насъ такъ спокойно, такъ холодно, какъ будто мы пришли въ церковь единственно для препровожденія времени. И можно ли послѣ этого ожидать, чтобы такія молитвы наши были услышаны Богомъ и послужили намъ во спасеніе? Во время молитвы мы, правда, щедры на крестныя знаменія; только душа-то въ насъ холодна какъ ледъ, безчувственна какъ камень. И поклоны наши, повидимому, обѣщаютъ многое; но вѣдь поклоны дороги только для людей,—Сердцевѣдецъ Богъ ими одними не довольствуется. Вмѣстѣ съ поклонами Онъ требуетъ отъ насъ благоговѣнія искренняго, покорности чистосердечной.

Впрочемъ нельзя и не должно порицать молитву, какова бы она ни была: достойно порицанія только то, что мы, помолившись, бываемъ слишкомъ самонадѣянны и думаемъ о себѣ, будто мы уже исправили всѣ наши обязанности къ Богу. Сколь ни мало исправности въ нашей молитвѣ, она все-таки показываетъ, что мы по крайней мѣрѣ помнимъ Бога и стараемся хоть чѣмъ нибудь угодить Ему. Если нельзя похвалить самаго нашего дѣла, по крайней мѣрѣ похвально наше желаніе. Богъ никогда не даетъ пропасть за Собой ничему нашему. Ему видѣнье нашего, сколь *мы* нравственно слабы, сколь трудно для насъ грѣшныхъ *поклоняться Ему духомъ и истиною* (Іоан. 4, 23); и вообще Онъ судитъ дѣла наши, какъ Отецъ самый снисходительный. И одинъ нашъ поклонъ передъ св. иконой—предъ Богомъ не напрасное дѣло; и одинъ разъ перекреститься—для Него уже нѣкоторая жертва. Нѣтъ той малости, которую мы сдѣлали бы для Бога и которая не была бы у Него на большомъ счету. Онъ забываетъ только наше недоброе, а добраго отъ насъ никогда не забудетъ. Итакъ, братія, не переставайте молиться Богу, *только перестаньте* приписывать своей молитвѣ слишкомъ многое. Чаще ходите въ церковь Божію, чаще и дома вставайте на молитву; не лѣнитесь креститься, кланяться и читать молитвы, какія знаете. Съ такимъ благочестивымъ занятіемъ не западетъ ли когда въ наше холодное сердце искра бо́льшаго усердія; вмѣстѣ съ крестнымъ знаменіемъ не явится ли въ насъ горячая любовь къ распятому Спасителю: вмѣстѣ съ тѣлесными поклонами не поклонится ли Богу и наша душа; вмѣстѣ съ словами не заговоритъ ли и наше сердце. Всего этого мы и легко могли бы достигнуть, если бы всѣ мы стояли въ церкви чинно и тихо, и если бы во время до-

машней молитвы мы были повнимательнѣе къ своему святому дѣлу. Но если въ молитвѣ нашей, въ церкви ли мы приносимъ ее Богу, дома ли, или въ другомъ мѣстѣ, не участвовали наша душа и наше сердце, въ такомъ случаѣ никто изъ насъ еще не имѣетъ права сказать: я Богу помолился. Аминь.

32

ПОУЧЕНІЕ

въ одиннадцатую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Одинъ царь,—это притча нынѣчтеннаго евангелія,—вздумалъ сдѣлать разсчетъ съ рабами своими. Когда онъ началъ разсчетъ, привели къ нему одного раба, который былъ долженъ ему десять тысячъ талантовъ (сумма громадная); и какъ этому должнику было нечѣмъ уплатить своего долга, то государь приказалъ для уплаты продать и самого должника, и его жену съ дѣтьми, и все его имѣніе. Несчастный палъ передъ царемъ и умолялъ его потерпѣть на немъ долгъ: царь сжалился надъ нимъ и простилъ ему всѣ десять тысячъ талантовъ. Этотъ самый рабъ, лишь только помиловали его, находитъ одного изъ своихъ товарищей, за которымъ было у него сто динаріевъ (это былъ ничтожный долгъ); хватаетъ его за горло, требуетъ уплаты долга, и сколько тотъ ни умолялъ его потерпѣть долгъ, сажаетъ его въ тюрьму. Узнавши объ этомъ, царь призываетъ немилостиваго раба, отдаетъ его истязателямъ и приказываетъ мучить его до тѣхъ поръ, какъ отдастъ весь долгъ свой.—Кончивши этотъ разсказъ, Іисусъ Христосъ прибавилъ: *такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его* (Матѳ. 18, 23—35).

Притча эта прямо относится къ намъ. Мы тѣ самые рабы Царя небеснаго, которые, получивъ отъ Него прощеніе въ великихъ долгахъ—въ грѣхахъ непростительныхъ, сами не прощаемъ другъ-другу и малыхъ долговъ, не хотимъ перенести отъ ближняго и легкой обиды. И нѣтъ сомнѣнія, что наше не милосердіе не останется безнаказаннымъ: Царь небесный уже не проститъ насъ ни въ чемъ, взыщетъ съ насъ за всѣ наши грѣхи и отдастъ насъ злымъ діаволамъ на вѣчное мученіе.

Во время каждой молитвы мы обыкновенно просимъ Бога, чтобы Онъ простилъ намъ наши грѣхи; но молясь объ этомъ, сами-то что дѣлаемъ? Мы говоримъ Богу: Господи, прости насъ! а

сами никого не прощаемъ, давимъ другихъ, предаемъ суду, требуемъ взысканія за всякую обиду. Мы молимъ Бога: Господи, помилуй насъ! а сами не милуемъ себѣ подобныхъ и не щадимъ ни въ какомъ случаѣ. Мы просимъ у Бога себѣ блага, а сами дѣлаемъ другимъ зло. Мы безстыдно лжемъ передъ Богомъ, когда читаемъ на молитвѣ: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*; а если лжемъ не намѣренно безъ сознанія, значитъ не понимаемъ, что на молитвѣ читаемъ. Что же, услышитъ ли Господь молитву нашу, когда мы просимъ Его о томъ, въ чемъ отказываемъ другимъ, и даже лжемъ на молитвѣ? Нѣтъ, мы не имѣемъ права и молиться Богу, если не прощаемъ обидъ другимъ отъ чистаго сердца и не просимъ себѣ прощенія у другихъ; недостойны и глазъ своихъ поднять на небо, не должны входить и въ храмъ Божій. Свящ. Писаніе увѣряетъ насъ, что ни одному грѣху нашему нѣтъ и не будетъ прощенья, если мы не прощаемъ обидъ другимъ; напротивъ, всѣ грѣхи прощаются намъ, если мы сами прощаемъ другихъ. *Если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; а если не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. 6, 14. 15). Итакъ прощать обиды—предъ Богомъ первая и пріятнѣйшая добродѣтель, а не прощать обидъ—передъ Нимъ истинно непростительный грѣхъ. Какимъ мы желаемъ видѣть къ себѣ Бога, таковы и сами должны быть другъ къ другу. Прощенія грѣховъ хотимъ отъ Бога?—сперва сами простимъ другихъ. Помилованія просимъ?—сперва сами помилуемъ. О благахъ молимъ?—сперва сами окажемъ благодѣяніе. И по нашему сужденію было бы несправедливо щадить тѣхъ, которые никому не дѣлаютъ пощады, и миловать тѣхъ, отъ кого никому нѣтъ милости. *Судъ безъ милости не оказавшему милости*, сказано въ Свящ. Писаніи (Іаков. 2, 13).

Каждый изъ насъ говоритъ обыкновенно: *я вѣрный! я христіанинъ!* Если я вѣрный и христіанинъ, то и долженъ жить такъ, какъ велѣлъ Христосъ; долженъ чѣмъ-нибудь добрымъ отличиться отъ невѣрныхъ; долженъ въ своихъ поступкахъ показать различіе спасительной вѣры отъ пагубнаго невѣрія. Если я люблю только тѣхъ, которые меня любятъ, и дѣлаю добро только тѣмъ, которые мнѣ благодѣтельствуютъ, дѣлаю ли я тогда что-либо особенное? Тоже дѣлаетъ всякій невѣрный. Если я помню зло, отплачиваю за обиды, не хочу простить никакого худаго противъ меня поступка, дѣлаю ли я тогда что-нибудь особенное? Тоже дѣлаетъ всякій на свѣтѣ грѣшникъ. Въ чемъ же тогда будетъ состоять

различіе вѣрнаго отъ невѣрнаго и благодатнаго отъ грѣшника? Почему тогда можно будетъ узнать, что я дѣйствительно христіанинъ, а не магометанинъ и не идолопоклонникъ? Спаситель заповѣдалъ намъ не только прощать всякія обиды, но *любить враговъ нашихъ, благословлять проклинающихъ насъ, добро дѣлать ненавидящимъ насъ и молиться за обижающихъ насъ* (Матѳ. 5, 44). И это прощеніе обидъ, эта любовь ко врагамъ такъ свойственны христіанину, что по нимъ-то именно и можно распознать его изъ тысячи людей.

Когда мы каемся Богу въ грѣхахъ своихъ, Богъ прощаетъ ихъ намъ и забываетъ навсегда: судите же, какъ послѣ этого мы не простимъ обидъ своимъ ближнимъ? Богъ, Творецъ и Владыка нашъ, прощаетъ насъ, а мы подобнаго и равнаго себѣ не прощаемъ: за что же Онъ будетъ продолжать къ намъ Свое милосердіе? Конечно, за нашу нелюбовь къ другимъ Онъ будетъ къ намъ столько же строгъ, сколько мы не снисходительны другъ къ другу. Итакъ будемъ укрощать по возможности злые порывы нашего сердца и непремѣнно станемъ прощать другимъ всякія обиды, какія бы опѣ ни были. Безъ этого и вѣра наша не въ вѣру, и христіанство наше не въ христіанство. Аминь.

33

ПОУЧЕНІЕ

въ туже недѣлю.

Не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже азъ тя помиловахъ (Матѳ. 18, 33)?

То есть, не слѣдовало ли и тебѣ помиловать товарища твоего также, какъ и я тебя помиловалъ? Эти слова сказаны въ притчѣ Самимъ Іисусомъ Христомъ. Сила ихъ вотъ какая: Богъ милуетъ насъ и прощаетъ во всемъ; поэтому и мы должны миловать людей и прощать другъ-другу всякія обиды и оскорбленія.

Кажется, нѣтъ ничего въ свѣтѣ труднѣе для нашего испорченнаго сердца, какъ прощать обиды и забывать оскорбленія. Легче не взлюбить друга, нежели полюбить врага; скорѣе забудется сдѣланное намъ добро, нежели выйдетъ изъ памяти сдѣланное намъ зло. Но потому-то особенно и спасаетъ насъ милованіе людей и взаимное прощеніе, что оно для насъ трудно и часто тре-

бусть съ нашей стороны многихъ пожертвованій; оттого-то особенно и дорога передъ Богомъ наша любовь другъ къ другу, что не легко сохранить ее въ мірѣ: путь спасенія съ самаго паденія прародителей человѣчества сталъ для людей узокъ и тѣсенъ.

Не думайте, чтобы можно было спастись, миновавъ какъ-нибудь милованія и прощенія. Въ писаніи сказано прямо и ясно: *блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы* (Матѳ. 5, 7); и еще сказано: *судъ безъ милости не оказавшему милости* (Іак. 2, 12). Стало быть, или миловать другъ-друга,— и спастись; или не миловать,—и вѣрно погибнуть: тутъ нѣтъ никакой середины. Ежели бы не любовь спасала насъ, напрасно было бы Спасителю проливать за насъ кровь Свою; ежели бы и враждѣ было мѣсто въ царствѣ небесномъ, тамъ не могло бы быть никакихъ радостей,— самый рай превратился бы въ адъ со враждою. Въ писаніи сказано: *ежели кто скажетъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ; тотъ лжецъ; ибо кто не любитъ брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ* (1 Іоан. 4, 20)? Итакъ, не любя человѣка, нельзя любить и Бога; а безъ любви къ Богу ужъ какое спасеніе?

Но насъ обижаютъ напрасно! Насъ оскорбляютъ, тогда-какъ мы не заслужили оскорбленія! А тогда-то особенно и слѣдуетъ намъ простить обиду, когда она напрасная: тогда-то именно мы и должны забыть оскорбленіе, когда оно нами не заслужено. Всякая обида перестаетъ быть напрасною, если мы предались *гнѣву* на обидчика,—потому что мы уже отплатили за нее своимъ гнѣвомъ, своею злостью; а равно и оскорбленіе дѣлается заслуженнымъ нами, если за оскорбленіе мы отплатили или ненавистью, или обратнымъ оскорбленіемъ. Такимъ образомъ непрощенная обида не есть обида напрасная, и незабытое оскорбленіе есть оскорбленіе заслуженное,—и вотъ изъ обиженныхъ, по милости нашей злости, мы сами переходимъ въ обидчиковъ, и изъ оскорбленныхъ, при злопамятствѣ нашемъ, дѣлаемся сами оскорбителями. Притомъ же большею частію по одному обольщенію нашего слишкомъ щекотливаго и нѣжнаго самолюбія намъ думается, будто люди всегда обижаютъ насъ напрасно и оскорбляютъ насъ безъ всякихъ поводовъ съ нашей стороны. Да хоть бы и дѣйствительно люди обижали насъ напрасно и оскорбляли безъ всякой причины,—что такое мы, чтобы не сносить обидъ, не терпѣть оскорбленія? Обижая и оскорбляя насъ, люди воздаютъ намъ должное: потому что они не могутъ сдѣлать намъ такого зла, какого мы не сдѣлали когда-нибудь и кому-нибудь сами. Кто изъ насъ, братія, можетъ похвалиться, что онъ не дѣлалъ никому зла, никого не обижалъ.

никого не оскорблялъ? Мы грѣшники передъ Богомъ, неправедны передъ людьми, виновны передъ всѣмъ и передъ всѣми; только того мы и стоимъ, чтобы насъ обижали, притѣсняли, злословили. Судя по нашимъ грѣхамъ, намъ мало и этого воздаянія: да люди и не въ состояніи столько наказать насъ за наши грѣхи, сколько мы заслужили. Что же гнѣваться на людей, когда они, сами не чувствуя того, исполняютъ надъ нами закопъ вѣчной справедливости? Вѣдь всемогущій и премудрый Богъ самое зло дѣлаетъ орудіемъ Своихъ праведныхъ и благихъ цѣлей,—и вотъ, чтобы наказать насъ за наши грѣхи, чтобы вразумить насъ, Онъ попускаетъ злымъ людямъ наносить намъ обиды и оскорбленія. Ни слова о томъ, что они дѣлаютъ худо и грѣшатъ предъ Богомъ; но намъ ли судить ихъ? Обижая и оскорбляя насъ, они, конечно, губятъ свои души; но и мы не спасаемся, если не сносимъ отъ нихъ обидъ терпѣливо. Праведный Іовъ терпѣлъ безъ ропота, когда Богъ далъ власть надъ нимъ самому діаволу (Іов. 2, 10); почему же не потерпѣть намъ грѣшникамъ, когда Богъ попускаетъ на насъ злаго человѣка? Нѣтъ, не гнѣваться намъ надобно на своихъ обидчиковъ и злодѣевъ, а надобно жалѣть о нихъ и за нихъ молиться; не роптать намъ надобно на обиды и оскорбленія, а напротивъ, мы должны имъ радоваться,—радоваться за себя, молиться за своихъ обидчиковъ. *Блаженны вы*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *когда возненавидятъ васъ люди..., ибо велика вамъ награда на небесахъ* (Лук. 6, 22. 23). Апостолы терпѣли и молились, когда ихъ гнали и злословили: *насъ гонятъ,—мы терпимъ*, говорили они: *насъ хулятъ,—мы молимся* (1 Кор. 4, 12. 13). Самъ Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ намъ любить враговъ нашихъ и молиться за обижающихъ насъ (Лук. 6, 27. 28). Ненавидя и обижая насъ, люди дѣлаютъ себѣ несравненно бо́льшее зло, нежели намъ,—именно губятъ на вѣки свои души: какъ же намъ не молиться при видѣ погибели человѣческой души, за которую Самъ Спаситель пролилъ кровь Свою? Итакъ, если ненавидятъ, обижаютъ и гонятъ насъ люди, мы будемъ принимать это, какъ праведное воздаяніе отъ Бога за наши грѣхи; нашимъ же обидчикамъ будемъ отплачивать не гнѣвомъ, не злобою и не взаимными обидами, а молитвою за нихъ и, въ случаѣ возможности, благодѣяніемъ. Накажи же Господь насъ за грѣхи наши на здѣшнемъ свѣтѣ, лишь только бы они не помянулись на страшномъ судѣ въ вѣкѣ будущемъ.

Да и отъ чего всякая обида такъ тяжело падаетъ на наше сердце, и даже достаточно иногда одного ненамѣреннаго слова, чтобы вывести насъ изъ терпѣнья и возбудить въ насъ мститель-

пость? Большею частію происходитъ это отъ нашей гордости. Каждый изъ насъ глядитъ на себя, какъ на лицо особенно важное и неприкосновенное; каждый замѣчаетъ въ себѣ достоинства, которыми мечтаетъ превосходить другихъ; и вотъ, занесшись помыслами о своихъ высокихъ достоинствахъ и обширныхъ правахъ, мы говоримъ обыкновенно: какъ смѣли съ нами такъ поступить? какъ могли сказать намъ это? какъ могли объ насъ такъ подумать?— Ахъ, братія, что̀ за разсчеты такіе у человѣка съ человѣкомъ, и еще у христіанина съ христіаниномъ? Не всѣ ли мы созданія одного Творца? не всѣ ли мы одного Отца небеснаго дѣти? не всѣ ли мы взяты отъ одной земли, и не въ одну ли землю всѣ возвратимся? Но положимъ впрочемъ, что мы дѣйствительно лучше другихъ и достойнѣе; только это превосходство передъ другими дастъ ли намъ право гнѣваться за всякую обиду, мстить за каждое оскорбленіе? Нисколько! Напротивъ, тогда только мы и можемъ быть лучшими и достойнѣйшими противъ другихъ, когда великодушно сносимъ обиды и не платимъ зломъ врагамъ нашимъ. Снисходительность къ людямъ во всѣ времена была единственнымъ признакомъ людей великодушныхъ и достойныхъ; она всегда возвышала людей передъ другими, а не унижала. Человѣку снисходительному и честь, и хвала, и почтеніе.

Да, прощать обиды и забывать оскорбленія—истинно великое дѣло. Самъ Господь прославилъ Себя на землѣ этимъ великимъ дѣломъ, простивъ грѣхи всему человѣческому роду, и *простивъ* безъ всякихъ заслугъ съ нашей стороны. И намъ Онъ сказалъ: *если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. 6, 14). Милостивому къ другимъ всегда естественно ожидать милости къ себѣ, и простившій грѣхъ другому легко надѣется на прощеніе грѣховъ собственныхъ. Кто простилъ своему брату хотя малую обиду, тотъ сдѣлалъ больше для спасенія своей души, нежели кто цѣлую ночь простоялъ на молитвѣ; и кто забылъ хотя маловажное оскорбленіе, тотъ больше угодилъ Богу, нежели кто цѣлыя сутки не вкушалъ пищи. Богъ требуетъ отъ насъ *милости, а не жертвы* (Матѳ. 9, 13). Никакая жертва не будетъ принята Богомъ отъ насъ, если мы не простили обидъ, не забыли оскорбленій (Матѳ. 5, 23. 24). Стало быть, злопамятный и непримиримый человѣкъ сколько ни молись, молитва его не будетъ услышана Богомъ: сколько ни постись, постъ не послужитъ ему въ пользу; сколько ни принеси жертвъ, ни одна изъ нихъ не будетъ принята Богомъ. *Если я раздамъ всѣ имѣніе мое*, говоритъ св. апостолъ Павелъ,

и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы (1 Кор. 13, 3).

Братія! мы любимъ, когда поступаютъ съ нами милостиво; намъ нравится, когда къ намъ снисходятъ: будемъ же и сами милостивы и снисходительны къ другимъ. Да и какая намъ польза платить зломъ за зло и мстить за оскорбленіе? Мы тѣмъ вызываемъ врага нашего и самихъ себя на новыя обиды и оскорбленія, отъ чего происходитъ часто такая вражда, которая оканчивается вмѣстѣ съ жизнію. Будемъ прощать людямъ все, и не дожидаясь, когда они будутъ просить у насъ прощенія: изъ этого-то и будетъ видна вся доброта нашего сердца. Будемъ жить, по завѣщанію апостольскому, такъ, чтобы солнце не заходило въ гнѣвѣ нашемъ; будемъ любить другъ друга, какъ ученики одного Учителя Іисуса Христа, Который сказалъ: *потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Іоан. 13, 35). Аминь.

34

ПОУЧЕНІЕ

въ двѣнадцатую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Одинъ богатый человѣкъ, какъ мы слышали въ нынѣшнемъ евангеліи, велъ жизнь, повидимому, совершенно благочестивую: отъ юности своей не нарушалъ ни одной заповѣди Божіей, не позволялъ себѣ дѣлать ничего запрещеннаго закономъ. Услышавъ же о необыкновенномъ Учителѣ Іисусѣ Христѣ, этотъ богатый человѣкъ пожелалъ изъ собственныхъ Его устъ увѣриться въ дѣйствительности своего спасенія. Вотъ онъ является къ Іисусу Христу, открываетъ ему всю свою жизнь и спрашиваетъ: не вѣдомо ли Тебѣ чего такого, чего бы я не докончилъ для совершеннаго моего спасенія? Іисусъ Христосъ сказалъ ему въ отвѣтъ: *если хочешь быть совершеннымъ, поди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ.* Такой отвѣтъ Іисуса Христа опечалилъ богача, который и отошелъ послѣ того со скорбію. Это происшествіе подало поводъ Іисусу Христу сказать окружающимъ, что *удобнѣе канату пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство Божіе* (Матѳ. 19, 16—23).

Апостолы, бывшіе очевидцами этого происшествія, *весьма изумились и сказали: такъ кто же можетъ спастись?* Одна-

ко здѣсь нѣтъ ничего изумительнаго, и спасеніе доступно всякому человѣку. По несправедливому человѣческому мнѣнію, одного видимаго, наружнаго исполненія закона Божія совершенно достаточно для человѣческаго спасенія; но въ дѣйствительности законъ Божій, какъ законъ любви и правды ,можетъ быть исполненъ нами не иначе, какъ съ любовію и справедливостію. И Сердцевѣдецъ Богъ, открывши въ благочестивомъ богачѣ тайную привязанность къ міру, повелѣніемъ расточить богатство на добрыя и праведныя дѣла, осудилъ его лишь видимую, мнимую праведность и отказалъ ему въ царствѣ небесномъ.

Нельзя сказать о насъ, чтобы мы безукоризненно соблюдали заповѣди Божіи; однакоже вотъ мы молимся Богу, постимся, подаемъ милостыню и, можно сказать, каждый изъ насъ непремѣнно дѣлаетъ что-нибудь для Бога и для спасенія души своей по своему желанію и сердечному избранію. Самая церковь, каждый праздникъ полная народа, свидѣтельствуетъ, что мы не оставили Бога и не забыли о душѣ своей. Среди насъ есть люди, которыхъ жизнь нечѣмъ опорочить, и вообще паша страна не безъ добрыхъ людей. Скажи же Господь самому лучшему изъ насъ: *поди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ;* потребуй этого Богъ отъ богатаго или бѣднаго,—и развѣ рѣдкій изъ насъ найдется, котораго не опечалило бы это требованіе и не заставило бы, хотя съ скорбію, удалиться отъ Господа. Итакъ видите, что среди всѣхъ нашихъ видимыхъ добродѣтелей и благочестія, среди нашей, повидимому, неизмѣнной любви къ Богу, часто любовь къ міру, тайно отъ насъ самихъ, владычествуетъ въ душѣ нашей.

Впрочемъ Богъ никогда не издавалъ такой общей заповѣди, чтобы каждый христіанинъ непремѣнно раздавалъ все свое имѣніе, нисколько не дорожилъ имъ и чтобы былъ такимъ образомъ во всю свою жизнь нищимъ. При такой заповѣди милостивому христіанину была бы возможность исполнить заповѣдь благотворительности во всей жизни только одинъ разъ, послѣ котораго онъ самъ себя осуждалъ бы на принятіе милостыни отъ другихъ. Нѣтъ, братія, намъ—мірскимъ людямъ заповѣдано не презирать благъ земныхъ, не отрекаться отъ имущества, а беречь его, какъ даръ Божій, и употреблять его по волѣ Божіей; воля же Божія при дарованіи намъ имущества состоитъ въ томъ, чтобы мы употребляли его именно на добрыя дѣла, какъ-то: на вспоможеніе бѣднымъ, на воспитаніе сиротъ, на устройство храмовъ Божіихъ тамъ, гдѣ они нужны, на поправку храмовъ обветшавшихъ, на устройство училищъ и на другія благотворительныя учрежденія. Слова Іисуса Христа: *раздай имѣніе свое нищимъ*, возлагаютъ на насъ обя-

занности не къ тѣмъ нищимъ, которые просятъ милостыни подъ нашими окнами и изъ которыхъ многіе занимаются нищенствомъ, какъ ремесломъ, а ко всѣмъ людямъ, истинно нуждающимся въ той или другой нашей помощи, въ нашей благотворительности. Это люди голодные и холодные, больные, престарѣлые, лишенные средствъ содержаться трудами своими; это темные люди, лишенные средствъ къ образованію; это непросвѣщенные христіане, не имѣющіе средствъ совершать общественное богослуженіе и слушать ученіе Христа Спасителя; это малолѣтніе дѣти, оставленные безъ воспитанія или при плохомъ воспитаніи, за неимѣніемъ училищъ скитающіеся съ утра до вечера по улицамъ, по полямъ и лѣсамъ безъ всякаго призора, пріучающіеся къ своеволію, безпорядочности и ко всему дурному. Вотъ на какіе предметы и въ пользу вотъ какихъ людей Господь заповѣдалъ намъ раздавать свое имѣніе; если же мы расточаемъ свое имущество на иные предметы и на иныя потребности, то намъ столько же неудобно будетъ *войдти въ царство Божіе*, сколь неудобно *канату пройти сквозь игольныя уши.*

Итакъ Богъ осуждаетъ насъ вообще не за то, что мы, напр., бережемъ свое имущество, стараемся пріумножить его своими честными трудами, пользуемся всѣми правами собственности и т. п.; а за то, что привязываемся къ богатству всѣмъ сердцемъ, употребляемъ свое имущество лишь на свои собственныя нужды и часто на вредныя удовольствія, отказывая нашимъ ближнимъ въ той помощи, въ какой они нуждаются и какую мы могли бы оказать имъ. Осужденіе Божіе въ этомъ отношеніи постигаетъ не однихъ богачей, неправедно употребляющихъ свое богатство, но и тѣхъ бѣдняковъ, которые впали въ бѣдность отъ пьянства и безпутнаго мотовства; которые стараются поправить свое состояніе безчестными средствами, какъ то: обманомъ, воровствомъ, мошенничествомъ, ханжествомъ и т. п. Господь Богъ осуждаетъ даже и большую часть нищихъ, которые, имѣя силы работать и кормиться собственными трудами, злоупотребляютъ сладчайшимъ именемъ Іисуса Христа для потворства своей лѣни и отнимаютъ кусокъ хлѣба у истинно-бѣдныхъ и истинно-немощныхъ. Обязанность благотворенія лежитъ одинаково на богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. бѣдный столько же обязанъ удѣлять по мѣрѣ возможности скудныя лепты на пособіе нуждающимся людямъ, сколько и богатый обязанъ жертвовать на этотъ предметъ значительныя пособія. Кто не исполняетъ этой священнѣйшей обязанности, по своимъ силамъ и средствамъ, для всѣхъ тѣхъ безъ исключенія затворено царство небесное.

Братія! кто изъ насъ не пропускаетъ ни одного нищаго, ходящаго по міру, чтобы не подать ему милостыни, тотъ еще не долженъ думать о себѣ, что онъ достаточно исполняетъ возложенную на всѣхъ насъ обязанность благотворенія ближнимъ: истинная благотворительность не отвлекаетъ бѣдняка отъ честнаго труда, не допускаетъ его ходить по міру и привыкать къ праздношатательству, а доставляетъ ему все нужное на домъ, не дожидаясь его просьбы о помощи. Кто тратится на богатые поминочные обѣды и привлекаетъ въ свой домъ толпы праздношатающихся тунеядцевъ теплымъ пріютомъ, обильными трапезами и щедрыми подаяніями, тотъ еще не можетъ назваться милосердымъ христіаниномъ: истинное милосердіе, *не трубя передъ собою* (Матѳ. 6. 2), заботливо изыскиваетъ въ родствѣ, сосѣдствѣ и въ своей окрестности несчастныя семейства, которыя ходятъ босы и наги, ложатся спать безъ ужина, или въ холодное время зябнутъ безъ топлива, и доставляетъ имъ немедленныя пособія. Кто жертвуетъ безплатно гробами для бѣдныхъ покойниковъ, снабжаетъ ихъ саванами, учреждаетъ по нихъ поминочныя трапезы и т. п., тотъ еще не можетъ назваться совершенно добродѣтельнымъ человѣкомъ: истинная добродѣтель, внимательная къ смертнымъ останкамъ человѣческимъ, тѣмъ болѣе жалѣетъ живыхъ людей и заботится о ихъ лучшей участи. Кто украшаетъ на свое иждивеніе храмы Божіи, покупаетъ тяжеловѣсные колокола, оправляетъ св. иконы въ драгоцѣнныя ризы и т. п., тотъ еще не долженъ почитать себя вполнѣ благочестивымъ человѣкомъ: истинное благочестіе, любя внѣшнее благолѣпіе дома Божія, въ особенности заботится о духовномъ храмѣ Божіемъ, который есть всякая человѣческая душа,— потому оно способствуетъ учрежденію училищъ и для мальчиковъ и дѣвочекъ, снабжаетъ грамотныхъ полезными книгами, поощряетъ проповѣданіе слова Божія, обезпечиваетъ Божіихъ служителей, содѣйствуетъ собственными средствами распространенію христіанства среди невѣрныхъ и православія среди раскольниковъ и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Господь Богъ осуждаетъ *наши* недѣйствительныя, только видимыя добродѣтели и затворяетъ для насъ царство небесное.

Братія! Помните, что намъ собственно принадлежитъ только та часть нашего имущества, которая идетъ на удовлетвореніе нашихъ существенныхъ нуждъ, а все остальное уже не наше,—оно принадлежитъ сиротамъ, престарѣлымъ, больнымъ, увѣчнымъ, немущимъ, безпріютнымъ, голоднымъ, холоднымъ, разутымъ, раздѣтымъ и вообще истинно-нуждающимся людямъ; она принадлежитъ храмамъ Божіимъ, училищамъ и другимъ полезнымъ уч-

рожденіямъ. Употребленіемъ нашихъ имуществъ пусть будетъ управлять любовь къ Богу и ближнимъ: она научитъ насъ всему и вѣрнѣе всего управитъ путь нашъ въ царство небесное. Аминь.

35

ПОУЧЕНІЕ

въ четырнадцатую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна (Матѳ. 22, 12)?

Такъ сказалъ царь гостю своему, явившемуся на царскій брачный пиръ въ неприличной одеждѣ, и за такую дерзость приказалъ, связавши ему руки и ноги, выбросить его во тьму кромѣшную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Происшествіе это, о которомъ мы слышали въ нынѣчтеніомъ евангеліи, есть притча. Она изображаетъ будущую вѣчную участь тѣхъ христіанъ, которые, безъ надлежащей вѣры, безъ добрыхъ дѣлъ, думаютъ о себѣ, что заслужили царство небесное на ряду съ христіанами истинно-вѣрными и истинно-добродѣтельными.

Желательно было бы знать, кто это изъ христіанъ, съ надеждою на царство небесное; съ нѣкоторыми, быть можетъ, трудами для него, ведутъ себя такимъ образомъ, что не могутъ попасть въ царство небесное, а вмѣстѣ съ невѣрными и нераскаянными грѣшниками должны идти въ муку вѣчную? Такихъ христіанъ, къ несчастію, найти нетрудно: это—многіе изъ насъ.

Такъ, различны христіане по своему поведенію,—различна будетъ и участь христіанъ. Есть и изъ христіанъ такіе, которые какъ бы вовсе отказываются отъ царства небеснаго: они за то уже почти и не думаютъ о царствѣ небесномъ и не трудятся для его достиженія: въ церковь не ходятъ, исповѣди не знаютъ, добра никому не дѣлаютъ и, вообще, живутъ по своей волѣ подобно невѣрнымъ, не познавшимъ истиннаго Бога. Но есть изъ христіанъ много и такихъ, которые, повидимому, ищутъ царства небеснаго и трудятся для него: и ходятъ въ церковь, и исповѣдуются, и подаютъ милостыню нищимъ, и дѣлаютъ добро другимъ,—а царства небеснаго въ дѣйствительности не заслуживаютъ. Тѣмъ, конечно, и не слѣдуетъ быть въ царствѣ небесномъ; а этимъ почему бы, кажется, не быть въ немъ? Гдѣ же правосудіе, милость и любовь Божія, если такіе христіане будутъ лишены воздаянія за дѣла свои?

Нѣтъ, братія, ни одно доброе дѣло не останется безъ пользы для того, кто его сдѣлалъ, и безъ воздаянія отъ Бога, въ угожденіе Которому оно сдѣлано; но все же Богъ, будучи справедливъ и вѣдая тайны человѣческаго сердца, не сравняетъ мнимаго праведника съ праведникомъ истиннымъ. Для спасенія недостаточно одного имени и благовидности христіанина, а надобно быть христіаниномъ дѣйствительнымъ, т. е. христіаниномъ сколько по видимости, столько же и по душѣ. Быть можетъ, наша рѣдкая молитва, рѣдкая исповѣдь, рѣдкая добродѣтель очернены разными грѣхами; а черезъ это молитва потеряла достоинство молитвы, исповѣдь—достоинство исповѣди и добродѣтель—достоинство добродѣтели. Потому-то судъ Божій сперва разбираетъ, къ чему лежитъ наше сердце, куда устремлены наши желанія, и по этому уже рѣшаетъ нашу участь: *гдѣ сокровище ваше*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *тамъ будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 21). Еще не велика наша молитва предъ Богомъ, если мы одинъ разъ въ недѣлю сходимъ въ церковь и помолимся Богу, да и помолимся-то, можетъ статься, кое какъ; а остальное время въ недѣлѣ оскорбляемъ Бога грѣхами своими, порочимъ имя Его безчестною жизнію, поступаемъ противно Его волѣ, нарушаемъ Его заповѣди,—потому-что не умѣли или не хотѣли вынести изъ церкви и извлечь изъ молитвы ничего душеспасительнаго. Еще не велика наша исповѣдь, если мы разъ въ годъ разскажемъ грѣхи свои священнику, и послѣ исповѣди же во весь годъ беремся за *старыя* худыя дѣла, прибавляя къ нимъ новыя, еще худшія, еще преступнѣйшія, еще постыднѣйшія. Еще не велико наше добро, если мы подадимъ кусокъ хлѣба одному нищему, а сто человѣкъ отъ насъ страдаютъ, терпятъ раззоренье и доходятъ до нищеты. Судите, стóитъ ли того наше фальшивое благочестіе, чтобы награждать насъ за него, и чѣмъ?—царствомъ небеснымъ?

Да, братія, мы привыкли легко думать о царствѣ небесномъ,—потому-то легко и стараемся его наслѣдовать. А того не подумаемъ, что тамъ мученики, труженики и подвижники, и что намъ, не носившимъ ига Христова, даже не дотропувшимся до него, быть съ ними вмѣстѣ такъ же не кстати, какъ человѣку, *скудно и печально* одѣтому, неприлично присутствовать на царскомъ брачномъ пиру. То, что пріобрѣтается другими цѣною всѣхъ благъ земныхъ, мы думаемъ пріобрѣсть даромъ, безъ всякихъ жертвъ съ нашей стороны; чего достигли люди, трудясь денно и нощно, мы надѣемся завладѣть тѣмъ, не приложивъ никакого старанія: творя волю сатаны, мы хотимъ угодить и Богу; идя путемъ въ адъ, чаемъ попасть въ рай. Но всѣ эти мечтательныя

надежды и дерзкія ожиданія изобличаютъ въ насъ рѣшительный недостатокъ смиренія и сознанія всей нашей виновности предъ Богомъ; онѣ показываютъ, что мы приписываемъ своимъ дѣламъ небывалыя достоинства, которыя, конечно, не имѣютъ никакого значенія предъ очами Судіи-Сердцевѣдца.

Итакъ, ежели мы не перестанемъ безпрестанно измѣнять Богу; ежели все будемъ двоедушничать между Богомъ и міромъ, между добромъ и зломъ (Апок. 3, 15. 16), то адъ будетъ нашимъ неминуемымъ удѣломъ, не взирая на то, что мы крещены во имя Святой Троицы, что уста наши принимали св. Причастіе, руки наши творили крестное знаменіе, голова наша низко преклонялась предъ Богомъ и языкъ нашъ говорилъ Богу по многу и по долгу. Не мы ли, братія, не только нарушаемъ, но и забываемъ всѣ обѣты свои, которые мы, или за насъ воспріемники наши дали Богу при нашемъ крещеніи? Не мы ли худыми дѣлами своими угашаемъ въ себѣ Святаго Духа, Который снисшелъ въ насъ молитвами Церкви черезъ ея священныя таинства? Не мы ли, лобызавъ св. чашу и принявъ въ себя животворящія Тайны, предаемъ Спасителя на позоръ и страданія въ лицѣ ближнихъ нашихъ, къ которымъ мы не сохранили ни любви, ни мира? Не наши ли руки, творящія крестное знаменіе, совершаютъ дѣла, недостойныя не только христіанина, но и вообще человѣка, какъ существа разумнаго? Не наша ли голова, такъ часто и низко преклонявшаяся предъ Богомъ, гордо воздымается передъ людьми насъ слабѣйшими? Не нашъ ли языкъ, послѣ долгаго многоглаголанія предъ Богомъ, оскверняется потомъ сквернословіемъ, злословіемъ, ложью, клеветами, хуленіемъ и т. п? При такомъ образѣ нашей жизни было бы безразсудно съ нашей стороны почитать царство небесное нашимъ несомнѣннымъ достояніемъ. Нѣтъ, царство небесное уготовано только тѣмъ христіанамъ, которые послѣдуютъ Іисусу Христу и исполняютъ по мѣрѣ силъ своихъ Его спасительныя заповѣди; христіанамъ же, измѣняющимъ Христу и пребывающимъ нераскаянными, въ аду первое мѣсто, такъ-какъ они, познавши волю Господню, ея не исполнили (Лук. 12, 47). Этого ужаснаго мѣста не минуютъ и тѣ, которые во время земной жизни своей часто говорили Богу: *Господи! Господи!* но воли Господней не исполняли. Тамъ будутъ даже и такіе, которые будутъ говорить Богу: *Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили?* Но Господь объявитъ имъ: *Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе* (Матѳ. 7, 21—23)!

Не будемъ же, братія, надѣяться съ худой жизнію и съ недобрыми дѣлами достигнуть царства небеснаго. Не будемъ надмѣваться именемъ и званіемъ христіанъ, которое мы, быть можетъ, носимъ недостойно: а постараемся жизнію и дѣлами оправдать это священное званіе,—и царство небесное будетъ нашимъ несомнѣннымъ достояніемъ. Горька для насъ эта строгая правда Божія; но она изрекается намъ не для того, чтобы привести насъ въ отчаяніе и уныніе, а для того, чтобы вразумить насъ, показать намъ истинную опасность нашего положенія и побудить насъ къ покаянію и самоисправленію. Аминь.

36

ПОУЧЕНІЕ

въ шестнадцатую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Имущему вездѣ дано будетъ и преизбудетъ; отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него (Матѳ. 25, 29).

Въ житейскомъ быту всегда почти бываетъ такъ, что богатый часъ—отчасу богатѣетъ, а бѣдный часъ—отчасу бѣднѣетъ, проживая послѣднее. А въ жизни христіанской именно всегда бываетъ такъ: здѣсь *всякому имѣющему дастся и пріумножится; а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ.*

Что же это значитъ: имѣющему и еще дастся, а отъ неимѣющаго отнимется послѣднее? Это значитъ: кто въ малыхъ дарованіяхъ Божіихъ оказалъ Богу свою вѣрность, тому Богъ дастъ многое; а кто и въ маломъ Богу невѣренъ, тотъ и этого малаго лишится.

Мы христіане получили отъ Бога превосходныя дарованія, хотя многіе изъ насъ, можетъ статься, того и не чувствуютъ: развѣ мало мы имѣемъ такого, чего не имѣетъ ни одинъ нехристіанинъ? И горе намъ, если мы оказываемъ предъ Богомъ свою невѣрность въ Его превосходныхъ дарованіяхъ! Напримѣръ, Богъ очистилъ грѣхи наши крещеніемъ: соблюли ли мы чистоту свою и не возвратились ли опять ко грѣхамъ? Богъ предложилъ намъ покаяніе и обѣщалъ прощеніе грѣховъ: дорожимъ ли мы этимъ прощеніемъ Божіимъ и раскаяваемся ли въ грѣхахъ своихъ? Богъ назвалъ насъ дѣтьми Своими: обращаемся ли мы къ Нему, какъ нашему Отцу? Богъ страдалъ, пролилъ кровь Свою и припялъ

смерть для нашего спасенія: заботимся ли мы сами о томъ, чтобы намъ спастись? Богъ открылъ намъ Свою святую волю: исполняемъ ли мы ее? Онъ сказалъ намъ, что на томъ свѣтѣ ожидаетъ насъ непремѣнно одно изъ двухъ,—или рай вѣчный, или муки вѣчныя: занимаемся ли мы этими столь важными и близкими къ намъ предметами? Сколько дано намъ отъ Бога, это достаточно видно изъ самаго нашего имени христіанъ: а сколь мы невѣрны во всемъ, что намъ дано, это тотчасъ увидишь, какъ скоро заглянешь въ жизнь свою, которая отъ начала до конца вся наполнена одними грѣхами. Едва ли осталось что священное, чего бы мы не попрали: и къ самому причастію тѣла и крови Спасителя мы не разъ приступали съ холоднымъ сердцемъ, съ душой нераскаянной. Едвали осталось какое дарованіе Божіе, котораго бы мы не отвергли, не презрѣли, не бросили. Гдѣ у насъ любовь и миръ съ другими, по которымъ христіане отличаются отъ невѣрныхъ? Гдѣ наше терпѣніе, на которое мы обрекли себя еще съ младенчества, отъ самой купели св. крещенія? Ахъ, братія, прежде въ насъ не было любви и терпѣнія, и теперь мы ихъ не имѣемъ: Всѣ завѣты наши съ Богомъ нарушены, храмъ Божій—душа наша—разрушенъ, и на насъ остается одно голое имя христіанъ безъ его значенія. Молитва,—это едва сохранившееся между нами спасительное дѣло,—и та превратилась у насъ въ одни торопливые поклоны. И пость нашъ подточили подъ корень, словно черви, воля необузданная, злоба непомѣрная и вражда непримиримая. На исповѣди мы только, просто, разсказываемъ грѣхи свои священнику и даже скрываемъ тѣ изъ нихъ, которые поважнѣе и постыднѣе. Истиннаго милосердія вовсе не стало въ народѣ. Именно мы лишились послѣднихъ, повидимому, остававшихся при насъ даваній Божіихъ за то, что ни въ чемъ не показали Богу своей вѣрности.

Братія! погибнуть недолго. Нѣтъ, кажется, ничего легче, какъ грѣшить и идти въ адъ, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ спасаться и идти въ царство небесное. Какъ погибнешь,—и не увидишь: а спасающійся не разъ оглянется къ широкому и пространному пути погибели. Тѣмъ труднѣе спасеніе для насъ, которые уже далеко, далеко зашли отъ него. Побудить насъ къ существеннымъ добродѣтелямъ христіанскимъ и удержать насъ отъ грѣховъ, ведущихъ прямо въ адъ—было бы усиліемъ едва ли не напраснымъ. Напримѣръ, данная намъ Спасителемъ заповѣдь не помнить зла, не мстить за обиды, прощать и любить враговъ и т. п. кажется намъ заповѣдію странною, непонятною, ни къ чему не ведущею. Обманы, кража и пьянство и другіе подобные

смертные грѣхи представляются неискоренимыми въ нашемъ народѣ. Теперь какъ будто сохранились среди насъ три добродѣтели, отъ которыхъ мы еще не вовсе отстали: это—молитва, пость и исповѣдь. Добродѣтелей немного; но какъ было бы хорошо, если бы мы хотя въ нихъ показали свою вѣрность Богу! Да, для насъ было бы уже и то безцѣнно дорого, если бы мы молились усердно, постились воздержно, исповѣдывались съ неподдѣльнымъ раскаяніемъ. Видя нашу вѣрность въ этомъ немногомъ, Богъ посѣтилъ бы насъ Своею благодатію и повелъ бы насъ къ добродѣтелямъ совершеннѣйшимъ, которыя доводятъ наконецъ въ царство небесное. Аминь.

37

ПОУЧЕНІЕ

въ девятнадцатую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Будите милосерди, яко же и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть (Лук. 6, 36).

Люди лябятъ милосердыхъ; несчастные молятъ Бога о своихъ благотворителяхъ; всякій невольно отвѣчаетъ добромъ на добро. Если мы, будучи отъ природы злы (Мато. 7, 11), отдаемъ милосердію такую справедливость, то сколь пріятна должна быть эта добродѣтель Богу, Который Самъ милосердъ безъ конца! Потому-то Іисусъ Христосъ и заповѣдуетъ намъ: *будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ.*

Милосердіе есть добродѣтель самая возвышенная. Эта добродѣтель святитъ землю и низводитъ рай въ наше печальное жилище. Милостивый человѣкъ есть какъ-бы представитель среди людей Отца небеснаго и живой образъ Его совершенствъ: голодные находятъ у милостиваго человѣка хлѣбъ, нагіе одежду, странникъ пріютъ, сироты прибѣжище, страдальцы отраду, утѣсненные защиту, печальные утѣшеніе, несчастные помощь, порочные добрый примѣръ, неопытные благоразумный совѣтъ, заблудшіе назиданіе, враги миръ, обидчики прощеніе, друзья привѣтъ и ласку, и всѣ люди безъ исключенія сердечное участіе. За то милостивый человѣкъ имѣетъ полное сыновнее дерзновеніе къ Господу, Который Самъ милосердъ; милостивому человѣку обѣщано полное помилованіе отъ Бога въ будущемъ вѣкѣ: *блаженны милостивые*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *ибо они будутъ помилованы* (Матѳ. 5, 7).

Не думайте, будто непремѣнно надобно быть богатымъ, чтобы быть милостивымъ. Іисусъ Христосъ не имѣлъ на землѣ никакого пристанища (Матѳ. 8, 20), а между тѣмъ вся жизнь Его была исполнена дѣлъ милосердія. Двѣ лепты бѣдной вдовицы, поданныя въ даръ Богу, были оцѣнены Имъ дороже, нежели сотни и тысячи богатыхъ (Лук. 21, 1—4): слѣдовательно кусокъ хлѣба, поданный голодному отъ своей нужды и бѣдности, показываетъ больше милосердія, нежели щедрое подаяніе богатаго. Видите, сколь доступны дѣла милосердія для всякаго состоянія. И если мы имѣемъ обычай отзываться отъ дѣлъ милосердія различными предлогами,—бѣдный бѣдностью, богатый собственною нуждою въ деньгахъ и т. п., то это еще не значитъ, будто мы дѣйствительно не въ состояніи оказать милости ближнему, а значитъ только, что въ насъ жестокое сердце, неспособное къ милости. Положимъ, что бѣдный не можетъ помочь другому бѣдному; а когда къ тому же бѣдному приходитъ недругъ, почему не находитъ у него забвенія обиды и ласковаго пріема? Вѣдь подать милостыню бѣднику и простить обиду врагу—дѣло одного и того же милосердія; но жестокое сердце всегда готово на увертки, чтобы извинить свою жестокость. Нѣтъ, братія, въ комъ истинно-милостивое сердце, того ни бѣдность, ни многочисленное семейство, ни трудныя обстоятельства,—просто, ничто не удержитъ отъ дѣлъ милосердія вообще и отъ вспоможенія бѣднымъ въ частности. Кому изъ насъ случалось подавать щедрую милостыню нуждающимся и выручать бѣдныхъ въ ихъ нуждахъ, пусть скажетъ тотъ, чувствительна ли была для него потеря хлѣба, розданнаго голоднымъ, и раззорялся ли кто въ деньгахъ, ссужая ими бѣдныхъ во имя Божіе? Богъ печется о сохраненіи и благополучіи Своихъ тварей; и какъ истинно-милостивые люди раздѣляютъ съ Богомъ это попеченіе, то Богъ невидимо пополняетъ ихъ убытки для добраго дѣла и, смотря по бо́льшему или меньшему расположенію къ милости, незамѣтно посылаетъ имъ великія богатства. *Милуяй нища*, сказано въ Священномъ Писаніи, *взаимъ даетъ Богови, по даянію же его воздастся ему* (Прит. 19, 17). Только будь готовъ подавать, дѣло не станетъ изъ того, чего подавать; будь только милостивъ, Богъ пошлетъ тебѣ, кому и чѣмъ оказать милость. Были примѣры, милостивые отдавали съ себя послѣднюю одежду, лишали себя для голодныхъ всего запаса наступавшаго обѣда или ужина, однако же были одѣты, какъ прежде и не терпѣли голода*). Ежели трудно

*) Смотр. жит. св. Іоан. милост.

надѣяться на чудеса, то и Богъ не всегда посредствомъ чудесъ вознаграждаетъ раздачу бѣднымъ. Онъ можетъ сторицею уродить посѣянный тобою хлѣбъ, благословить твои работы, сдѣлать успѣшными твои дѣла, послать счастье въ торговлѣ, расположить въ помощь тебѣ на добрыя дѣла богатыхъ людей и т. п. Случается инымъ богатѣть неожиданно; что же несбыточнаго нажить богатство при благословеніи Божіемъ и не терять его, употребляя на добрыя дѣла? Милостыня и подаяніе бѣднымъ—самое вѣрное средство къ пріобрѣтенію богатства, хотя постоянно расточаемаго, но никогда не оскудѣваемаго. Кто хочетъ, пусть испытаетъ это средство,—и непремѣнно удостовѣрится, что Богъ властенъ въ нашемъ состояніи и вѣренъ Своему слову.

Не думайте также, будто для дѣлъ милосердія непремѣнно надобно быть знатнымъ и имѣть власть и начальство надъ другими людьми. Положимъ, приходитъ ко мнѣ несчастный съ жалобою на притѣсненія и обиды отъ другихъ; но какъ я могу пособить ему, когда не дана мнѣ власть судить и рядить другихъ? Такъ, я не могу защитить несчастнаго отъ людскихъ напастей; за то могу облегчить его горестную судьбу другими мѣрами, ежели я дѣйствительно милостивъ. Кто запретитъ мнѣ пособить несчастному въ его нуждахъ? Кто помѣшаетъ мнѣ по силамъ моимъ вознаградить потери и лишенія обиженнаго, не прибѣгая ни къ какимъ тяжбамъ, безъ всякихъ мщеній обидчику? И одно дружеское участіе въ горѣ—не бездѣлица; и словесное утѣшеніе для несчастнаго не маловажно. И чаша холодной воды, поданная жаждущему, не пропадетъ безъ награды (Мато. 10, 42). Нѣкоторые христіане, чувствуютъ въ себѣ такіе благородные порывы души, что готовы вступаться за чужое дѣло, какъ за свое собственное, и въ защиту другихъ дѣлаютъ все, что только внушаетъ имъ горячая любовь къ ближнему. Богъ благословляетъ такія ихъ предпріятія, и ихъ старанія защищать невинныхъ удаются иногда сверхъ всякаго человѣческаго ожиданія. Такіе люди рѣдко остаются въ низкомъ сословіи: божественное Провидѣніе незамѣтно ставитъ ихъ въ такія мѣста и въ такія обстоятельства, гдѣ они могутъ съ честію и славою совершать дѣла милосердія и любви къ ближнему.

Итакъ, если мы немилостивы и жестоки, то въ этомъ никто не виноватъ, кромѣ насъ самихъ. Не бѣдность причиною, что мы стараемся нажиться отъ чужихъ нуждъ, а наша алчность къ корысти: не тѣснота дома причиною, что мы отказываемъ прохожему въ ночлегѣ, а наше жестокое сердце: не худой урожай хлѣба мѣшаетъ намъ раздѣлить съ голоднымъ нашу скудную трапезу, а наша холодность къ чужимъ нуждамъ; не строгая справед-

вость требуетъ, чтобы мы помнили зло, мстили за обиды и ненавидѣли враговъ, а наше злое и ненавистливое сердце, съ которымъ мы первые заводимъ вражду, дѣлаемъ зло, наносимъ обиды другимъ. Для насъ христіанъ сказано въ писаніи: *какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними* (Лук. 6, 31). Вотъ правило вѣчнаго и радостнаго мира, которое изрекъ Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Счастливы христіане, которые слѣдуютъ этому правилу, не исключая изъ него ни своихъ, ни чужихъ, ни ближнихъ, ни дальнихъ, ни друзей, ни враговъ, ни вѣрныхъ, ни невѣрныхъ, отъ которыхъ всякому человѣку радушный привѣтъ и сердечная ласка. Съ такими людьми пріятно жить, какъ съ ангелами. Ихъ не могутъ не благословлять люди самые злые, самые неблагодарные: что сказать о благословеніи Божіемъ?

Двери въ царство небесное суть двери милосердія. Ими прошелъ къ намъ оттуда Сынъ Божій, и ими же входятъ туда люди. Судъ Божій *огнемъ открывается*, какъ сказано въ Священномъ Писаніи (1 Кор. 3, 13). Въ этомъ огнѣ сгараютъ многія дѣла человѣческія: противъ него не устаиваютъ постъ, молитва, набожность, благочестіе, вѣра, чудотвореніе (Мато. 7, 22. 23. 1 Кор. 13, 1—3); но дѣла истиннаго, христіанскаго милосердія остаются цѣлыми и невредимыми. Многіе грѣшники во всемъ будутъ осуждены въ будущемъ вѣкѣ, и будутъ помилованы единственно за то, что сами были милостивы къ другимъ (Матѳ. 5, 7). Итакъ будемъ милосердыми, и Богъ, извѣстными Ему судьбами, непремѣнно устроитъ наше спасеніе. Истинно-милосердому христіанину невозможно погибнуть также, какъ легкому дереву нельзя потонуть въ водѣ. Аминь.

38

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ТУ ЖЕ НЕДѢЛЮ.

Яко же хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде (Лук. 6, 31).

Чудное дѣло! Мы вѣкъ ищемъ познать волю Божію; вѣкъ спрашиваемъ: какъ спастись?—а между тѣмъ все спасеніе наше состоитъ въ исполненіи самой простой и понятной заповѣди Божіей: *поступать съ людьми также, какъ хотимъ, чтобы лю-*

ди поступали съ нами. Впрочемъ, если внимательнѣе вникнуть въ эту заповѣдь, она покажется не такою, какою кажется съ перваго взгляда. Эту заповѣдь легко сказать на словахъ, но не такъ легко грѣшному человѣку исполнить на дѣлѣ. Заповѣдь простая, но великая. Ежели я поступаю съ людьми также, какъ мнѣ желательно, чтобы со мной поступали люди, могу ли тогда быть, напр., немилостивымъ и жестокимъ? Нѣтъ, я самъ не желаю, чтобы люди были ко мнѣ немилостивы и жестоки. Могу ли быть тогда воромъ? Нѣтъ, я самъ не желаю, чтобы меня обкрадывали. Могу ли быть мздоимцикомъ, притѣснителемъ, неправеднымъ судьей? Нѣтъ, мнѣ самому желательно, чтобы съ меня не брали лишняго, чтобы не нарушали моей свободы, оказывали мнѣ судъ справедливый. Могу ли тогда посягнуть на чужую жизнь и на чужое счастіе? нѣтъ я знаю по себѣ, какъ всякому мила жизнь и дорого счастіе. Я одобряю въ людяхъ трезвость,—стало быть, и самъ не долженъ быть пьяницей: я гнушаюсь въ другихъ осквернепіемъ тѣлеснымъ,—стало быть, и самъ долженъ быть цѣломудреннымъ. Я люблю, если меня уважаютъ и хорошо обо мнѣ отзываются; мнѣ нравится, когда меня за мои обиды прощаютъ и къ моимъ ошибкамъ снисходятъ: слѣдовательно и самъ я долженъ уважать другихъ, прощать нанесенныя мнѣ обиды и снисходить къ чужимъ ошибкамъ. Просто сказать, ежели я поступаю съ другими людьми также, какъ мнѣ хочется, чтобы поступали со мной люди, тогда я уже не могу быть ни злымъ, ни гнѣвливымъ, ни мстительнымъ, ни гордецомъ, ни завистникомъ, ни угодникомъ своихъ страстей: тогда я истинно буду смотрѣть на другихъ людей, какъ на самого себя.

Скажите же, какой еще добродѣтели недостаетъ тому человѣку, который видитъ въ другихъ самого себя и обращается съ ними, какъ съ самимъ собою? Онъ все сдѣлалъ, все исполнилъ, нѣтъ такой заповѣди Божіей, которая миновала бы его исполненія. Такой человѣкъ есть истинно живое изображеніе на землѣ Самого Бога, по заповѣди Спасителя: *будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ небесный милосердъ* (Лук. 6, 36). Правда, есть заповѣди, повидимому, и кромѣ любви къ людямъ; есть правила, повидимому, и кромѣ милосердія къ другимъ. Напр., какъ будто не для людей мы молимся, не для другихъ постимся; нашъ ближній, повидимому, не получаетъ никакой пользы, когда мы ходимъ въ церковь, каемся въ грѣхахъ своихъ, причащаемся св. Таинъ и т. п. Но думаете ли, братія, чтобы можно было молиться, поститься, каяться и причащаться, не любя другихъ? Нѣтъ, ежели мы не любимъ другихъ, какъ самихъ себя, то и Богъ не воз-

любитъ насъ и не приметъ отъ насъ никакой жертвы. Стало быть, безъ любви къ людямъ и молитва напрасна, и постъ безполезенъ, и покаяніе недѣйствительно; самое даже св. Причастіе послужитъ намъ безъ любви къ людямъ только въ бо̀льшее осужденіе. Все хорошо только съ любовію и милосердіемъ. Любя тварь, носящую образъ Божій, этимъ самымъ мы доказываемъ нашу любовь и къ Самому Творцу; щадя и уважая человѣка, этимъ самымъ мы оказываемъ уваженіе и къ Спасителю, Который не пощадилъ за насъ Своей жизни. Недаромъ всякое добро, сдѣланное нами человѣку, Спаситель относитъ къ Себѣ, какъ будто бы оно было оказано именно Ему Самому: *поелику*, говоритъ Онъ, *вы сдѣлали сіе одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали* (Матѳ. 25, 40). Такимъ образомъ, нѣтъ отъ насъ добра другимъ, нѣтъ и нашей добродѣтели предъ Богомъ.—Самыя жертвы наши Богу непремѣнно должны быть добромъ для людей; иначе онѣ лишены внутренняго достоинства и Богомъ не будутъ приняты. Кто молится, постится, кается и причащается св. Таинъ единственно для себя, забывая о всѣхъ другихъ людяхъ, тотъ самолюбивъ, нелюбовенъ и Богу не угоденъ. Угодный Богу человѣкъ молится сколько о себѣ, столько же и о другихъ; постится не для того, чтобы безъ пользы изнурить свое тѣло, а чтобы оно изнуренное не склоняло насъ къ самоугожденію и не мѣшало милосердію и благотворенію другимъ; кается не для того, чтобы только открыть предъ Богомъ Ему уже извѣстное, а чтобы, признавшись Ему во всѣхъ слабостяхъ и порокахъ, тѣмъ удобнѣе сокрушить свою гордость, разсѣять помыслы о своихъ достоинствахъ и твердою ногою стать на путь строгой добродѣтели и безкорыстной любви къ людямъ; причащается св. Таинъ для того, чтобы, соединившись со Христомъ, соединиться и со всѣми Его членами,—члены же Христовы суть всѣ люди, искупленные Его кровію. Причащаясь изъ общей чаши спасенія, мы обязуемся хранить ко всѣмъ людямъ любовь нелицемѣрную. Итакъ есть ли еще какая христіанская добродѣтель, въ которой не заключалось бы любви къ людямъ?

Братія! Всегда смотрите на людей, какъ на существа вамъ подобныя и равныя по всѣмъ достоинствамъ; обращайтесь съ ними такъ, какъ бы это были вы сами: любите ихъ, какъ свою душу. Любите не только тѣхъ, которые васъ любятъ, и имѣйте дружество не съ одними друзьями. Любить любящихъ насъ и имѣть дружество съ одними друзьями—дѣло еще не великое. Вотъ дѣла истинно великія и Богу угодныя: *любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинающихъ*

васъ и молитесь за обижающихъ васъ (Лук. 6, 27. 28). Возьмите примѣръ со Спасителя. Онъ пострадалъ и принялъ смерть за всѣхъ людей безъ различія: и за друзей и за враговъ, за своихъ и за чужихъ, за вѣрныхъ и за невѣрныхъ. По Его примѣру и мы, братія, будетъ творить добро и друзьямъ и врагамъ, и своимъ и чужимъ, и ближнимъ и дальнимъ, и вѣрнымъ и невѣрнымъ. Уже такова заповѣдь Господня, чтобы мы любили всѣхъ и всегда. И намъ должно быть хорошо извѣстно, что не спастись тому, кто нарушаетъ Господню заповѣдь. Аминь.

39

ПОУЧЕНІЕ

въ двадцать первую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Іисусъ Христосъ часто говорилъ притчами, которыя вообще были въ родѣ загадокъ. Разъ Онъ разсказалъ слушающимъ слѣдующую *притчу*. *Одинъ человѣкъ сѣялъ сѣмена. Во время сѣянія одни сѣмена пали на дорогу, гдѣ были потоптаны прохожими и поклеваны птицами; другія сѣмена попали на каменистую землю, гдѣ хотя и взошли, но скоро посохли; нѣкоторыя попали въ дурную траву, которая скоро заглушила ихъ; а нѣкоторыя на хорошую землю, гдѣ выросли и принесли обильный плодъ.*

Сѣющій человѣкъ въ этой притчѣ означаетъ Іисуса Христа, а сѣмя значитъ слово Божіе. Сѣмена, упавшія на дорогу, означаютъ людей, которые внимательно слушаютъ слово Божіе; но тотчасъ приходитъ къ нимъ діаволъ и похищаетъ слово Божіе изъ ихъ сердца. Сѣмена, упавшія на каменистую землю, означаютъ людей, которые, слушая слово Божіе, съ радостію принимаютъ его; но не имѣя къ Богу достаточной любви, въ одно время держатся Его, а въ другое отпадаютъ, смотря потому, хорошо или худо имъ отъ того на семъ свѣтѣ. Сѣмена, попавшія въ дурную траву, означаютъ людей, въ которыхъ слово Божіе заглушается житейскими заботами, богатствомъ и разными удовольствіями жизни. Сѣмена, попавшія на хорошую землю, означаютъ людей, имѣющихъ добрую душу, которые разъ услышавъ слово Божіе, во всю жизнь его держатся и его уже не нарушаютъ (Лук. 8, 5—15).

Итакъ вотъ отчего часто пропадаетъ въ насъ безплодно слово Божіе, не смотря на то, что мы съ словомъ Божіимъ родились, съ словомъ Божіимъ выросли, съ словомъ Божіимъ живемъ.

съ словомъ Божіимъ пойдемъ и на тотъ свѣтъ. Сколько разъ каждый изъ насъ бывалъ въ церкви; сколько хорошаго, назидательнаго и душеспасительнаго мы слышали, стоя здѣсь передъ Богомъ; сколько разъ было прочитано намъ св. евангеліе и другія книги Священнаго Писанія,—но все напрасно: ссоры между нами не уменьшаются, злоба снѣдаетъ насъ по прежнему, распутные не исправляются, воры продолжаютъ свое гнусное ремесло, пьяницы не остепеняются, злоязычные не унимаются, и многіе изъ насъ продолжаютъ жить такъ, какъ будто слова Божія никогда не слыхали.

Первая причина такой холодности нашей къ слову Божію, по притчѣ Іисуса Христа, есть діаволъ. И точно, у діавола только и дѣла, только и заботы, какъ бы воспрепятствовать нашему спасенію. Впрочемъ надобно знать, что діаволъ ничего не можетъ сдѣлать съ нами такого, чего мы сами не захотимъ; онъ ни къ чему не можетъ насъ принудить. Онъ впушаетъ намъ худые помыслы, склоняетъ насъ ко всякимъ худымъ дѣламъ; но мы всегда вольны послушаться его, или не послушаться. Осторожный и истинно набожный христіанинъ никогда не дастъ діаволу надъ собой власти; а кто отдался ему безъ сопротивленія, оставилъ душу свою безъ вниманія, не озирается на себя и не наблюдаетъ за своими поступками, тому чего ждать хорошаго? Стало быть, тѣ люди очень ошибаются, которые всякій содѣянный ими грѣхъ складываютъ на діавола, стараясь сами въ грѣхахъ оправдаться. Ни слова о томъ, что діаволъ участвуетъ въ нашихъ грѣхахъ, но не болѣе, какъ совѣтомъ, внушеніемъ, наущеніемъ, а не принужденіемъ. Отъ его участія въ нашихъ грѣхахъ нисколько не уменьшается наша собственная виновность въ нихъ: мы сами чувствуемъ, что на каждый совершенный нами грѣхъ была наша полная воля. Діавола Богъ уже судилъ и осудилъ на вѣки: и мы не минуемъ его участи, когда соглашаемся, иногда даже съ какою-то радостію, жить по діавольской волѣ. Послѣдуя всегда діаволу въ здѣшней жизни, и на томъ свѣтѣ мы съ нимъ не разстанемся и вмѣстѣ съ нимъ будемъ терпѣть нескончаемыя мученія. Чтобы избавиться отъ такого бѣдствія, будемъ, братія, слушать слово Божіе чаще и внимательнѣе, сперва, можетъ статься, съ принужденіемъ для самихъ себя, потомъ съ охотою, наконецъ съ признаками благодати; этимъ способомъ мы оградимъ душу свою отъ діавольскихъ нападеній, такъ что діаволъ къ намъ и не подступится. Онъ обыкновенно подступается и входитъ только въ тѣхъ людей, въ которыхъ видитъ для себя жилище праздное, выметенное и украшенное (Матѳ. 12, 44).

Итакъ, если мы грѣшимъ и гибнемъ, такъ грѣшимъ и гибнемъ не столько отъ діавола, сколько отъ самихъ себя. Сердце у многихъ изъ насъ подобно камню, на который хотя и падаетъ слово Божіе, но остается безъ дѣйствія. Слово Божіе мы слушаемъ, и слушаемъ съ радостію; только худо его исполняемъ. Нельзя сказать, чтобы мы не имѣли желанія спастись,—нѣтъ, мы желаемъ спастись и желаемъ столько, что, кажется, ничего не пожалѣли бы для спасенія; но мы все только хотимъ, все только намѣреваемся, а на дѣлѣ за спасеніе не принимаемся. Иной человѣкъ все добръ, все хорошъ, все усерденъ къ Богу; но приди недобрый часъ, случись соблазнительное обстоятельство,—и доброта пропала, и усердія какъ не бывало. Отчего же это? Оттого, что нѣтъ въ насъ твердой приверженности къ Богу: слово Божіе коснулось нашей души, но въ ней не укоренилось; заповѣди Божіей мы повѣрили, но ея не полюбили. Съ такимъ холоднымъ сердцемъ я люблю людей, пока не вижу отъ нихъ никакихъ себѣ непріятностей; но скажи мнѣ кто обидное слово,—и самый лучшій другъ становится моимъ врагомъ. Я все молюсь Богу; но позови кто меня на прибытокъ, на пиръ, на удовольствіе, я оставляю молитву и бѣгу. Я всѣмъ дѣлаю добро; но приди ко мнѣ нужда,—и я вдругъ *перемѣняюсь: начинаю обижать другихъ*, притѣснять, творить неправду, поступать противъ совѣсти и т. п.

Іисусъ Христосъ упоминаетъ еще о заботахъ, о богатствѣ, о житейскихъ удовольствіяхъ, которыя заглушаютъ въ насъ слово Божіе и дѣлаютъ его для насъ безплоднымъ. Ахъ, сколько препятствій нашему спасенію! Только не отъ насъ ли самихъ всѣ эти препятствія? Дѣйствительно, никто столько не препятствуетъ нашему спасенію, какъ мы сами; мы сами себѣ въ этомъ случаѣ первые враги. Всякое нужное дѣло исправляется нами безъ дальняго отлагательства; одно спасеніе откладывается день за день, годъ за годъ, отъ молодости до старости, отъ старости до послѣдняго вздоха. Молодой еще не довольно навеселился, не довольно насладился жизнію, чтобы по внушенію слова Божія рѣшительно приняться за спасеніе, какъ будто на долю спасенія нѣтъ ни одной радости, ни одного наслажденія, какъ будто спасеніе есть состояніе безотрадное. Старикъ еще не устроилъ дѣлъ своихъ, не заготовился на черный день, не пристроилъ дѣтей; еще не удовольствовался самъ пріятностями жизни. Бѣдный не поправилъ еще своего состоянія; а богатый еще не столько нажился, сколько бы ему хотѣлось. У всякаго человѣка есть свои дѣла, свои занятія, свои желанія, которыя мы не умѣемъ, или, вѣрнѣе, не хотимъ уладить съ однимъ главнымъ дѣломъ—съ спасеніемъ ду-

ши Вѣчная забота! Безпрестанные хлопоты! Именно одна смерть положитъ конецъ всѣмъ этимъ суетамъ нашей жизни; одна смерть напомнитъ намъ, и напомнитъ поздно, что въ насъ есть душа, неготовая явиться на страшный судъ Божій.

Ахъ, братія, не спастись намъ никогда, если мы будемъ все жить такъ, какъ живемъ теперь. Кто живетъ и дѣйствуетъ по внушенію діавола, тотъ съ нимъ вмѣстѣ и погибнетъ на вѣки. Кто не возлюбилъ Бога отъ всей души и сердца своего не предалъ Его святому слову, тотъ не придетъ къ Богу; тотъ не выстоитъ и противъ малаго искушенія, не вынесетъ и легкой напасти. Кто предпочитаетъ спасенію земныя дѣла и въ заботахъ житейскихъ забываетъ о нуждахъ своей души, тотъ такъ и кончитъ жизнь свою съ житейскими заботами, ничего не приготовивши для души: надежда на спасеніе не сбудется, душа не сподобится царства небеснаго. Думаете ли, чтобы царство небесное достигалось кое-какъ, безъ трудовъ, безъ усилій? Нѣтъ, *царство небесное*, по словамъ Іисуса Христа, *силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его* (Мато. 11, 12). Будемъ же почитать спасеніе дѣломъ самымъ важнѣйшимъ на землѣ, не терпящимъ никакого отлагательства; будемъ непрестанно помнить и чувствовать, что въ насъ есть душа, которой не минуемо явиться на судъ Божій. Каждую минуту будемъ стараться что нибудь запасти на будущую безконечно долгую жизнь: въ такомъ случаѣ мы будемъ истинно на пути спасенія. Къ добрымъ дѣламъ мы тогда привыкнемъ; всѣ діавольскія козни будутъ разбиваться объ насъ, какъ о камень; страшный судъ будетъ казаться намъ столь близкимъ, точно быть ему завтрашній день. А главное дѣло, надобно стараться, чтобы сердце наше было искренно привязано Богу. Аминь.

40

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ТУЖЕ НЕДѢЛЮ.

Аще яже разорихъ, сія паки созидаю, преступника себе представляю (Галат. 2, 18).

Эти слова св. апостола Павла, въ приложеніи къ намъ, означаютъ слѣдующее: если я, отказавшись отъ нечестивой и грѣховной жизни, опять принимаюсь за нечестіе и грѣхи, то я удали-

юсь отъ Іисуса Христа, и становлюсь преступникомъ Его заповѣдей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій грѣхъ въ христіанинѣ есть измѣна Спасителю, преступное нарушеніе христіанскихъ обѣтовъ и ведетъ христіанина къ погибели, навлекая на него праведный гнѣвъ Божій. Іисусъ Христосъ для того приходилъ въ міръ, для того принималъ страданія и смерть, чтобы сдѣлать насъ праведниками, а не грѣшниками. Грѣшникамъ назначено извѣстное мѣсто—адъ; а въ царствѣ небесномъ только и могутъ быть, что одни праведники.

Не взирая на то, что Богъ отвращается отъ всякаго грѣха, лукавые и грѣхолюбивые люди выдумали и пустили въ свѣтъ самое гнусное присловіе: «не согрѣша, не умолишь», т. е. будто непремѣнно надобно согрѣшить, иначе не о чемъ было бы умолять Бога. Самъ діаволъ едва ли выдумаетъ что ужаснѣе на пагубу людей. И добро бы некрещенные вѣрили этому присловію, добро бы слѣдовали ему одни раскольники, которые отреклись отъ истины,—а то вѣритъ ему большая часть православныхъ христіанъ.

И съ чего, подумаешь, взяли, будто, не согрѣша, не умолишь? Мы вѣримъ закону Божію, но въ немъ нѣтъ и не можетъ быть такого ужаснаго правила; мы вѣримъ Священному Писанію, но оно нисколько не потворствуетъ нашимъ грѣхамъ, а напротивъ, строго запрещаетъ всякій грѣхъ, и еще съ угрозою вѣчнаго наказанія. Самый законъ гражданскій не даетъ потачки ни одному худому дѣлу. Какъ же мы можемъ сказать: «не согрѣша, не умолишь»? Укажите хоть одного человѣка, который бы умолилъ Бога этимъ страннымъ способомъ; который бы спасся, слѣдуя этому безсмысленному правилу! Много спаслось благочестивыхъ людей: много праведниковъ вошло въ рай; но никто изъ нихъ и ни въ какихъ случаяхъ не почиталъ себѣ за правило грѣшить, а напротивъ, всѣ они, по мѣрѣ силъ своихъ, удалялись отъ грѣховъ и всячески старались явиться къ Богу на молитву, *не сотворивъ* ни одного грѣха. Прочитайте житія святыхъ, и вы увидите, что нигдѣ и никогда не бывало у нихъ въ употребленіи такого правила: «не согрѣша, не умолишь».

Странное дѣло—грѣшить изъ того, чтобы было о чемъ молиться Богу. Ужели въ самомъ дѣлѣ молитва Богу не можетъ обойтись безъ грѣха? Какъ будто и можно молиться Богу однимъ только грѣшникамъ, а праведникамъ будто и не надобно молиться, будто имъ не въ чемъ умолять Бога. Молилась Богу Божія матерь, хотя была непорочна и безгрѣшна; Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ обращался съ молитвой къ Отцу небесному, хотя

Онъ и Сынъ Божій. Знаете ли, что такое молитва? Молитва есть бесѣда человѣка съ Богомъ. Тутъ человѣкъ приближается къ Богу, открывая Ему всѣ тайны своей души и своего сердца. Скорби ли отягчаютъ человѣка, онъ проситъ у Бога помощи къ терпѣнію; нужды ли какія постигаютъ его, онъ умоляетъ Бога о ихъ исправленіи; грѣхъ ли какой одолѣваетъ его, онъ проситъ у Бога защиты отъ козней діавольскихъ; совѣсть ли безпокоитъ его за содѣянные грѣхи, онъ кается въ нихъ Богу и умоляетъ о прощеніи. Для чего же именно нуженъ грѣхъ передъ молитвой? Ежели ты не знаешь за собой грѣховъ собственныхъ, молись Богу о прощеніи чужихъ грѣховъ; ежели тебя самого не постигаетъ никакая нужда, проси у Бога помощи для другихъ; ежели ты чувствуешь въ себѣ присутствіе Св. Духа, умоляй Его, чтобы Онъ сошелъ и на твоихъ домашнихъ, и на твоихъ родныхъ, и на твоихъ сосѣдей, и на твоихъ единовѣрцевъ, и на твоихъ соотечественниковъ, и на весь человѣческій родъ. Вѣдь ты не одинъ въ мірѣ, чтобы заниматься однимъ собою, чтобы заботиться о спасеніи только своей собственной души. Намъ велѣно любить другихъ, какъ себя; велѣно творить добро и врагамъ, молиться и за своихъ обидчиковъ (Лук. 6, 28). Стало быть, было бы только наше желаніе помолиться Богу, дѣло не станетъ изъ-за того, о чемъ молиться. Да и не отраднѣе ли человѣку явиться передъ Богомъ на молитву съ душой наименѣе порочной и съ сердцемъ наименѣе развратившимся, нежели нагрѣшившись до пресыщенія и насквернившись до отвращенія? Вѣдь на молитвѣ передъ Богомъ человѣкъ стоитъ, какъ на страшномъ судѣ: какое же сравненіе, —добрыя ли дѣла принести съ собою Богу, или худыя?

Да и что такое мы за особенныя существа, что не найдемъ, о чемъ молиться Богу, и даже считаемъ себѣ за нужное согрѣшить, чтобы показать въ себѣ человѣческую слабость и не быть исключенными изъ числа обыкновенныхъ грѣшниковъ? Ежели намъ дѣйствительно, по такимъ уродливымъ понятіямъ, не грѣша, не о чемъ молиться Богу, значитъ мы рѣшительно безгрѣшны. Въ писаніи сказано: *нѣтъ человѣка, который бы не согрѣшилъ* (3. Цар. 8, 46); *если скажемъ, что мы не имѣемъ грѣха, себя прельщаемъ, и истины нѣтъ въ насъ* (1. Іоан. 1, 8),—должно быть, мы составляемъ счастливое исключеніе въ человѣческомъ родѣ и не подходимъ подъ общія правила; должно быть, мы одни чисты и непорочны, хотя прожили на семъ грѣшномъ свѣтѣ кто 20 лѣтъ, кто 30, кто 70 и т. д. Всѣ извѣстные намъ святые признавали себя передъ Богомъ и людьми грѣшниками,—должно быть, мы одни на свѣтѣ праведники, не знающіе за собой ни-

какихъ грѣховъ, такъ что считаемъ за нужное нарочно согрѣшить, чтобы намъ было о чемъ умолять Бога. Мы считаемъ нужнымъ согрѣшить, чтобы было о чемъ умолять Бога,—«не согрѣша, дескать, не умолишь»; да развѣ мало мы нагрѣшили въ свою жизнь? Гдѣ злоба и ненависть, какъ не между нами? Гдѣ ябеды, клеветы и предательство ближняго, какъ не среди насъ? Гдѣ пьянство и воровство, какъ не у насъ? Гдѣ распутство, какъ не здѣсь? Самая земля стонетъ отъ тяжести грѣховъ нашихъ, и самое солнце готово затьмиться, чтобы не видѣть срамныхъ и постыднѣйшихъ дѣлъ, какія у насъ совершаются. Есть ли люди насъ грѣшнѣе? Да, мы, кажется, столь грѣшны, что сотни и тысячи лѣтъ покаянія и молитвы недостаточны для заглажденія грѣховъ нашихъ, если не подоспѣетъ къ намъ божественная всепрощающая благодать; и намъ ли надобно еще согрѣшить, чтобы было о чемъ умолять Бога?

Ахъ, сколь завлекательны правила, подобныя тому, какъ «не согрѣша, не умолишь»! Какъ охотно предается имъ слабое, поползновенное ко грѣху человѣческое сердце! Но, братія, берегитесь вѣрить такимъ правиламъ, чтобы не потерять души своей! Зажмите уши, чтобы не слышать этого вкрадчиваго демонскаго шептанія: «не согрѣша, не умолишь»! Грѣшить и молиться—это все равно, что безпрестанно ломать домъ, и опять его строить: или каждый разъ сперва кинуть грязью въ начальника, и потомъ воздать ему подобающее почтеніе. Довольно вчерашняго дня, чтобы пролакать передъ Богомъ весь день нынѣшній. Мы и такъ уже на самомъ краю пропасти; и нужно ли сдѣлать еще шагъ, чтобы погибнуть невозвратно? Нѣтъ, братія! не о томъ мы должны думать, какъ бы согрѣшить: а о томъ, какъ бы освободиться отъ грѣховъ, въ которыхъ мы и безъ того погрязли, будто въ тинѣ болотной. Аминь.

41

ПОУЧЕНІЕ

въ двадцать третію недѣлю по Пятдесятницѣ.

И моляху Его (бѣси), да не повелитъ имъ въ бездну ити (Лук. 8, 31).

Вотъ и бѣсы умоляютъ Іисуса Христа, чтобы Онъ не посылалъ ихъ въ бездну. И Спаситель, изгнавъ ихъ изъ человѣка,

вмѣсто бездны послалъ ихъ въ свиней, въ которыхъ они и вошли по повелѣнію Спасителя.

Итакъ видите, что діаволы совершенно покорны власти Божіей. Что они ни дѣлаютъ, все дѣлаютъ не по самовластію, а по попущенію Божію. Чего не позволитъ имъ Богъ, того они не могутъ и сдѣлать; а что повелитъ имъ, они должны исполнить то неминуемо. Вотъ Іисусъ Христосъ повелѣваетъ діаволамъ выйти изъ человѣка, и діаволы оставляютъ свое любимое мѣсто: повелѣваетъ войти въ свиней, и діаволы входятъ въ свиней, сколь ни противенъ имъ такой переходъ.

А у насъ вошло въ обычай всѣ грѣхи свои складывать на діавола, какъ будто въ грѣхахъ нашихъ мы ужъ и не участники. Въ чемъ мы ни провинились, во всемъ этомъ, по нашему мнѣнію, виноватъ діаволъ; что мы ни сдѣлали худаго, все это сдѣлалъ бѣсъ. Мнѣ и на умъ не пришло бы поступить такъ, если бы не смутилъ діаволъ; у меня и намѣренія не было бы этого сдѣлать, если бы не внушилъ мнѣ злой духъ; врагъ и горами качаетъ: могли же и слабый человѣкъ ему противиться?—такъ обыкновенно говоритъ въ свое оправданіе грѣшникъ и злодѣй, по совершеніи грѣха и злодѣянія. Но справедливо ли мы складываемъ всѣ наши худыя дѣла на діавола и себя въ нихъ оправдываемъ?

Это правда, что діаволъ есть первый врагъ человѣческаго рода; у него только и дѣла, чтобы склонять людей на грѣхъ и души ихъ вести къ погибели. По словамъ Священнаго Писанія, *противникъ нашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1. Петр. 5, 8). Но слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ грѣхахъ нашихъ падаетъ вина на діавола, а не на насъ? Нѣтъ, братія, во всякомъ грѣхѣ, содѣянномъ нами, мы виновны вполнѣ, и участіе діавола, если оно дѣйствительно есть, нисколько не послужитъ къ нашему оправданію. Діаволъ не принуждалъ насъ ко грѣху, а только смущалъ насъ на грѣхъ, насъ къ грѣху уговаривалъ. Мы сами чувствуемъ, что мы вольны были при всѣхъ діавольскихъ внушеніяхъ грѣшить, или не грѣшить,—и однако согрѣшили; въ нашей власти было поступить такъ, или иначе,—и однако мы поступили именно такъ, а не иначе. Какая необходимость была, напр., этому человѣку красть, этому пьянствовать, этому удаляться отъ церкви, этому вдаваться въ распутство и т. п? На то была у каждаго своя полная воля и собственное желаніе; каждый дѣлаетъ то, чего бы могъ не сдѣлать, если бы не захотѣлъ.

Когда діаволъ влечетъ и склоняетъ насъ на худыя дѣла, въ

тоже самое время Богъ и нашъ ангелъ-хранитель удерживаютъ насъ отъ такихъ дѣлъ и склоняютъ насъ на дѣла добрыя. Голосъ добра для насъ также ясенъ и чувствителенъ, какъ и голосъ зла; только мы меньше его слушаемъ, потому что къ добру меньше расположены. Іисусъ Христосъ находится при насъ безотлучно: *се стою у двери, и стучу*, говоритъ Онъ устами тайновидца Іоанна Богослова; *если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною* (Апок. 3, 20). Ежели Іисусъ Христосъ не входитъ въ насъ, то только потому, что мы сами не желаемъ имѣть Его въ себѣ. Такимъ образомъ мы находимся между тьмой и свѣтомъ, между зломъ и добромъ, между погибелью и спасеніемъ,—и наша полная воля обратиться въ ту или другую сторону. Какъ же діавольскія смущенія могутъ облегчить нашу виновность въ содѣянныхъ нами грѣхахъ, когда съ другой стороны насъ удерживали отъ грѣховъ Самъ Богъ и Его небесныя силы? Почему же мы послушали не Бога, а нашего врага—діавола? Почему мы слѣдовали не добрымъ внушеніямъ, а худымъ? На то была наша добрая воля, и мы виновны во всѣхъ худыхъ дѣлахъ нашихъ, не имѣя никакихъ оправданій. Приписывая добрыя дѣла наши самимъ себѣ, а худыя складывая на діавола, мы выказываемъ этимъ въ себѣ одну лишь гордость и обличаемъ душу, неспособную къ покаянію; *но Богъ разсудитъ насъ по всей справедливости и воздастъ каждому изъ насъ по дѣламъ его.*

Братія! діаволу того-то и хочется, чтобы мы всѣ грѣхи свои складывали на него, а себя считали какъ-бы его невольниками; этимъ онъ выигрываетъ отъ насъ очень многое. Если мы дѣйствительно творимъ грѣхи противъ нашей воли по принужденію отъ діавола, стало быть грѣхи для насъ неизбѣжны, и противиться имъ мы не имѣемъ возможности. А это ведетъ насъ къ отчаянію и удаляетъ отъ насъ отрадную мысль о чистомъ покаяніи и исправленіи души, чего діаволу всегда и хочется. Въ этомъ пагубномъ отчаяніи мы теряемъ силы бороться съ грѣхомъ и творить добрыя дѣла. И удѣлъ нашъ—удѣлъ самый горькій: на семъ свѣтѣ ждать и страшиться будущихъ безконечныхъ мученій, а на томъ свѣтѣ дѣйствительно мучиться безъ конца. Вообще, вѣрованіе въ непобѣдимую силу діавола есть для христіанина вѣрованіе самое жалкое и несчастное.

Подумайте, не въ состояніи ли былъ бы Богъ, Творецъ и Владыка всей вселенной, принудить насъ дѣлать одно добро и не творить зла? Однакоже Онъ не дѣлаетъ этого съ нами, иначе не могло бы быть на свѣтѣ истинной добродѣтели. Если Самъ Богъ

не дѣлаетъ намъ никакихъ принужденій, можетъ ли принудить насъ ко грѣху діаволъ, который, какъ и всякая тварь во вселенной, находится въ полной власти Божіей? Кто, кромѣ одного Бога, можетъ отнять отъ насъ даръ Божій—свободу, отличающій насъ отъ всѣхъ видимыхъ тварей во вселенной? Есть христіане, постоянной добродѣтели и благочестія которыхъ не могутъ поколебать ни всѣ козни діавола, ни всѣ соблазны міра, ни всѣ влеченія страстной плоти, ни страданія, ни самая смерть. И мы, кажется, увѣрены, что Богъ ко всѣмъ людямъ одинаково щедръ и благъ, и никто изъ насъ не получилъ отъ Него ничего такого, чего бы не досталось другому: если могли спастись нѣкоторые люди, значитъ могутъ спастись и всѣ, если искренно того пожелаютъ.

Подавите же, братія, въ себѣ пагубное вѣрованіе въ неотвратимую силу діавола; разстаньтесь съ несчастнымъ обычаемъ складывать всѣ наши грѣхи на діавола и почитать ихъ для себя неизбѣжными: это заблужденіе наше только и значитъ, что намъ до крайности жаль разстаться съ грѣхами и съ своевольною жизнію, которые мы полюбили отъ души. Пріучите себя смотрѣть на этотъ предметъ совсѣмъ иными глазами; не почитайте себя неизбѣжными жертвами діавола и вѣчныхъ мукъ; не покидайте утѣшительной надежды на спасеніе, или покрайней-мѣрѣ на возможность спасенія. Ощутите въ себѣ свободу, данную Самимъ Богомъ, чѣмъ вы возвыситесь въ вашихъ собственныхъ глазахъ и почувствуете въ себѣ силу бороться съ грѣхами. Иначе потокъ нечестія и разврата увлечетъ васъ къ погибели, уже дѣйствительно неизбѣжной. Аминь.

42

ПОУЧЕНІЕ

въ двадцать осьмую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Мнози суть звани, мало же избранныхъ (Лук. 14, 24).

Это сказано Іисусомъ Христомъ въ притчѣ о царствѣ небесномъ и значитъ, что званныхъ въ царство небесное много, а избранныхъ мало; что для всѣхъ отверсты райскія врата, только немного отыскивается такихъ, которые ими входятъ въ рай.

Если бы сказано было, что немногіе не войдутъ въ царство

небесное, это было бы очень жалко, но не такъ страшно; а какъ сказано, что немногіе войдутъ туда, это по истинѣ жалко за другихъ и страшно за себя. Нетрудно быть въ числѣ многихъ; но быть въ числѣ немногихъ очень трудно. Намъ ли быть въ числѣ немногихъ спасающихся, когда мы живемъ одинаково со многими, грѣшимъ на равнѣ съ другими или еще больше другихъ, ведемъ себя никого не лучше и, стало быть, должны ожидать участи многихъ, не входящихъ въ царство небесное?

Еще не такъ жалко погибели тѣхъ, которые сами себя обрекли на погибель, которые, повидимому, уже на то и живутъ, чтобы быть въ аду; но какъ горько лишиться доли праведниковъ тѣмъ, которые сколько нибудь трудятся для спасенія души своей и для угожденія Богу! Какъ горько съ надеждою на рай попасть на мѣсто вѣчныхъ мученій! Жалко, безмѣрно жалко, если и такіе труды могутъ пропадать безъ пользы. Поэтому-то я намѣренъ показать вамъ, братія, какіе труды для спасенія дѣйствительны, и какіе напрасны.

Входите тѣсными вратами, говоритъ Господь, *потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими* (Матѳ. 7, 13). Это значитъ, что много трудовъ, непріятностей и бѣдствій терпятъ на семъ свѣтѣ тѣ, которые избрали для себя путь въ царство небесное. Итакъ намъ надобно смотрѣть, какимъ путемъ мы идемъ, тѣснымъ, или пространнымъ; горестями ли наполнена жизнь наша, или радостями: напасти ли на насъ, или со всѣхъ сторонъ одни удовольствія: огорченія ли мы терпимъ, или наслаждаемся счастіемъ міра: многотрудна ли жизнь наша, или безпечна и пріятна. Если путь нашей жизни тѣсенъ; если мы пробираемся по нему черезъ скорби и страданія, то можемъ быть увѣрены, что мы точно на пути въ царство небесное. Если же, скорбя и страдая, мы жалуемся, ропщемъ, ненавидимъ, мстимъ и т. п., это значитъ, съ дороги въ рай мы переходимъ на дорогу въ адъ и все теряемъ, что могли бы заслужить.

Притомъ же Господь предсказалъ, что много будетъ лживыхъ пророковъ и лживыхъ учителей съ ложнымъ ученіемъ. Они дѣйствительно приходятъ къ намъ *въ овчьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные* (Матѳ. 7, 15). Наружность ихъ благочестива, видъ у нихъ набоженъ, ученіе ихъ обольстительно и близко къ грѣхолюбивому сердцу, а въ дѣйствительности они губители человѣческихъ душъ. Такихъ лживыхъ пророковъ и учителей, можетъ статься, теперь не много, за то много ложнаго ихъ ученія распространено въ народѣ: легкомысленный народъ съ готовностію прини-

мастъ его,—потому что недоброе всегда намъ пріятнѣе добраго,—и такимъ образомъ многіе изъ насъ обольщены ложными ученіями. Кто исполняетъ эти ученія, тотъ думаетъ, что спасается; кто по нимъ живетъ, тотъ надѣется, что находится на пути въ царство небесное: трудится, теряетъ время,—и все напрасно. Господь предвидѣлъ, что это будетъ, и потому далъ намъ наставленіе, какъ различать ложное ученіе отъ истиннаго: *по плодамъ ихъ узнаете ихъ*, сказалъ Онъ. *Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плодовъ худыхъ, ни дерево худое приносить плодовъ добрыхъ* (Мато. 7, 16—18). Напримѣръ, ложныя ученія говорятъ: не ѣшь картофеля, не пей чаю, не брѣй бороды, не прививай дѣтямъ оспы, веди честь надъ хлѣбомъ и т. п.; а никогда не скажутъ: веди честь надъ людьми, прощай обиды, люби враговъ и т. п. Ложныя ученія полагаютъ грѣхъ обыкновенно въ томъ, въ чемъ нѣтъ никакого грѣха, и позволяютъ почитать безгрѣшнымъ то, въ чемъ заключается грѣхъ дѣйствительный. Дѣло ложныхъ учителей—пускать въ народъ записки съ молитвами, какъ напр., «сонъ Богородицы», «крестъ съ написанными заповѣдями», ученіе о двѣнадцати пятницахъ» и т. п.; ложные учители велятъ знать эти записки наизустъ, чаще читать, постоянно носить при себѣ, и увѣряютъ, будто черезъ это спасается душа. Всякому легко бы видѣть, сколь ненадежны такія мѣры и сколь безразсудны такія надежды на душевное спасеніе; но жалкій грѣшникъ беретъ за все легкое, чтобы, не переставая грѣшить, питать себя надеждою на царство небесное. И нужно замѣтить: кто исполняетъ подобныя ложныя заповѣди и ученія, меньше ли тотъ бываетъ отъ нихъ золъ? сердце того человѣка становится ли отъ нихъ мягче и чище? больше ли подъ ихъ руководствомъ люди любятъ другъ друга? поведеніе человѣка дѣлается ли отъ нихъ честнѣе и лучше и т. п? А когда какое ученіе не дѣлаетъ добрымъ того, кто живетъ по нему, стало быть, оно—ученіе не доброе.

Я не буду говорить о баснѣхъ и повѣрьяхъ, которыхъ вы придерживаетесь,—потому что нелѣпость ихъ видна сама собою; а скажу нѣчто о томъ, въ чемъ мы полагаемъ всю силу спасенія и въ чемъ она дѣйствительно находится. Первое у насъ въ спасеніи—молитва. Молитва дѣйствительно спасительна, потому что сближаетъ человѣка съ Богомъ; но можно ли назвать молитвой это шептаніе словъ безъ понятія и усердія, эти небрежные и торопливые поклоны, это разсѣянное и часто безчинное стояніе?

Знаемъ ли мы, передъ Кѣмъ стоимъ, Кому молимся, Кому кланяемся? Ахъ, братія, во время молитвы мы часто и не вздумаемъ о Богѣ, часто и не вспомнимъ о Немъ. Второе у насъ въ спасеніи—постъ. Постъ дѣйствительно для насъ спасителенъ, потому что очищаетъ душу и пролагаетъ для нея путь въ царство небесное; но стóитъ ли имени поста этотъ голодъ, при которомъ мы жалуемся на скудость пищи? это подневольное укрощеніе сластолюбія, при которомъ мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ о сладкихъ яствахъ? это принужденное воздержаніе, при которомъ одолѣваютъ насъ желанія и помыслы невоздержанія? Такъ наша недалекая любовь къ Богу ввела у насъ несчастный обычай все дѣлать для Бога кое-какъ; но все, дѣлаемое нами для Бога кое-какъ, имѣетъ предъ Нимъ и цѣну кое-какую.

Не всякій, кто говоритъ Богу: *Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное, но* только *исполняющій волю Отца* небеснаго (Матѳ. 7, 20). Не ходи за царствомъ небеснымъ по разнымъ мѣстамъ, не ищи его тамъ и здѣсь: оно недалеко отъ тебя, именно въ душѣ твоей (Лук. 17, 21). Искорени царствующій въ тебѣ грѣхъ, побѣди самого себя,—и тогда спасешься. Разлюби самого себя, чтобы дать мѣсто любви къ Богу и къ людямъ,—и тогда войдешь въ царство небесное, которое *именно для такихъ* и приготовлено. Терпи все безъ жалобы и ропота; самъ не будь золъ, и не отвѣчай зломъ на зло другаго. Укроти страсти и похоти своей плоти. Будь непоколебимъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и бодро исполняй то, что предпринялъ. Языкъ свой удержи отъ зла и не только не дѣлай зла, но и не пожелай его сердцемъ и не помысли о немъ въ умѣ. Будь вѣренъ и исправенъ въ своей должности, какая возложена на тебя здѣсь на землѣ, и не обижайся тѣмъ, что тебѣ опредѣлено служить другимъ, работать для другихъ, платить оброки. Не принимай къ сердцу и не клади въ счетъ того, что̀ бы ни говорили о тебѣ люди, худое, или доброе. Вѣрь всей душой въ Господа Іисуса, вѣрь въ Его св. Церковь и свято исполняй всѣ ея уставы. Повинуйся земнымъ властямъ и благодушно исполняй всѣ ихъ распоряженія. До самой смерти будь въ душѣ и по наружности вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ христіаниномъ и не позволяй себѣ уклоняться съ того пути, на которомъ поставила тебя благодать Божія. Вотъ тогда-то можно будетъ сказать рѣшительно, что ты прямо идешь въ царство небесное.

Ни слова о томъ, что этотъ путь дѣйствительно узокъ, тѣсенъ, прискорбенъ и многотруденъ; но этимъ самымъ путемъ шли всѣ праведники,—имъ всѣ угодники Божіи достигли неба. Ты

воинъ Христовъ: сражайся же, воюй съ самимъ собою,—и съ Божіею помощію побѣдишь; а побѣждающему Господь Іисусъ Христосъ дастъ сѣсть на Своемъ престолѣ (Апок. 3, 21). Потерпи здѣсь недолго; за то не будешь терпѣть на томъ свѣтѣ, а войдешь на вѣки въ радость Господа Іисуса.

Должно же сбыться пророчество Іисуса Христа, что немногіе избираютъ себѣ путь въ царство небесное. Ахъ, видно по всему, что насъ нѣтъ въ этомъ маломъ числѣ; и куда мы попадемъ, братія, если до конца жизни не вступимъ на этотъ тѣсный, но единственный путь спасенія? Впрочемъ не будемъ отчаиваться, братія! Вѣдь не съ отчаяніемъ спасаются, а съ надеждами, поддерживающими силу и трудъ. Поспѣшимъ же, поспѣшимъ, братія, скорѣе на тѣсный и прискорбный путь въ царство небесное, пока не застигла насъ смерть въ неготовности! Перестанемъ потворствовать грѣхамъ своимъ словами: «покаюсь при смерти». «Покаюсь при смерти»—надежда лестная для грѣшниковъ, но обманчива. Хорошо, если кого Богъ приведетъ успѣть покаяться при смерти; хорошо, если кто будетъ при смерти въ полномъ разсудкѣ и въ полной памяти; хорошо, если кто будетъ въ состояніи тогда въ одинъ часъ сдѣлать то, чего не успѣлъ сдѣлать въ многіе годы, —а то бываетъ такъ, что съ надеждою на предсмертное покаяніе умираютъ или вовсе безъ покаянія, или съ напраснымъ покаяніемъ, и по смерти наполняютъ въ аду многое число несчастныхъ грѣшниковъ. И до завтрашняго дня опасно откладывать покаяніе и спасеніе; потому что легко можетъ статься, что къ завтрашнему же дню иныхъ изъ насъ не будетъ на семъ свѣтѣ. Аминь.

43

ПОУЧЕНІЕ

въ тридцатую недѣлю по Пятдесятницѣ.

Одинъ изъ начальствующихъ Іудеевъ спросилъ Іисуса Христа о томъ, что̀ ему нужно дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Онъ съ молодыхъ лѣтъ исполнялъ всѣ заповѣди: не любодѣйствовалъ, не убивалъ, не кралъ, не лжесвидѣтельствовалъ, почиталъ своихъ родителей. Іисусъ Христосъ, выслушавъ это, сказалъ ему: *еще одного недостаетъ тебѣ; все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ, и будетъ имѣть сокровище на небесахъ.* Благочестивый человѣкъ, услышавъ отъ Іисуса Христа такое рѣшеніе, опечалился, потому что былъ богатъ, и при томъ дорожилъ сво-

имъ богатствомъ. Іисусъ Христосъ, замѣтивъ его печаль, сказалъ окружающимъ: *какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе! Ибо удобнѣе канату пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе* (Лук. 18, 18—25).

Ужели въ самомъ дѣлѣ богатство столь порочно и противно Богу, что съ нимъ уже никакъ нельзя наслѣдовать царства небеснаго? Нѣтъ, Іисусъ Христосъ не осуждаетъ богатства, а осуждаетъ привязанность къ богатству; и благочестиваго Іудея Онъ осудилъ не за то, что тотъ былъ богатъ, а за то, что не могъ разстаться съ своимъ богатствомъ въ виду вѣчныхъ небесныхъ сокровищъ. Богатство само по себѣ не составляетъ грѣха: сколько людей пожившихъ на семъ свѣтѣ бѣдно, страдаютъ на томъ свѣтѣ въ пламени ада! и сколько бывшихъ здѣсь богатыми, ликуютъ и веселятся тамъ въ царствѣ небесномъ! Въ отеческихъ писаніяхъ сказано: «богатство не есть зло, если мы дѣлаемъ изъ него доброе употребленіе» *). Но кто изъ насъ отдалъ земнымъ сокровищамъ душу свою, богатъ онъ, или бѣденъ; кто почитаетъ земное богатство единственнымъ счастіемъ человѣка, тотъ уже не ищетъ богатства небеснаго и, конечно, его не получаетъ. *Никто не можетъ служить двумъ господамъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ. *Ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ*, т. е. богатству (Мато. 6, 24). И точно, два противоположныхъ другъ другу предмета любить невозможно; а потому кто предался сокровищамъ земнымъ, для того сокровища небесныя какъ-бы не существуютъ.

По словамъ Іисуса Христа, *гдѣ сокровище наше, тамъ будетъ и сердце наше* (Матѳ. 6, 21). Мы сами рѣшаемъ нашу вѣчную участь, когда въ сокровище себѣ избираемъ земное богатство и сердце свое привязываемъ къ міру. Любовь наша будетъ нашимъ судьей; она оправдаетъ, или осудитъ насъ предъ Богомъ. Можно и должно дорожить и земнымъ богатствомъ, но никакъ не до такой степени, чтобы не хотѣть съ нимъ разстаться для пріобрѣтенія богатства небеснаго. Кто любитъ богатство въ высшей степени, тотъ пусть ждетъ спасенія и счастія отъ богатства, а кто въ высшей степени любитъ Бога, тотъ всего надѣется, всего ждетъ отъ Бога. Съ временнымъ богатствомъ намъ неминуемо же когда нибудь разстаться, а вмѣстѣ съ нимъ разстаться и съ тѣмъ мнимымъ счастіемъ, которое основано на бо-

*) Прологъ на 21 марта, стр. 106.

гатствѣ; по счастію отъ Бога не будетъ конца, потому что Богъ вѣченъ. Итакъ намъ предстоитъ любое, или земное и временное, или небесное и вѣчное.

Кто не со Мною, говоритъ Іисусъ Христосъ, *тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ* (Мато. 12, 30). *Ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты жалокъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ* (Апок. 3, 17),—потому что сокровища твои собраны не вмѣстѣ съ Господомъ, а вмѣстѣ съ несчастными грѣшниками; не по любви къ Богу, а по любви къ міру. Тебѣ кажется, что съ пріобрѣтеніемъ земнаго богатства ты пріобрѣтаешь и свое счастіе; а въ самомъ-то дѣлѣ ты никогда не будешь счастливымъ, покуда будешь искать счастія въ земномъ богатствѣ: какъ исканіе богатства сопряжено съ безпокойствомъ, лишеніями и заботами, такъ и пріобрѣтеніе богатства приноситъ съ собою недовольство своимъ состояніемъ и жадность къ большимъ пріобрѣтеніямъ. Тебѣ кажется, что богатство должно сдѣлать тебя человѣкомъ почтеннымъ и достоуважаемымъ; но здѣсь-то въ сущности ты и становишься человѣкомъ низкимъ и достойнымъ одного презрѣнія,—потому что, вмѣсто того, чтобы обладать своимъ имуществомъ, ты самъ себя подчинилъ имуществу: не ты обладаешь вещами, а вещи обладаютъ тобою (1 Кор. 6, 12). Съ богатствомъ, ищешь ли его, или уже пріобрѣтаешь, ты бѣденъ, потому что лишаешься истиннаго сокровища—свободы; съ богатствомъ ты нищъ, потому что душа твоя гибнетъ гладомъ. Богатство ослѣпляетъ тебя; потому что, пристрастившись къ нему, ты не видишь, каковъ ты, и находишь любезное тамъ, гдѣ нѣтъ ничего достойнаго любви. При всей твоей нарядной одеждѣ, душа твоя обнажается до того, что ей наконецъ нечѣмъ прикрыть срамоты своего безчестія: послѣднія чувства своей погибели замираютъ въ ней при страстяхъ ослѣпляющихъ. Вотъ до какого жалкаго состоянія доводитъ насъ богатство, коль-скоро мы его обожаемъ! Потому-то Іисусъ Христосъ и заповѣдуетъ намъ: *не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ* (Мато. 6, 19. 20).

Мы же съ своей стороны нисколько не отказываемся отъ царства небеснаго и отъ тѣхъ сокровищъ, къ которымъ призываетъ насъ Спаситель; но нимало не желаемъ разстаться и съ обольстительными благами міра, къ которымъ мы пристрастились

всѣмъ сердцемъ. Любезенъ намъ міръ, близки къ нашему сердцу его сокровища, такъ-что и царства небеснаго мы желаемъ себѣ не иначе, какъ совмѣстно съ благами міра сего. Мы какъ-будто отыскали середину, въ которой, беззаконнуя съ міромъ, думаемъ угодить и Богу; необузданно наслаждаясь благами міра, надѣемся и на радости царства небеснаго; въ непрестанномъ грѣхѣ проводя здѣшнюю земную жизнь, хотимъ и на томъ свѣтѣ войти въ долю праведниковъ. Не къ намъ ли поэтому относятся грозныя слова Спасителя: *знаю твои дѣла, ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ* (Апок. 3, 15. 16)?

Ненавистенъ передъ господиномъ коварный слуга, который и ему служитъ, и возстаетъ противъ него вмѣстѣ съ его врагами: такъ и Богъ не терпитъ тѣхъ христіанъ, которые и Ему угождаютъ лицемѣрно, и возстаютъ противъ Него съ беззаконнымъ міромъ. Въ такомъ случаѣ мы не только ничего не заслуживаемъ за свое лицемѣрное служеніе Богу, но еще примемъ тягчайшее осужденіе (Матѳ. 23, 14.). Что бы намъ кончить то, что мы непрестанно начинаемъ и опять бросаемъ? Что бы намъ уже совершенно предаться единому Богу и пользоваться благами міра не иначе, какъ по Его спасительному закону? Непостоянство жизни и сердечныхъ стремленій и совмѣстное служеніе Богу и міру ни въ какомъ случаѣ не доведутъ насъ до царствія небеснаго. Это объяснилъ Самъ Іисусъ Христосъ въ слѣдующей притчѣ: *никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ неблагонадеженъ для царствія Божія* (Лук. 9, 62.). Царствіе Божіе должно быть всему предпочитаемо; а иначе оно и не можетъ быть достигнуто. Аминь.

44

ПОУЧЕНІЕ

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Св. Церковь для нынѣшняго праздника облегчила нѣсколько строгость поста. Изъ этого впрочемъ не думайте, будто вся радость наша и все наше празднованіе должны состоять только въ пищѣ и питіи. Пища пищей и питіе питіемъ, но пьянѣ—то особенно мы и должны помнить, что въ насъ есть душа, которая имѣетъ свои нужды, требуетъ своихъ радостей; которая питается

добрыми дѣлами и живетъ благодатію отъ Бога. И Іисусъ Христосъ совсѣмъ не для того зачался во чревѣ пресвятой Дѣвы, чтобы доставить намъ земное довольство, которое еще не совершенно отъ насъ отнято, а чтобы спасти нашу душу, которая окончательно погибла.

Чтобы понять все значеніе нынѣшняго праздника, надобно знать о происшествіи, которое хочетъ напомнить намъ нынѣ св. Церковь. Когда первый человѣкъ на землѣ преступилъ заповѣдь Божію и согрѣшилъ, тогда былъ выгнанъ изъ рая и осужденъ на смерть для тѣла и на вѣчныя муки для безсмертной души. Это несчастіе постигло весь человѣческій родъ. Самые величайшіе праведники, исполнявшіе по своимъ силамъ волю Божію, не могли миновать такой несчастной участи, потому что и они происходили отъ Адама, согрѣшившаго и погубившаго себя со всѣмъ потомствомъ. Словомъ, человѣкъ погибъ въ такой степени, что самъ собой рѣшительно не могъ спастись отъ погибели; погибель его, казалось, была невозвратна. Но чего нельзя ожидать отъ безпредѣльной любви Божіей! Богъ, щадя погибшее созданіе Свое, для спасенія его положилъ принести въ жертву Самого Себя. Второе Лице божественной Троицы, Сынъ Божій, восхотѣлъ родиться и стать человѣкомъ, чтобы этимъ способомъ одному за всѣхъ грѣшныхъ людей отвѣтить передъ божественнымъ правосудіемъ и, оправдавъ ихъ, ввести за Собою въ царство небесное. Этого чуда Божіей милости ждали очень многіе люди съ самыхъ древнѣйшихъ временъ; оно было открыто пророкамъ и праведникамъ ветхаго завѣта. Не только вѣрные ожидали въ мірѣ Спасителя, но и невѣрные ожидали великихъ перемѣнъ въ мірѣ. Однако проходили сотни и тысячи лѣтъ, а ожидаемый Спаситель не являлся. Наконецъ, слишкомъ черезъ пять тысячъ лѣтъ отъ созданія міра, былъ посланъ съ небесъ архангелъ Гавріилъ къ святой и непорочной Дѣвѣ Маріи съ извѣстіемъ, что она родитъ Спасителя міра,—и точно, въ этотъ самый день, который мы нынѣ вспоминаемъ, она зачала Спасителя въ своемъ чревѣ.

Возблагодаримъ Бога за то, что Онъ не только сотворилъ насъ, но и спасъ насъ, и въ знакъ благодарности будемъ безпрекословно исполнять Его св. волю. Изъ любви къ намъ Богъ сошелъ на землю, исполненную скорбей всякаго рода; для нашихъ вѣчныхъ радостей Онъ принялъ горести человѣческой жизни. Такимъ милосердіемъ Онъ какъ бы купилъ насъ, усвоилъ Себѣ навсегда; Онъ сталъ нашимъ Владыкою во второй разъ: въ первый разъ, какъ Создатель нашъ, а во второй, какъ нашъ Спаситель. И судите

сами, каковы должны быть тѣ люди, которые не хотятъ исполнять Его заповѣдей, не хотятъ жить по Его волѣ.

Правда, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ уже отвѣтилъ предъ Божіимъ правосудіемъ за всѣ наши грѣхи; однако это еще не значитъ, будто послѣ того мы можемъ грѣшить безъ всякаго опасенія за участь нашей души. Приговоренныхъ къ казни преступниковъ прощаютъ не для того, чтобы они дѣлали новыя преступленія, а для того, чтобы они вели иную лучшую жизнь. Да и грѣхи грѣхамъ розь. Есть грѣхи по слабости, которыхъ не минуетъ ни одинъ человѣкъ. Богъ видитъ несовершенство нашей природы и прощаетъ намъ грѣхи за наше раскаяніе въ нихъ, за любовь, которую мы питаемъ къ Богу. Но есть еще грѣхи отъ злаго сердца. Грѣшники эти грѣшатъ съ какимъ-то удовольствіемъ и упорствомъ: имъ за привычку пренебрегать Божія повелѣнія; Бога они не любятъ, своей виновности предъ Нимъ не чувствуютъ, въ грѣхахъ своихъ не каются, отстать отъ грѣховъ не дѣлаютъ себѣ никакихъ усилій. Если случится кому исповѣдать грѣхи свои предъ Богомъ, они исповѣдуютъ ихъ съ намѣреніемъ, чтобы послѣ исповѣди приняться за нихъ же. Такіе грѣшники: неисправимые воры, обманщики, пьяницы, распутные, клеветники, ненавистники, сквернословы, продающіе свои душу и тѣло на корысть и деньги, угодники людскаго мнѣнія и т. п. Богъ сходилъ на землю для спасенія всѣхъ людей; но, ахъ, нераскаянные грѣшники не спасутся.

Богъ, удивившій Своею милостію—принятіемъ на себя нашего рода, всегда былъ и будетъ къ намъ милостивъ безъ конца. Тотъ, Кто принялъ за насъ муки и смерть, чего бы еще не принялъ, чтобы только спасти всякую человѣческую душу? Богъ готовъ простить всякаго на свѣтѣ грѣшника, и тому было уже безчисленное множество примѣровъ; однако грѣшникъ, чтобы получить прощеніе въ грѣхахъ, долженъ въ нихъ каяться; долженъ дѣлать себѣ усиліе отстать отъ нихъ; долженъ показывать любовь къ Спасителю не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ. Согрѣшить еще не такъ страшно; страшно оставаться безъ покаянія. И ежели кто изъ насъ грѣшитъ и не кается, тотъ найдетъ наконецъ въ Іисусѣ Христѣ не Спасителя, а Судію страшнаго; того, наконецъ, не спасутъ Божіи милости, а только погубятъ до конца. Вѣдь надобно же, чтобы Богъ не напрасно сталъ человѣкомъ. Кто не умѣетъ спастись этимъ послѣднимъ средствомъ, для того уже нѣтъ и не будетъ другихъ средствъ ко спасенію.

Итакъ всѣ, которые по кончинѣ міра будутъ осуждены въ адъ на вѣчныя муки, должны будутъ жаловаться единственно на

самихъ себя, а не на кого другаго. Богъ съ Своей стороны все сдѣлалъ для насъ, чтобы намъ избавиться отъ этого страшнаго мѣста. Онъ всѣхъ грѣшниковъ искупилъ и всѣхъ грѣшниковъ прощаетъ, которые обращаются къ Нему съ истиннымъ, чистосердечнымъ покаяніемъ. Стало быть, спастись намъ, или погибнуть —это совершенно отъ насъ зависитъ, состоитъ въ нашей волѣ. Вся сила спасенія въ обращеніи къ Богу и въ покаяніи. Покаяніе въ грѣхахъ и ихъ прощеніе—такая милость Божія, выше которой другая милость невозможна; потому что была бы несообразна съ совершенствами Божества. Или не желаютъ ли нѣкоторые изъ насъ, чтобы насъ Богъ прощалъ вовсе безъ покаянія и исправленія въ грѣхахъ? Этого не будетъ и не можетъ быть никогда. Скорѣе тьма появится среди солнечнаго свѣта, нежели нераскаянный грѣшникъ войдетъ въ царствіе Божіе.

Будемъ же, братія, вести жизнь свою осторожнѣе. Будемъ помнить, что наше спасеніе стоитъ цѣны несказанной,—именно для него Самъ Богъ сходилъ на землю, страдалъ на ней и умеръ. Поэтому намъ слѣдуетъ на каждый грѣхъ смотрѣть съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ; и если кого изъ насъ завлечетъ ко грѣху слабость, свойственная падшему, тотъ нисколько не медли приносить Богу искреннее покаяніе. За любовь Божію къ намъ будемъ платить взаимною любовью, за Его милость—милостью къ другимъ людямъ. Нынѣшній день былъ днемъ сошествія на землю Сына Божія; нынѣ начало спасенія всѣхъ людей. О, если бы и мы, братія, съ нынѣшняго дня начали свое спасеніе! Если бы начали молиться усердно, поститься нелицемѣрно и каяться отъ чистой души! Аминь.

45

ПОУЧЕНІЕ

въ день Преображенія Господня.

Въ воспоминаемый нынѣ день Іисусъ Христосъ преобразился. Преображеніе Его происходило слѣдующимъ образомъ. Въ одно время Іисусъ Христосъ съ тремя учениками Своими вошелъ на высокую гору Ѳаворъ. Вдругъ лице Его стало тамъ, какъ солнце, вся одежда на Немъ сдѣлалась бѣла, какъ свѣтъ, и тутъ же явились предъ Нимъ Моисей и Илія, и стали съ Нимъ бесѣдовать. Пока три ученика наслаждались зрѣлищемъ божественной славы Іисуса Христа, на нихъ нашло свѣтлое облако, а изъ облака былъ

слышенъ гласъ, который говорилъ имъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте!* (Матѳ. 17, 1—5).

Такъ какъ все это происшествіе состояло изъ однихъ чудесъ, то въ немъ все удивительно. Но всего удивительнѣе въ немъ вотъ что: почему такое чудо произошло не при всемъ мірѣ, а только при трехъ ученикахъ Іисуса Христа? почему божественная слава Іисуса Христа и гласъ небеснаго Отца, свидѣтельствующій, что Іисусъ Христосъ точно Сынъ Божій,—почему все это случилось не при тѣхъ людяхъ, которые не вѣрили въ Іисуса Христа, а при тѣхъ только, которые вѣрили въ Него и, оставивъ все, слѣдовали за Нимъ?

Да, это и точно удивительно. Вѣрующіе получили увѣреніе, а невѣрующіе не получили его и остались при своемъ невѣріи. По нашему слѣдовало бы быть этому не такъ, а по Божію именно такъ быть и слѣдовало. Кто свободно расположенъ къ вѣрѣ, тотъ всегда найдетъ, почему и во что̀ вѣрить. Вѣрующіе не только бываютъ свидѣтелями чудесъ, но и сами творятъ чудеса (Марк. 11, 23). А человѣкъ невѣрующій и нерасположенный къ вѣрѣ такъ безъ вѣры и будетъ: божественною славою Іисуса Христа онъ не дорожитъ, гласа Божія не слушается, къ чудесамъ черезъ минуту привыкаетъ. Сколько не поливай высохшее дерево, оно не зазеленѣетъ: чѣмъ хочешь увѣряй невѣрующаго, онъ все не повѣритъ.

А мы, напротивъ, говоримъ: хорошо было вѣрить встарину, когда чудеса были за чудесами; а нынѣ чудесъ почти не стало, и вѣрить стало не по чему. Но если бы и возвратились къ намъ старинные годы съ безчисленными чудесами, нашей вѣры, вѣроятно, ни сколько бы оттого не прибавилось. Встарину оттого и было много чудесъ, что много было вѣры; а нынѣ вѣры въ насъ стало мало, оттого стало мало и чудесъ. Когда уже готовая вѣра въ насъ ослабѣла; когда уже и того мы не могли вполнѣ удержать въ себѣ, что̀ получили мы съ молокомъ матернимъ, въ чемъ были увѣряемы отъ младенчества,—можетъ ли дать намъ вѣру чудо? Сколько и какихъ чудесъ не творилъ Іисусъ Христосъ во время Своей земной жизни! Онъ воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ безнадежно больныхъ, слѣпорожденнымъ отверзалъ зрѣніе, глухимъ—слухъ, исцѣлялъ разслабленныхъ, изгонялъ бѣсовъ, укрощалъ бури, ходилъ по водамъ, пятью хлѣбами насыщалъ по пяти тысячъ голоднаго народа, узнавалъ сокровеннѣйшія тайны помысловъ и движеній сердечныхъ: каждый шагъ Іисуса Христа былъ, можно сказать, ознаменованъ какимъ либо чудомъ; чудеса совер-

шались даже отъ одного прикосновенія къ Его одеждѣ. Однако-же нашлось очень много людей, которые чѣмъ болѣе видѣли совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ чудесъ, тѣмъ менѣе въ Него вѣрили, тѣмъ болѣе Его по зависти гнали и, наконецъ, распяли на крестѣ. И нынѣ немало чудесъ совершается въ св. православной Церкви; но во всѣхъ ли насъ, или даже во всѣхъ ли зрителяхъ этихъ чудесъ укореняется чрезъ нихъ живая и дѣйственная вѣра? Нѣтъ! какъ Іудеи, чтобы не увѣровать въ Іисуса Христа, всѣ чудеса, Имъ совершаемыя, приписывали дѣйствію нечистой силы (Матѳ. 9, 33): такъ многіе изъ христіанъ, повидимому православныхъ, изобрѣтаютъ различныя естественныя объясненія нынѣшнихъ чудесъ, чтобы беззаботно остаться при заблужденіяхъ и порокахъ, осуждаемыхъ св. Церковію и ея главою Іисусомъ Христомъ. Слѣдовательно, и при нынѣшнихъ чудесахъ только вѣрующіе получаютъ увѣреніе, а невѣрующіе такъ и остаются безъ вѣры. Отчего же это? А вотъ отчего: внутри-то насъ мало расположенія къ вѣрѣ; и если мы всѣ вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа, то многіе изъ насъ вѣруютъ въ Него потому только, что въ Него вѣровали наши отцы и дѣды.

Братія! Если бы мы истинно вѣровали въ Іисуса Христа, мы никогда не пожелали бы чудесъ, потому что они казались бы намъ ненужными. Если же мы желаемъ чудесъ, стало быть, чувствуемъ въ себѣ недостатокъ вѣры; итакъ желать чудесъ—прямо значитъ не имѣть вѣры. Почему же мы не довольствуемся тѣми чудесами, которыя непрерывно существуютъ въ нашей православной Церкви, напр. св. нетлѣнныя мощи, чудотворныя иконы и т. п? Потому, что наши желанія относительно этого предмета возрасли до степени капризовъ: мы, считая себя вѣрующими, просимъ чудесъ свѣжихъ, болѣе къ намъ близкихъ и болѣе разительныхъ; а закона вѣры не исполняемъ, отъ невѣрныхъ въ поведеніи не отстаемъ. Но что было бы съ нами, если бы наше желаніе Богъ исполнилъ и окружилъ бы насъ чудесами? Пока бы мы видѣли вокругъ себя чудеса, дотолѣ бы, можетъ статься, мы и вѣрили; а коль скоро не стало бы чудесъ, въ насъ не стало бы и вѣры. Это не живая, не истинная вѣра, а случайная, зависимая, наемная, мертвая.

Нѣтъ, братія! вѣруйте въ Іисуса Христа и исполняйте Его заповѣди, не ожидая отъ Него чудесъ. Только та вѣра спасительна, которая происходитъ отъ любви: *любовь всему вѣритъ*, говоритъ св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 13, 7). И Господь никогда не творилъ чудесъ тамъ, гдѣ говорили Ему: сдѣлай намъ чудо, чтобы мы Тебѣ повѣрили (Матѳ. 12, 38. 39); а гдѣ о чудесахъ

Его не просили, тамъ только Онъ и творилъ ихъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ вѣра наша зависѣла отъ чудесъ, Богъ не пожалѣлъ бы ихъ, чтобы привести къ вѣрѣ и спасти всѣхъ людей безъ исключенія; для Него было бы нисколько не трудно на каждомъ шагу человѣка совершить чудо. А такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, значитъ и чудо не поможетъ нашей вѣрѣ, если мы ея не имѣемъ. Напротивъ, не вѣра зависитъ отъ чудесъ, а чудеса зависятъ отъ вѣры (Мато. 13, 58). Если бы мы истинно вѣрили въ Бога, тогда бы весь свѣтъ сталъ для насъ чудомъ: для насъ было бы чудно, какъ свѣтитъ солнце, какъ льется дождь, какъ земля родитъ пищу всему живущему; просто, самая ничтожная и обыкновенная для насъ теперь вещь показалась бы намъ чудомъ, если бы въ насъ была совершенная вѣра. А для невѣрующаго и чудо не въ чудо: при немъ хоть воскреси изъ мертвыхъ человѣка, останови солнце, потряси землю,—онъ подивится и останется невѣрующимъ.

Братія! Не чудесъ намъ надобно искать и просить у Бога, а вѣры. На что намъ чудеса? Вѣдь не въ чудесахъ мы нуждаемся, а въ вѣрѣ. Если же мы желаемъ и просимъ чудесъ для подкрѣпленія нашей вѣры, такъ не лучше ли прямо просить Бога о подкрѣпленіи нашей вѣры? а какъ Богу подкрѣпить ее, чудесами ли, или другими какими средствами,—это пусть будетъ въ Его святой волѣ. Онъ знаетъ, какъ и что лучше сдѣлать. Когда мы просимъ у Бога чудесъ, тогда мы будто желаемъ видѣть ихъ изъ любопытства; а когда мы просимъ у Бога вѣры, тогда мы просимъ ее именно для нашего спасенія. Прошеніе о чудесахъ, какъ выраженіе нашего недовѣрія Богу, никогда не будетъ исполнено; а прошеніе о вѣрѣ Богъ любитъ слушать и непремѣнно исполнитъ, —потому что оно есть прошеніе о спасеніи, для котораго Богъ воплотился, страдалъ и принялъ крестную смерть. Итакъ о вѣрѣ, братія, о вѣрѣ будемъ просить Бога, которую ежели будемъ имѣть, то и чудеса увидимъ. Аминь.

46

ПОУЧЕНІЕ

въ день Успенія Пресвятыя Богородицы.

Успеніе Пресвятой Богородицы значитъ то, что она скончалась такъ тихо и мирно, какъ-бы уснула обыкновеннымъ сномъ. и отъ здѣшней жизни перешла въ жизнь вѣчную.

Судя по этому, нынѣшній праздникъ, кажется, долженъ бы быть печальнымъ, потому что въ нынѣшній день земля лишилась Божіей Матери и Церковь разсталась съ своей заступницей. Однако праздникъ Успенія Богоматери отправляется православными христіанами съ торжествомъ и веселіемъ, и постъ оканчивается именно нынѣшнимъ днемъ.

Что же это бы значило, что успеніе всемірной Владычицы воспоминается нами съ весельемъ и радостью? А это значитъ то, что смерть для праведника не есть происшествіе печальное. Праведники никогда не бываютъ на семъ свѣтѣ такъ близки къ своему счастію и къ предмету своихъ исканій, какъ при смерти. Чего они желали въ жизни, то исполняется для нихъ въ часъ смерти. Въ этотъ торжественный и радостный для праведниковъ часъ оканчиваются ихъ труды, подвиги и страданія и начинается жизнь райская, нисколько не похожая на жизнь здѣшнюю. Такъ прилично ли намъ печалиться о смерти почитаемаго нами праведника, когда онъ самъ, умирая, радовался и, разставаясь съ здѣшнимъ свѣтомъ, веселился?

Извѣстно, что на томъ свѣтѣ одни люди получатъ награду, а другіе наказаніе. Поэтому одни ждутъ смерти, какъ вѣчнаго и веселаго праздника, а другіе боятся ея, какъ вѣчнаго и неотвратимаго несчастія. Причина боязни смерти для насъ очень понятна, потому что для насъ легко вообразить объ огнѣ неугасимомъ и о мукахъ вѣчныхъ; но причина радости при смерти для насъ непонятна, потому что мы не можемъ оцѣнить того счастія, которымъ будутъ наслаждаться праведники на томъ свѣтѣ. Между тѣмъ надобно, чтобы сколько страхъ вѣчныхъ мукъ удималъ насъ отъ беззаконной жизни столько же и радости праведныхъ побуждали насъ къ добродѣтельной жизни и къ угожденію Богу.

Касательно участи праведниковъ на томъ свѣтѣ намъ извѣстно только то, что тамъ имъ будетъ хорошо, что они будутъ тамъ вѣчно радоваться и что источникомъ ихъ радости будетъ Богъ. Но въ чемъ именно будутъ состоять вѣчныя радости праведниковъ, это останется для насъ тайною до тѣхъ поръ, когда кого Богъ сподобитъ испытать ихъ на дѣлѣ. Св. апостолъ Павелъ, заживо вкусившій часть радостей того свѣта, говоритъ, что для ихъ объясненія нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ (1 Кор. 4, 9). *Что уготовалъ Богъ любящимъ Его, того*, по словамъ Свящ. Писанія, *не видалъ ни чей глазъ, не слыхало ничье ухо и* на умъ никому *не всходило* (1 Кор. 2, 9). Итакъ, напрасно мы стали бы испытывать и развѣдывать то, что̀ Богъ тщательно закрылъ отъ насъ до извѣстнаго времени.

Да и Богъ, съ Своей стороны, какъ будто съ тѣмъ намѣреніемъ уготовалъ для праведниковъ небесныя радости, превосходящія наше пониманіе, чтобы предоставить насъ водительству вѣры и надежды, а не водительству разума, который не можетъ постигнуть непостижимаго. И если небесныя радости не подходятъ подъ наши пылѣшнія понятія, то этимъ еще болѣе увеличится счастіе тѣхъ, которые ихъ достигнутъ. Чѣмъ неизвѣстнѣе сокровище, тѣмъ болѣе чести тому, кто его находитъ; и чѣмъ отдаленнѣе предметъ исканій, тѣмъ больше радости тому, кто его достигаетъ. И всякъ бы вошелъ въ рай, если бы рай не имѣлъ тѣсныхъ и узкихъ дверей; и всякъ бы устремился за вѣчными радостями, если бы онѣ были всѣмъ подробно и осязательно извѣстны. Нѣтъ, надобно войти въ рай тѣсными и узкими вратами; надобно поискать неизвѣстнаго, достигнуть отдаленнаго. Не великое дѣло поднять дорогую вещь, лежащую передъ глазами; не великимъ дѣломъ было бы спастись, если бы спасеніе легко доставалось намъ, —нѣтъ, надобно для него потрудиться, потерпѣть, принять много горькаго. Радости вѣчныя не такой предметъ, который былъ бы назначенъ во всеобщее употребленіе для худыхъ и добрыхъ: это небесное сокровище хранится вдали отъ міра—на небесахъ, и Богъ удѣляетъ его только тѣмъ, которые молились день и ночь, безъ ропота терпѣли, съ надеждой ждали и съ вѣрой искали. Итакъ начинай свой подвигъ спасенія прежде, чѣмъ помышлишь о воздаяніи; принимайся за добрыя дѣла, не дожидаясь, кто бы повѣдалъ тебѣ, чѣмъ и чѣмъ Богъ наградитъ за нихъ тебя,—и ты будешь безмѣрно счастливъ, когда получишь награду, превосходящую всѣ твои надежды и ожиданія.

Нѣкоторые думаютъ, будто радости небесныя будутъ состоять въ тѣхъ грубыхъ плотскихъ удовольствіяхъ и утѣхахъ, которыя столь хорошо намъ грѣшникамъ извѣстны и которымъ будто уже не будетъ въ раю ни запрета, ни обузданія. Ахъ, сколь велико было бы наше несчастіе, если бы за всѣ труды и подвиги праведниковъ ожидала столь скудная награда! Если бы райскія удовольствія дѣйствительно были такія же, какъ и здѣшнія, то небо было бы не лучше земли и райская жизнь была бы не лучше здѣшней. Здѣшнія удовольствія прекращаются вмѣстѣ съ минутой наслажденія, а потому они негодны для небеснаго рая. Богъ уготовалъ намъ гораздо лучшую награду,—Онъ уготовалъ намъ жизнь безъ старости, удовольствія безъ конца и радости никогда не престающія. На томъ свѣтѣ *Богъ уничтожитъ и чрево и пищу* (1 Кор. 6. 13), и мы будемъ жить тамъ подобно безплотнымъ ангеламъ (Матѳ. 22, 30) А если кому изъ насъ нетерпѣливо хо-

чется знать, что̀ это за ангельская радостная жизнь, тотъ пусть здѣсь начнетъ жизнь имъ подобную. Праведникамъ еще на сей землѣ Богъ дастъ предвкушать небесныхъ радостей, чтобы праведники не унывали и охотнѣе продолжали трудную жизнь спасенія. По словамъ св. апостола Павла, праведники еще здѣсь созерцаютъ будущую жизнь *отчасти и видятъ* тайны царствія Божія *какъ-бы сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор 13. 12).

Итакъ касательно будущей жизни никому изъ насъ нельзя и не слѣдуетъ знать больше того, что тамъ добрымъ будетъ хорошо, и такъ хорошо, какъ и вообразить мы нынѣ не въ состояніи. Сколь продолжительна и трудна ни была бы земная жизнь наша, какъ приготовленіе къ вѣчности; сколько бы горестей и страданій мы не приняли на семъ свѣтѣ, чтобы угодить Богу,—всѣ труды и страданія наши далеко не будутъ стоить той награды, какую мы получимъ отъ Бога на томъ свѣтѣ. Стало быть, не одинъ страхъ вѣчныхъ мученій долженъ удерживать насъ отъ беззаконной жизни, но и ожиданіе невиданныхъ, неслыханныхъ и неописанныхъ радостей должно образумить насъ и обратить на путь спасенія.

Злоба, ненависть, обиды, неправды, кражи, невоздержаніе, пьянство, распутство, свои уставы въ вѣрѣ, расколъ, гордость,—всѣхъ нашихъ грѣховъ не перечесть,—все это дѣла, всегда ненавистныя правосудному Богу. Какъ страшенъ съ ними будетъ для насъ часъ смерти! Если бы во власти грѣшниковъ было вмѣстѣ съ тяжкою смертію тѣлесною убить и свою душу, рѣшительно уничтожить ея существованіе, они охотно отдали бы ее на тысячу смертей, чтобы избавиться отъ мукъ, какія начнутся для нея съ послѣдняго вздоха. Совсѣмъ не такъ умираютъ праведники. Они отходятъ на тотъ свѣтъ такъ тихо и покойно, какъ будто засыпаютъ. Въ часъ смерти являются къ одру ихъ ангелы и, по исходѣ души изъ тѣла, ведутъ ихъ въ небесные чертоги, въ рай пресвѣтлый, котораго и насъ не лиши, милосердый Господи, ради молитвъ пречистой Твоей Матери! Аминь.

47

ПОУЧЕНІЕ

въ 16 день августа.

Къ Іисусу Христу разъ пришли посланники отъ едесскаго владѣльца съ просьбою, чтобы Іисусъ Христосъ посѣтилъ его и

исцѣлилъ отъ болѣзни. Іисусъ Христосъ взялъ платъ, утеръ имъ лице Свое, отдалъ посланникамъ и приказалъ доставить владѣльцу Едесса. Посланники взглянули на платъ и видятъ на немъ, какъ есть, лице Іисуса Христа. Платъ съ изображеніемъ доставленъ едесскому владѣльцу, который, получивъ его, немедленно выздоровѣлъ. Это явилась на свѣтѣ первая чудотворная икона, которая называется у насъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя: ей то мы нынѣ празднуемъ.

Іисусъ Христосъ былъ красенъ добротою паче всѣхъ человѣкъ. Онъ былъ ко всѣмъ привѣтливъ, со всѣми ласковъ, не упывалъ даже при страданіяхъ, а потому имѣлъ лице всегда благолѣпное. Стало быть, и нерукотворенный образъ Спасителя представлялъ лице живое, прекрасное и благолѣпное.

Что могутъ сказать на это раскольники? Что скажутъ на это и тѣ изъ православныхъ, которые любятъ на иконахъ темноту и мрачность, а живописи и изображенія благолѣпныхъ лицъ не терпятъ? Они порочатъ этимъ нерукотворенный образъ Спасителя, который былъ столько живъ, сколько живо было подлинное лицо Христово.

Но намъ дались старина и давніе годы даже въ отношеніи къ иконамъ. А чѣмъ, подумаешь, *старина лучше нынѣшнихъ годовъ*? Вѣчный Богъ не состарѣлся; благодать не истощилась, вѣра не прекратилась, церкви не нарушились, и роду человѣческому еще не пришелъ конецъ. Земля существуетъ по прежнему; рѣки текутъ, не убывая; моря не пересохли; горы не сравнялись съ долинами, и весь свѣтъ точно таковъ, какимъ былъ сначала, назадъ тому слишкомъ семь тысячъ лѣтъ. Бо̀льшая часть злыхъ людей и меньшая добрыхъ были во всѣ времена и во всѣ вѣки. Придетъ время, и насъ назовутъ дѣдами и прадѣдами; лѣтъ чрезъ сто и наше время будетъ старинной, и наши годы будутъ давними. Наши нынѣшнія св. иконы состарѣются со временемъ, живопись потемнѣетъ, яркія краски потускнутъ. И чтожь, нынѣ на нихъ молиться не должно, а лѣтъ черезъ сто будетъ должно? Видите, сколь безразсудно безъ причины любить все старое и ненавидѣть все новое!

Раскольники выдумали пророчество, котораго нѣтъ ни въ какомъ писаніи, будто въ послѣдніе дни, во времена антихриста, появится въ церквахъ живопись и на иконахъ будутъ писаться благообразныя лица. Но первый образъ Спасителя былъ снятъ съ живаго лица и Его собственною чудотворною рукою: ужели же дни земной жизни Спасителя были послѣдними днями міра? Когда св. евангелистъ Лука написалъ первый образъ прямо съ Богома-

тери, могъ ли быть этотъ образъ такимъ, каковы обыкновенно образа у старовѣровъ? Всему свѣту извѣстно, что св. иконы суть не иное что, какъ изображенія святыхъ; а потому чѣмъ болѣе образъ святаго похожъ на самаго святаго, тѣмъ справедливѣе воздавать такому образу почтеніе и поклоненіе. Угрюмый видъ и мрачныя черты вообще пейдутъ къ св. лику; и праведникъ, носящій рай въ душѣ своей, всегда бываетъ благообразенъ. Вспомните, что всѣ мученики христіанскіе шли на муки и смерть съ веселыми лицами; вспомните о трехъ еврейскихъ отрокахъ, которые въ вавилонской печи среди огня пѣли Царю небесному хвалебныя пѣсни. Итакъ эти благолѣпныя и выразительныя иконы, которыми украшенъ сей св. храмъ, какъ и быть должны иконы.

Не думайте, будто, молясь на одинъ старинныя иконы, мы тѣмъ уважаемъ нашихъ предковъ. Наши предки были благоразумнѣе насъ въ этомъ отношеніи. Оставивъ идоловъ, они приняли христіанскую вѣру отъ Грековъ; а въ Греціи и тогда и нынѣ живописныя иконы во всеобщемъ употребленіи. Кому неизвѣстна греческая иконопись? Встарину предки наши всей душой были бы рады имѣть въ церквахъ и въ домахъ живописныя иконы, но, за неимѣніемъ искусныхъ иконописцевъ и хорошихъ красокъ, уступили необходимости и довольствовались такими иконами, какія умѣли написать; и если бы въ тогдашнее время было нынѣшнее искусство, по всей Россіи были бы въ употребленіи одни живописныя иконы. Итакъ предки наши желали живописныхъ иконъ, и не имѣли; а мы имѣемъ ихъ, да не желаемъ, и такимъ образомъ не только грѣшимъ предъ Богомъ, но безчестимъ и священную память нашихъ предковъ.

Да и слѣдуетъ ли намъ, братія, молитву свою расчитывать по тому, какая икона стоитъ предъ нами, новая или старинная, живописная или неживописная, украшенная или безъ всякаго украшенія? Вѣдь икона не идолъ, и мы молимся не иконѣ собственно, а тому, кто изображенъ на иконѣ. Если я дѣйствительно люблю святаго и чистосердечно его почитаю, то любезенъ для меня и его образъ, какъ и на чемъ онъ ни былъ бы написанъ. Для меня священна всякая доска, и простая и кипарисовая, коль скоро на ней написанъ св. ликъ, для меня священны всякія краски, и темныя, и яркія, коль скоро онѣ изображаютъ священное лице. А кто хулитъ живописныя, или вообще новыя иконы, какъ вы думаете, иконы ли тотъ хулитъ? Нѣтъ, икона не можетъ ни слышать хулы, ни ею оскорбляться: тотъ хулитъ не икону, а святаго, изображеннаго на иконѣ. «Не вѣси ли, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, яко аще цареву образу ругаешися, самого царя уни-

чижаеши». Такимъ образомъ, хула на какія бы то ни было иконы относится не столько къ иконамъ собственно, сколько къ изображеннымъ на иконахъ Богу и святымъ Его. Судите, братія, хорошо ли дѣлаютъ тѣ изъ насъ, которые въ этомъ слѣдуютъ раскольникамъ.

Долго ли намъ, братія, раздирать св. Церковь несогласіями и раздѣленіемъ? Кому не нравятся эти св. иконы, а черезъ нихъ не нравится и самая св. Церковь, тотъ пусть оставитъ ее безъ хуленій, безъ раздоровъ, безъ возмущеній. Св. Церковь никого не удерживаетъ при себѣ насильственно; и съ другой стороны, матерински принимаетъ къ себѣ всѣхъ, къ ней притекающихъ. Но христіанинъ истинный и добросердечный всегда остается при Церкви; его вѣра столь крѣпка, что не возмутится хитрыми представленіями раскольниковъ. Что свято, того онъ не похулитъ никогда. Онъ почтетъ всякую икону, и новую и старую, и живописную и неживописную,—и эту заповѣдь передастъ своимъ дѣтямъ, внучатамъ и всему роду. И Богъ съ Своей стороны наградитъ его за простосердечіе, какъ знаетъ. Аминь.

48

ПОУЧЕНІЕ

въ день Рождества Христова.

Если бы какой великодушный царь, соединяя справедливость съ милостью, рѣшился лично и добровольно поставить себя въ положеніе осужденныхъ закономъ преступниковъ, чтобы заслужить для нихъ прощеніе, то и это было бы безмѣрно далекимъ подобіемъ того, какъ Богъ сталъ человѣкомъ и родился по плоти.

Послѣдній рабъ раждается въ удобномъ и приличномъ мѣстѣ, а Сынъ Божій Іисусъ Христосъ родился въ вертепѣ; дитя послѣдняго бѣдняка, по рожденіи, кладутъ въ колыбель или въ другое покойное мѣсто, а Сынъ Божій, по плотскомъ рожденіи, положенъ былъ въ скотскихъ яслѣхъ. О, сколь велико было уничиженіе Спасителя міра съ первой минуты Его жизни! Однако въ этотъ вертепъ, къ этимъ яслямъ, къ этому Младенцу являются, по извѣстію отъ ангела, пастыри и воздаютъ Ему достойную честь; изъ далекихъ странъ приходятъ къ Нему, по указанію чудной звѣзды, мудрецы и приносятъ Ему драгоцѣнные дары. Такимъ образомъ, самое уничиженіе Іисуса Христа было соединено съ величіемъ и славою.

Христосъ раждается,—и намъ христіанамъ есть чему радоваться. Но радоваться этому возможно только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ возможно полное и вѣрное понятіе о Лицѣ раждающагося нынѣ Христа. Іисусъ Христосъ Сынъ Божій есть второе Лице Пресвятыя Троицы. Онъ есть истинный и совершенный Богъ. Не было ни неба, ни земли, ни людей, а Спаситель нашъ уже былъ; Имъ именно и сотворено все, а Самъ Онъ не имѣетъ начала и существуетъ отъ вѣчности. Сынъ Божій по Божеству Своему невидимъ и безтѣлесенъ. Онъ находится во всей вселенной, и нѣтъ того мѣста, въ которомъ бы Его не было. Онъ всемогущъ. Онъ пребываетъ въ вѣчной радости и не можетъ быть подверженъ ни горести ни печали, ни болѣзни. Онъ владычествуетъ надъ всѣмъ; весь свѣтъ существуетъ по Немъ и по Его волѣ. Вотъ Онъ-то самый родился нынѣ и сталъ подобнымъ намъ человѣкомъ.

Человѣкъ, какъ только сотворилъ его Богъ, не вѣдалъ никакихъ ни горестей, ни страданій, и былъ совершенно благополученъ. Послѣ того человѣкъ согрѣшилъ, нарушилъ заповѣдь Божію,—и тотчасъ подвергся печалямъ, болѣзнямъ, смерти, аду, временнымъ и вѣчнымъ мученіямъ. Сожалѣя о людяхъ, Богъ употреблялъ различныя мѣры къ тому, чтобы остановить ихъ отъ грѣховъ и избавить отъ злополучія; но люди все болѣе и болѣе грѣшили и дѣлались болѣе и болѣе злополучными. Богъ Самъ являлся людямъ въ различныхъ образахъ, но люди Его не слушали; посылалъ къ нимъ пророковъ,—люди ругались надъ ними и ихъ убивали. Большая часть человѣческаго рода вовсе забыла Бога и вмѣсто Его поклонялась идоламъ. Наконецъ, мѣра божественнаго долготерпѣнія наполнилась; въ силу правосудія надобно было казнить людей по грѣхамъ, и ужь не оставалось никакихъ мѣръ къ спасенію погибшихъ. Но милость Божія не какъ милость человѣческая. Чтобы спасти погибшаго человѣка, Самъ Богъ становится человѣкомъ.

Итакъ пойми, христіанинъ, Кто такой родился нынѣ; вникни прилежнѣе въ пѣснѣ Церкви: *Христосъ раждается*,—и тогда нынѣшній праздникъ доставитъ тебѣ болѣе радости: тогда и радость твоя будетъ чище, и молитва умилительнѣе, и поклоненіе возвышеннѣе. Не великій человѣкъ родился нынѣ: не ангелъ небесный принялъ на себя человѣческую плоть, а Самъ Богъ. Самъ Владыка вселенной сталъ человѣкомъ—младенцемъ. О, сколь мы неблагодарны, если уже и такая милость Божія насъ не трогаетъ и не можетъ остановить насъ отъ грѣховъ, ненавистныхъ Богу!

Да, не миновать намъ огня и вѣчныхъ мукъ, если мы воз-

нерадимъ и о толикомъ спасеніи. Христосъ раждается для насъ, а мы не обращаемъ на это надлежащаго вниманія, какъ будто рожденіе Христово нисколько къ намъ не относится. Сынъ Божій жертвуетъ намъ Самого Себя, а мы не пожертвуемъ Ему ни одной нашей склонностью, ни одной предосудительной страстью, ни однимъ любимымъ удовольствіемъ. Нынѣ началось спасеніе роду человѣческому, а у насъ скоро начнутся пьянство, пѣсни, гуляньe, безчинія, гаданья и разныя святочныя безумства. Такъ ли принимаютъ милости? Такъ ли благодарятъ благодѣтелей?

Перестанемъ, братія, жить на удачу, въ надеждѣ авось не достигнемъ ли какъ нибудь рая; его какъ нибудь никто не достигалъ и достичь не можетъ. Для того, чтобы быть намъ въ раю, Самъ Богъ воплотился и сталъ человѣкомъ: можно ли же намъ самимъ достигать рая кое-какъ, безъ всякихъ жертвъ съ нашей стороны? А кто уже воплощеніемъ Сына Божія не можетъ, или, лучше сказать, не хочетъ воспользоваться, тому нѣтъ другихъ средствъ къ достиженію рая. Конечно, Онъ теперь милостивъ къ намъ, и милостивъ безъ всякой мѣры; но придетъ *время*, Онъ сдѣлаетъ съ нами расчетъ во всѣхъ Своихъ милостяхъ и жертвахъ; тогда не иное что, а именно эти самыя милости и жертвы Божіи послужатъ намъ въ осужденіе и погибель, ежели мы не употребили ихъ въ свое спасеніе. Тогда мы будемъ судимы не столько за то, что грѣшили,—потому что человѣкъ не можетъ прожить безъ грѣха,—сколько за то, что не каялись въ грѣхахъ, что отвергали благодать Божію, что чуждались Спасителя. Богъ скажетъ намъ на страшномъ судѣ Своемъ: Я Богъ, и для тебя родился, сталъ подобнымъ тебѣ человѣкомъ, за тебя страдалъ, за тебя принялъ смерть; а ты, ничтожный и неблагодарный, сдѣлалъ ли для Меня хоть что нибудь? Будемъ, братія, жить такъ, чтобы пока до смерти приготовить на это достаточный отвѣтъ. Аминь.

49

ПОУЧЕНІЕ

о грамотности.

Братія! Всѣ мы теперь стоимъ въ церкви Божіей, и священная служба для всѣхъ насъ одинакова: но не всѣ мы одинаково пользуемся ею. Грамотный христіанинъ видитъ и слышитъ службу Божію, и ее понимаетъ по мѣрѣ своей начитанности; негра-

мотный равно видитъ и слышитъ службу Божію, но понять все, что происходитъ во время службы, можетъ только въ томъ случаѣ, если растолкуютъ ему другіе. Такимъ образомъ, грамотный выноситъ съ собою изъ церкви спасительнаго назиданія больше, нежели сколько выноситъ его неграмотный. А также и дома грамотный христіанинъ можетъ читать слово Божіе во всякое время, когда только пожелаетъ; а неграмотный, если хочетъ насладить душу свою словомъ Божіимъ внѣ церкви, неминуемо долженъ идти къ грамотному, и слово Божіе достается неграмотному, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ. Грамотному христіанину не могутъ злые люди передать слово Божіе иначе, какъ оно написано въ священныхъ книгахъ; неграмотнаго злые люди могутъ обмануть, выдать ему ложь за истину и ввести его въ разныя пагубныя заблужденія. Оттого неграмотный всегда жалѣетъ о томъ, что онъ не выучился грамотѣ; а грамотный никогда не раскаивается въ томъ, что онъ грамотенъ.

Конечно, одна грамотность сама по себѣ никого не спасетъ, и одна неграмотность никого не погубитъ; но все же грамотному спастись удобнѣе и вѣрнѣе, нежели неграмотному. Слово Божіе есть свѣтъ для нашей омраченной души, и этимъ свѣтомъ гораздо удобнѣе пользоваться тому, кто самъ можетъ читать слово Божіе, нежели тому, кто принужденъ слышать его всегда отъ другихъ. Потому то большая часть извѣстныхъ намъ угодниковъ Божіихъ были люди грамотные и ученые. Правда, не мало христіанъ спаслось и угодило Богу изъ неграмотныхъ и простецовъ; но ученье для нихъ съ избыткомъ замѣнила благодать Божія, которая наставила ихъ на спасительныя истины вовсе безъ книги

Вы сами знаете, какъ важна и полезна грамотность въ быту житейскомъ. Правду говорятъ: «ученье свѣтъ, а неученье тьма». Грамотный человѣкъ знаетъ болѣе,—стало быть, онъ умнѣе; грамотный знаетъ вѣрнѣе,—стало быть, менѣе ошибается.

Извѣстно, что среди насъ встрѣчаются такіе грамотники, которые нисколько не лучше и не умнѣе многихъ неграмотныхъ: но это происходитъ не отъ ученья вообще, а единственно отъ плохаго ученья. Гдѣ принимаются за дѣло безъ любви и умѣнья, тамъ дѣло всегда выходитъ неудачнымъ: по этому же самому, гдѣ плохо учатъ, тамъ плохо и выучиваются. Псалтирь, вмѣсто сладости заключающагося въ ней слова Божія, обращается при плохомъ ученьи для ученика только въ скуку и безполезное мученіе. Если бы, напр. я сталъ томить васъ рѣчью для васъ непонятною, вы бы навѣрное только мучились, слушая меня: какова же малюткѣ ученику, когда каждый день съ утра до вечера

учать его непонятному и какимъ то непонятнымъ способомъ? Оттого плохое ученье грамотѣ тянется годъ, два года, три и болѣе; сопровождается тягостными усиліями не только для ученика, но и для учителя, и наконецъ выходитъ грамотѣй, умѣющій читать безъ смысла и писать безъ толку. Эти дешевые, по непризванные и неученые учители, въ соединеніи съ учениками своими, много зла дѣлали и дѣлаютъ народу: они укореняютъ невѣжественныя повѣрья и вредныя безразсудки; поддерживаютъ расколъ,—это безобразное пятно нашего прекраснаго отечества; нерѣдко возмущаютъ легковѣрный народъ противъ законныхъ порядковъ въ обществѣ, противъ св. Церкви, противъ Самого Бога.

Чтобы выучиться грамотѣ, т. е. чтобы умѣть читать и писать со смысломъ и толкомъ, и получить такимъ образомъ способъ къ дальнѣйшему образованію себя, для этого можно найдти и хорошихъ учителей. Въ каждомъ приходѣ есть священники и другіе ученые члены духовенства. Вотъ вамъ учители призванные и на то поставленные, чтобы учили другихъ. Они должны и могутъ не только учить васъ вѣрѣ и добрымъ дѣламъ, но и дѣтей вашихъ грамотѣ. Подъ руководствомъ этихъ учителей грамота уже не должна быть дѣломъ тягостнымъ и безполезнымъ; напротивъ, ученики отъ доброй грамоты будутъ время отъ времени умнѣе, скромнѣе, богобоязненнѣе, понятливѣе и смышленѣе на всякое дѣло,—потому что они будутъ здѣсь слушать и читать только понятное, дѣльное, назидательное и полезное.

Если же грамотность такъ нужна и для спасенія души и для благоустройства въ быту житейскомъ, и если притомъ для полученія грамотѣ легко найти способныхъ и благонадежныхъ учителей, которые живутъ неподалеку отъ васъ, то скажите, почему многіе изъ васъ оставляютъ дѣтей вовсе безъ грамотнаго ученья? Ваши дѣти, покуда малолѣтны, не имѣютъ никакихъ домашнихъ занятій,—и вотъ они съ утра до вечера бѣгаютъ по улицѣ, дѣлаютъ предосудительныя шалости, перенимаютъ другъ отъ друга худыя привычки, выучиваются сквернословной брани, получаютъ ранніе понятія о непристойныхъ предметахъ, пріобрѣтаютъ порочныя наклонности, тупѣютъ на добро и вострѣютъ на худо. А сколько бываетъ различныхъ бѣдъ отъ вашихъ дѣтей, оставленныхъ безъ всякаго призора! Попробуйте же отдать ихъ въ грамотное ученье къ надежному учителю, и вы скоро увидите отъ нихъ не то. Не говоря о присмотрѣ, вашъ сынъ-малютка въ первый же день по выходѣ изъ училища пойдетъ по улицѣ уже не такимъ сорванцомъ, какъ было прежде: при встрѣчѣ съ своими ровесниками онъ заговоритъ уже не о пустякахъ; войдетъ къ вамъ

въ домъ съ замѣтною и небывалою въ немъ прежде скромностью, —и съ этого счастливаго дня поступленія вашего дѣтища въ училище золотое время его дѣтства пойдетъ уже не на угоду діаволу, а на служеніе Богу, на радость вамъ и на пользу ему самому.

Многіе изъ васъ не отдаютъ дѣтей своихъ въ ученіе грамотѣ потому, что надобно платить за ученье. Если ты человѣкъ достаточный, тебѣ и передъ Богомъ грѣшно и передъ людьми стыдно отговариваться платою за ученье: вѣдь ученье столь же нужно для вашего дѣтища, какъ пища, одежда, обувь и т. п. Если же ты человѣкъ недостаточный, а между тѣмъ тебѣ было бы совѣстно не заплатить за труды ученія, въ такомъ случаѣ ты можешь вознаградить учителя за трудъ посильной работой въ его пользу; подобныя услуги твои для тебя самого ничего бы не стоили, а учителю грамоты доставили бы значительное пособіе Если наконецъ ты рѣшительно не въ состояніи ничѣмъ вознаградить за трудъ ученія, то приходскій священникъ, навѣрное, возмется учить твое дитя грамотѣ рѣшительно безъ всякой платы: на то онъ твой пастырь; на то ты зовешь его отцемъ и батюшкой.

Итакъ, братія, отдавайте, какъ можно скорѣе отдавайте дѣтей своихъ въ грамотное ученье: чтобы дѣти ваши болѣе не коснѣли въ невѣжествѣ и порокахъ. Отдавайте въ ученье не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, потому что и дѣвочекъ надобно приготовить къ исполненію христіанскихъ и житейскихъ обязанностей. Занимайте ученіемъ семилѣтнихъ и осьмилѣтнихъ малютокъ, чтобы они не оставались безъ дѣла и не привыкали къ праздности. Этимъ вы исполните самое горячее желаніе нашего православнаго царя и, конечно, волю Божію; а Царица небесная за такое доброе дѣло покроетъ васъ своимъ невидимымъ покровомъ. Аминь.

50

ПОУЧЕНІЕ

о привитіи предохранительной оспы.

На всѣхъ родителей, особенно на родителей христіанскихъ, премудрый Богъ возложилъ священную обязанность заботиться о здоровьи и благополучіи своихъ дѣтей. Но почему вы дѣтямъ своимъ не прививаете предохранительной оспы? Объ этомъ именно слѣдуетъ спросить васъ, потому что этого одного, кажется, вы не употребляете для сохраненія здоровья и жизни дѣтей вашихъ.

Многіе отвѣчаютъ: мы боимся грѣха, потому что вообще не-

читься почитаемъ за грѣхъ. О, какъ не кстати робки и боязливы такъ думающіе, будучи въ другихъ случаяхъ дерзкими и своевольными! За то и отвѣчаютъ они совсѣмъ противно Св. Пис. Въ книгѣ Іисуса сына Сирахова, въ 38 главѣ, сказано такъ: *чадо, въ болѣзни твоей... даждь мѣсто врачу, Господь бо его созда; и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть* (ст. 9—12). Такъ, ты почитаешь за грѣхъ лечиться, а не считаешь грѣхомъ прибѣгать къ разнымъ наговорамъ и ворожбамъ для отгнанія болѣзней; почему же ты не боишься этого дѣйствительнаго грѣха, а боишься мнимаго грѣха—лечиться спроста?

Вообще въ простомъ народѣ есть повѣрье, будто привитіе оспы есть дѣло бѣсовское. Съ чего же взято такое безразсуднѣйшее повѣрье,—не поймешь никакимъ образомъ. Оспу прививаетъ человѣкъ крещеный, православный, иногда изъ духовныхъ причетниковъ и даже изъ священниковъ, и прививаетъ, можетъ быть, еще съ молитвою къ Богу о помощи въ успѣхѣ; прививается оспенная матерія, взятая изъ коровьей оспенной ранки; коровья оспа пристаетъ къ младенцу точно также, какъ и натуральная: что же тутъ остается дѣлать бѣсу? Для бѣса все равно привита ли къ человѣку оспа, или была на человѣкѣ оспа своя натуральная; бѣсъ, какъ всѣмъ извѣстно, ловится за душу человѣческую, чтобы погубить ее, и въ этомъ случаѣ не разбираетъ ни рябыхъ, ни чистыхъ, ни слѣпыхъ ни зрячихъ, ни увѣчныхъ ни здоровыхъ. Если бы въ оспѣ дѣйствительно участвовалъ сколько нибудь бѣсъ, такъ онъ отклонялъ бы людей отъ привитія оспы, а не склонялъ бы къ ея привитію. Бѣсъ, по злобѣ своей, радуется всякому человѣческому бѣдствію; ему пріятно, если люди, пренебрегая привитіемъ оспы, доводятъ себя до оспы натуральной, и потомъ, больные и изувѣченные, до самаго гроба клянутъ жизнь свою, жалуются на судьбу и ропщутъ на промыслъ Божій. Если есть отъ оспы какое избавленіе, какъ напримѣръ привитіе, такъ оно, очевидно, есть дѣло Божіе, а не бѣсовское. Стало быть, не діаволъ, а Богъ открылъ спасительное средство привитія предохранительной оспы, потому что оно для человѣка добро, а не зло. И не грѣхъ ли вамъ, христіане, дѣло Божіе называть дѣломъ бѣсовскимъ?

Конечно, для васъ странно и непонятно, какъ можетъ коровья оспа привиться къ человѣку и предохранить его отъ оспы натуральной: потому-то, навѣрное, вы и приписываете это дѣло пособію нечистой силы. Но мало ли для васъ непонятнаго въ жизни, что не кажется для васъ страннымъ и удивительнымъ потому только, что совершается ежедневно и ежечасно? Объясни-

те, напримѣръ, почему вы, вкусивъ пищи, чувствуете въ себѣ силу: выпивъ вина, дѣлаетесь веселы; принявъ яду, должны страдать и умереть? Вы не знаете, какъ все это совершается внутри васъ, и однако же ни въ одномъ изъ этихъ непонятныхъ случаевъ не подозрѣваете участія бѣсовскаго. И привитая къ человѣку оспа дѣйствуетъ на него точно также, какъ принятая пища, выпитое вино, принятый ядъ и т. п.; зачѣмъ же дѣйствіе привитой оспы приписывать именно бѣсу? Вы не удивляетесь и не дѣлаете поклепа на бѣса, когда оспа, появившись въ селеніи, переходитъ отъ одного младенца къ другому не только отъ прикосновенія, но даже отъ сосѣдства по одному воздуху: что же удивительнаго, если коровья оспенная матерія, сообщенная самой крови человѣка, пристаетъ къ нему и избавляетъ его отъ оспы обыкновенной, такъ какъ оспа дважды съ человѣкомъ не бываетъ? Посмотрите на садовника, онъ къ дикой яблони прививаетъ яблонь садовую, и послѣ того, вмѣсто дикой яблони, у него растетъ яблонь садовая. Дѣло тоже непонятное и удивительное: но садовникъ усердно имъ занимается и молитъ у Господа Бога благословенія праведныхъ трудовъ своихъ, не имѣя ни малѣйшаго помышленія объ участіи здѣсь нечистой силы. Также точно и вамъ нѣтъ никакой надобности предполагать участіе нечистой силы, когда коровья оспа прививается къ человѣку, и послѣ прививія уже не приходитъ къ нему оспа обыкновенная.

Прививаніе оспы, какъ новость, возбудило много различныхъ толковъ, особенно въ простомъ народѣ. Нѣкоторые сомнѣваются, чтобы привитая оспа дѣйствительно предохраняла дѣтей отъ оспы обыкновенной: а инымъ прививіе оспы представляется въ ужасномъ видѣ рѣзанія и кровопролитія, такъ что они не даютъ прививать оспу своимъ дѣтямъ единственно изъ жалости къ нимъ. Первымъ предлагаю посмотрѣть на тѣхъ дѣтей, къ которымъ пристала привитая оспа: тутъ увидятъ они, что привитая оспа не оставляетъ ни малѣйшаго слѣда на ребенкѣ, кромѣ нѣсколькихъ легкихъ рябинъ на мѣстѣ прививанія, и этого ребенка не различишь съ тѣмъ, на которомъ вовсе не бывало никакой оспы. Наблюдайте за этимъ ребенкомъ годъ, два, десять, сколько угодно лѣтъ: въ другихъ семействахъ оспа свирѣпствуетъ, какъ моровая язва, а къ привитому ребенку не коснется во всю жизнь. Другимъ, которымъ прививаніе оспы представляется въ ужасномъ видѣ рѣзанія и кровопролитія, совѣтую выбрать случай поглядѣть на дѣлѣ, какъ прививаютъ оспу. Тутъ они удостовѣрились бы, что при прививіи оспы кровь вовсе не проливается, а появляется одна сукровица, и ребенокъ чувствуетъ при этомъ боль самую

ничтожную. Вообще привитіе оспы столь легко и столь полезно, что должны привить себѣ оспу всѣ тѣ изъ взрослыхъ, которые миновали оспы натуральной.

Всѣмъ вамъ извѣстно, что̀ дѣлаетъ съ людьми обыкновенная оспа натуральная. Счастливъ человѣкъ, если отдѣлается отъ нея легкими рябинами, напоминающими о ней до конца жизни. А то сколько людей стало отъ нея безобразными! Сколько стало отъ нея глухихъ, кривыхъ, слѣпыхъ, изувѣченныхъ и изуродованныхъ различнымъ образомъ! Сколько больныхъ, томныхъ, чахлыхъ и нерадыхъ житью своему оставила она на всю жизнь! Сколько наконецъ людей поразила она преждевременной смертью! А каково человѣку во время самой болѣзни! Со стороны болитъ сердце, когда видишь ребенка въ натуральной оспѣ. Это въ маломъ видѣ многострадальный Іовъ, который былъ пораженъ лютымъ гноемъ съ головы до ногъ и, видя отвратительность для другихъ своей болѣзни, удалился отъ людей въ поле, чтобы страдать одиноко. Смотря на младенца, пораженнаго оспой, чувствуешь глубокую жалость; кромѣ того, что младенецъ, весь покрытый струпьями, потерялъ даже видъ человѣческій, самый воздухъ около него зараженъ какимъ-то удушливымъ зловоніемъ. Именно Богъ, по Своему безмѣрному милосердію, открылъ средство избавленія отъ оспы,— этого страшнаго бѣдствія, и чѣмъ?—привитіемъ коровьей оспы,— оспы, взятой съ такого животнаго, котораго молокомъ питаемся *мы и дѣти наши*. А мы, *неразумные грѣшники*, вмѣсто того, *чтобы благодарить* Господа за столь великое благодѣяніе, еще *осмѣливаемся* называть его дѣломъ бѣсовскимъ.

Родители! если вы не прививаете своимъ дѣтямъ предохранительной оспы, то не говорите, что вы ихъ любите, что вы ихъ жалѣете. На васъ, на васъ именно вопіетъ къ Богу вашъ младенецъ, страждущій, обезображенный, пораженный лютымъ гноемъ съ головы до ногъ, пожираемый внутреннимъ пламенемъ: зачѣмъ вы не предупредили его ужасной болѣзни средствомъ самымъ простымъ, которое, очевидно, открыто Самимъ Богомъ? Вы, отецъ и мать, виноваты въ томъ, что погубили естественную красоту вашего дѣтища; не говорите, что христіанину не слѣдуетъ заниматься наружною красотою; знайте, что̀ Богъ далъ, то и должно хранить, какъ даръ Божій Вы, отецъ и мать, виноваты въ томъ, что дитя ваше стало уродомъ, отвратительнымъ себѣ и людямъ; не Богъ сотворилъ его такимъ, а вы довели его до уродства своимъ безразсудствомъ. Вы, отецъ и мать, виноваты въ томъ, что рожденный вами человѣкъ долженъ влачить горестную жизнь отъ колыбели до гроба въ постоянной болѣзни, слабости, хилости, и

жить, будучи нерадъ жизни. Іисусъ сынъ Сираховъ говоритъ: *лучше есть смерть наче живота горька или недуга долгаго* (30, 17). Вы, отецъ и мать, будете отвѣчать за смерть вашего младенца, умершаго отъ оспы; потому что знавши средство спасти жизнь его, этого средства вы не употребили. Знавши, что съ голоду умираютъ, вы кормили вашего младенца; отъ жажды умираютъ,—вы его поили; отъ холода мерзнутъ, вы его грѣли; въ водѣ тонутъ,—вы его не подпускали къ рѣкѣ; въ огнѣ горятъ,—вы его хранили отъ огня; отъ тяжести раздавливаются,—вы его отводили отъ мѣста, гдѣ разрушается зданіе. А знавши, что отъ оспы умираютъ, вы не привили ея вашему младенцу; вашъ младенецъ заболѣлъ оспой и померъ. Итакъ, не вы ли виновны въ его смерти? Не на васъ ли Богъ взыщетъ смерть его? Плачьте же не на злую судьбу, а на самихъ себя, если вы похоронили любимое свое дѣтище, умершее отъ оспы, или если дитя ваше осталось вживѣ, на вѣкъ изуродованное оспой.

Вы говорите: жизнь и смерть человѣка во власти Божіей; и если дитя наше умерло отъ оспы, значитъ на то была воля Божія. Все это правда. Однако же, при всей вашей справедливой вѣрѣ во власть Божію, вы не оставляете вашего младенца на произволъ судьбы: вмѣсто хлѣба не подаете ему камень, или вмѣсто рыбы не подаете ему змѣю; а напротивъ, кормите его, поите, обуваете, одѣваете и исправляете всѣ его естественныя нужды. Богъ, во власти Коего жизнь и смерть всѣхъ тварей, поручилъ однако ваше дитя вашему храненію; если уже вы его покинете, то кто же будетъ хранить его безпомощнаго? Если вы даете вашему дѣтищу только ѣсть, а въ питьѣ ему отказываете,—какіе вы его хранители? Ваше дитя, будучи довольно пищей, должно умереть отъ жажды. Если вы поите и кормите ваше дитя, а не согрѣваете его въ холодное время;—какіе вы его хранители? Ваше дитя, довольное пищей и питьемъ, должно замерзнуть. Если вы исправляете всѣ естественныя нужды вашего дѣтища, а не привили ему предохранительной оспы,—какіе вы его хранители? Ваше дѣтище, будучи довольное во всемъ, обутое, одѣтое, согрѣтое, накормленное, напоенное, умираетъ отъ оспы. И вы думаете оправдаться въ смерти вашего младенца тѣмъ, что на то была воля Божія? Хорошо! Разбойникъ зарѣзалъ путешественника. Чтобъ путешественнику погибнуть такою смертью, на то дѣйствительно было попущеніе Божіе: ужели же поэтому разбойникъ сталъ невиноватъ въ душегубствѣ? Злодѣй поджегъ селеніе, и оно сгорѣло. Пожара не отвратилъ отъ селенія точно Самъ Богъ: ужели же поэтому поджигатель освобождается отъ наказанія? Вы допустили

ваше дитя умретъ отъ оспы, потому что не привили ему предохранительной. Не безъ воли Божіей это совершилось: ужели же поэтому вы не должны отвѣчать за смерть его? Притомъ замѣтьте что даже некрещеные прививаютъ оспу своимъ дѣтямъ, многіе невѣрные не отказываются пользоваться такимъ благодѣяніемъ Божіимъ; если же вы, вѣрные, отвергаете этотъ даръ Божій на пагубу вашимъ дѣтямъ и на горе вамъ самимъ, то можете судить, каковы вы предъ Богомъ.

Оставьте, братія, всѣ толки и предразсудки относительно оспопрививанія, которые, очевидно, противны здравому смыслу. Озаботьтесь всячески привить осну всѣ и всѣмъ вашимъ дѣтямъ. Исполнивши эту обязанность, вы не узнаете поздняго раскаянія и тяжкихъ укоровъ совѣсти; напротивъ, вы будете имѣть утѣшеніе видѣть дѣтей хорошихъ, здоровыхъ и веселыхъ. Аминь.

51

ПОУЧЕНІЕ

о б о ж б ѣ.

Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко (Матѳ. 5, 34).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ этими словами Своими заповѣдуетъ намъ вовсе никакъ не божиться и не клясться. Такое запрещеніе божбы и клятвы съ перваго раза кажется уже слишкомъ строгимъ; особенно это такъ кажется тѣмъ, которые привыкли часто божиться, каковы и многіе изъ насъ.

Для привычнаго грѣшника запрещеніе всякаго грѣха, пожалуй, кажется строгимъ: ужели же изъ-за этого и нужно позволить намъ всякій грѣхъ? Напротивъ, тѣ-то грѣхи и требуютъ яснаго запрещенія, которые находятся у людей въ употребленіи; и Господь потому-то особенно и почелъ нужнымъ запретить намъ всякую божбу, что мы пріобрѣли къ божбѣ привычку и не умѣемъ употребить ее благоразумно.

Но мнѣ безъ божбы не вѣрятъ. Другъ мой, тебѣ никто и ни въ чемъ не будемъ вѣрить, если замѣтятъ, что ты имѣешь къ божбѣ привычку. Вѣдь люди не вовсе безразборчивы въ обращеніи другъ съ другомъ,—наши недостатки и предосудительныя привычки прежде всего бросаются имъ въ глаза. Изъ твоей частой божбы люди легко могутъ подумать о тебѣ вотъ какъ: «едва ли онъ

правдивъ,—онъ непрестанно божится; онъ, должно быть, не дорожитъ клятвой; для него, должно быть, ничего не стóитъ побожиться и напрасно». И послѣ этого ты извѣришься передъ людьми черезъ свою божбу такъ что они не будутъ вѣрить тебѣ даже и въ правдѣ. Да они, впрочемъ, и справедливы. Если бы ты не зналъ за собой грѣха лгать и хвастать, тебѣ не было бы никакой надобности каждое слово свое подтверждать божбой и клятвой. Желая скрыть божбой свои неправды и хвастливость, ты уже этимъ самымъ открываешь свою лживую душу, и когда божишься, тогда прямо даешь о себѣ знать, что ты неправдивый человѣкъ.

Но я божусь за правду! ужели же грѣшно за правду побожиться? Немного же добраго ты дѣлаешь, когда божишься и за правду. Правда, какъ скоро побожишься въ ней, не столько открываетъ себя, сколько скрывается отъ людей; потому что люди и по себѣ знаютъ, что божба по бóльшей части бываетъ орудіемъ лжи, обмана и хвастовства. Вѣдь охотники божиться, какъ извѣстно, во всемъ божатся, и въ правдѣ, и въ неправдѣ: почему же можно узнать, что ты божишься именно въ правдѣ, а не напрасно? Стало быть, хотя ты побожишься, можетъ статься, и въ правдѣ, но мы все имѣемъ достаточныя причины тебѣ не вѣрить; и вотъ тебѣ приходится принимать другія мѣры для того, чтобы увѣрить насъ въ твоей правдѣ. Итакъ, видите, что божба есть самое ненадежное доказательство истины. Положимъ даже, что ты божишься всегда въ правдѣ и что тебѣ за божбу всегда вѣрятъ; только опасайся, чтобы тебѣ со временемъ не дойти и до божбы напрасной, если ты не покинешь привычки къ частой божбѣ. Все священное только до тѣхъ поръ для насъ важно и священно, пока мы обращаемся съ нимъ съ уваженіемъ и благоговѣніемъ; а какъ скоро привыкаемъ къ нему черезъ частое и ненужное употребленіе, тогда теряемъ къ нему уваженіе, перестаемъ дорожить имъ и не страшимся употреблять его, какъ намъ вздумается. Тоже можно сказать и о божбѣ. Божба для насъ священна, если мы божимся рѣдко, или и никогда не божимся; а если употребляемъ божбу часто и безъ нужды, тогда она теряетъ для насъ свою цѣну,—тогда для насъ ничего не стóитъ побожиться и напрасно. Такимъ образомъ, съ каждой божбой за правду, мы дѣлаемъ шагъ къ божбѣ напрасной, и часто обращаясь съ ней, какъ бы нечувствительно дѣлаемся людьми неправдивыми.

А пока есть на свѣтѣ неправда: пока водятся между людьми лжецы и обманщики, дотолѣ божба, или, лучше, клятва никакъ неизбѣжна. Безъ клятвы правительство не могло бы открыть

многихъ преступленій, не могло бы рѣшить справедливо многихъ судебныхъ дѣлъ. И когда насъ призываютъ во свидѣтельство, и ужь, конечно, по нужному дѣлу, тогда мы смѣло можемъ идти къ присягѣ, и цѣлуя животворящій крестъ и св. евангеліе, объявить сущую правду; тогда мы нисколько не преступимъ словъ Спасителя: *вовсе не клянитесь*. Эти слова: *вовсе не клянитесь*, запрещаютъ божбу и клятву только въ случаяхъ ненужныхъ и маловажныхъ; но намъ нисколько не грѣшно призвать Бога во свидѣтельство вѣрности нашихъ словъ, когда дѣло идетъ о жизни, или участи, или о благосостояніи какого бы то ни было человѣка, или когда мы защищаемъ святость нашей вѣры,—вообще, когда дѣло идетъ о чемъ либо важномъ. И если мы будемъ божиться и клясться только въ случаяхъ, стоющихъ божбы и имени Божія, и если, стало быть, будемъ дѣлать это рѣдко, то божба и клятва наши будутъ передъ людьми такъ дѣйствительны, какъ будто мы поставимъ имъ истину передъ глазами; тогда всѣ будутъ вѣрить словамъ нашимъ и вовсе безъ божбы. Безъ божбы вѣдь одна только ложь не можетъ обойтись; а правда безъ нея легко обходится.

Да и какой я христіанинъ, ежели мнѣ безъ божбы не вѣрятъ? Ежели мнѣ не вѣрятъ безъ божбы, значитъ я замѣченъ во лжи, обманѣ и хвастовствѣ; а ложь, обманъ и хвастовство несвойственны и невѣрному, не только христіанину. Судите же, каковъ долженъ быть тотъ христіанинъ, которому и при божбѣ не вѣрятъ? Онъ хуже и безчестнѣе невѣрнаго, потому что и невѣрные никогда не призываютъ бога своего, хотя и ложнаго, во свидѣтельство неправды. Іисусъ Христосъ сказалъ: *вовсе не клянитесь*, единственно для того, чтобы сдѣлать насъ совершенно правдивыми и честными; чтобы намъ вѣрили безъ всякой божбы за одни слова: *да, да! нѣтъ, нѣтъ!* (Мато. 5, 37). Вотъ до такой то правдивости и честности старайтесь доходить вы, православные христіане, чтобы не напрасно называть вамъ себя православными христіанами!

А между тѣмъ у васъ-то, называющихъ себя православными христіанами, и употребляются такія клятвы, которыя невозможно слушать безъ отвращенія и ужаса. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ и, къ несчастію, самыя обыкновенныя: «будь я анаѳема—проклятъ? Лопни мои глаза! Лопни моя утроба! Чтобы мнѣ сквозь землю провалиться! Чтобы мнѣ не выйти отсюда»! и т. п. Ахъ, какъ это языкъ человѣческій поворачивается выговаривать такія ужасныя слова? Конечно, ты произносишь ихъ легкомысленно и почти машинально, безъ сознанія; но вѣдь ты все таки говоришь

то, что мыслишь, а мыслишь то, что чувствуешь. И что, если въ самомъ дѣлѣ, послѣ выговора такихъ клятвъ, лопнутъ твои глаза, разсядется твоя утроба, разступится подъ тобой земля и ты умрешь на томъ мѣстѣ, гдѣ проклялъ самъ себя? Но ты такъ клянешься, вовсе не ожидая, чтобы съ тобой случилось то или другое упоминаемое въ клятвѣ несчастіе: значитъ, въ тебѣ не осталось и слѣдовъ правды, когда ты увѣряешь другихъ тѣмъ, чего самъ никакъ не ожидаешь. Положимъ, что и дѣйствительно, послѣ твоихъ страшныхъ клятвъ не случится съ тобой никакого несчастія; но лучше ли для тебя, если ты черезъ клятвы свои лишаешься неба? Вѣдь небо никого не принимаетъ безъ правды, которую ты совершенно теряешь съ своими безразсудными клятвами. Нѣтъ, другъ мой, лучше бы въ самомъ дѣлѣ постигли тебя всѣ возможныя несчастія, нежели лишиться тебѣ неба на вѣки. Итакъ, вотъ каковы твои безразсудныя клятвы, что ты дѣлаешь себѣ черезъ нихъ больше несчастій, нежели о какихъ въ нихъ упоминаешь. А съ такими клятвами иногда еще лгутъ, обманываютъ, клевещутъ на другихъ, и имя Божіе, часто примѣшиваемое къ такимъ безобразнымъ и неправеднымъ клятвамъ, приводитъ въ трепетъ всякаго благочестиваго человѣка. Какъ это земля носитъ насъ съ такими неправдами? Какъ небо не обрушится на насъ за такія дерзости?

Да, неправда, именно одна неправда произвела на свѣтъ всякія божбы и клятвы. Мы привыкли жить неправдой; а неправдой безъ божбы, кажется, и дня не проживешь. Но надолго ли эта жизнь неправдой? Надежно ли это безчестное ремесло? Я божусь, и мнѣ божатся; я лгу, и мнѣ лгутъ; я обманываю, и меня обманываютъ. Люди другъ друга проводятъ, другъ друга перехитряютъ, и счастіе, которое ловятъ неправдой, ускользаетъ изъ рукъ: это—страшная суматоха, въ которой не взвидишь, кто правъ, кто виноватъ. Но непреклонные на неправду люди, которые съ точностію слѣдуютъ заповѣди Спасителя: *да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ;* отъ которыхъ, кромѣ такихъ воздержныхъ подтвержденій и отрицаній, никакой клятвы и божбы не услышишь,—эти рѣдкіе люди видны среди неправедныхъ, какъ звѣзды изъ-за бѣгущихъ облаковъ. Они не лгутъ, не обманываютъ, и сами такъ осторожны, что не даются въ обманъ другимъ. Съ непоколебимою правдою они живутъ, мирно и покойно пользуясь тѣмъ достояніемъ, какое удѣлилъ имъ Богъ. Такой участи и всѣхъ насъ не лиши, Господи! Аминь.

52

ПОУЧЕНІЕ

о кражѣ.

Въ числѣ заповѣдей Божіихъ есть слѣдующая заповѣдь: *не укради.*

Люди называютъ воромъ обыкновенно того, кто забирается въ чужіе домы и дворы, подламываетъ, подкапываетъ и похищаетъ чужую собственность. Такое гнусное дѣло противно свѣту Божьему, и вору суждено заниматься своимъ ремесломъ въ потьмахъ, по ночамъ. Судъ людской строгъ къ вору; его не терпятъ ни добрые, ни злые. А если такъ ненавистенъ воръ для людей, если уже судъ людской не щадитъ вора,—то сколь строгъ долженъ быть къ нему судъ божественный!

Кража, это тайное и ночное ремесло, есть величайшее зло для всѣхъ людей безъ исключенія. Если бы не было воровъ на свѣтѣ, жизнь наша была бы совсѣмъ другая. Одного вора опасаются тысячи людей; одинъ воръ бываетъ страшенъ для всѣхъ окружныхъ селеній. Сколько крѣпкихъ пристроекъ, разнаго рода запоровъ; сколько наблюдательнаго призора требуется, чтобы сберечь имущество отъ одного или нѣсколькихъ негодныхъ людей—воровъ! Словомъ, воры отнимаютъ у людей, можно сказать, четвертую долю времени, занятій и спокойствія; и между тѣмъ почти ни одинъ человѣкъ не проживетъ вѣкъ не обокраденнымъ. Послѣ этого очень естественно, если воры такъ ненавистны въ человѣческомъ обществѣ.

Кража, какъ видно, крайне завлекательна; она дѣлаетъ своимъ невольникомъ того, кто занимается ею. Кто разъ испыталъ прикоснуться къ чужому завѣтному добру, тотъ вѣкъ остается къ нему какъ будто прикованнымъ. Вора рѣдко исправляютъ тюрьмы и другія исправительныя мѣры; воръ и тамъ крадетъ, гдѣ его наказываютъ за кражу. Конецъ его на здѣшнемъ свѣтѣ ссылка на поселеніе и каторга, а на томъ свѣтѣ—адъ и вѣчныя муки.

А такъ ли легко это ремесло, какъ оно заманчиво? Хотя чужое добро тѣмъ и привлекательно для вора, что оно, по видимому, не требуетъ трудовъ съ его стороны, однако же и кража бываетъ часто не легка. Несчастному вору часто доводится цѣлыя ночи мокнуть подъ дождемъ, или мерзнуть отъ стужи. На каждомъ шагу ему чудятся люди; въ каждой вещи представляется ему свидѣтель его преступленія. Иная украденная вещь до-

стается вору очень дорого, едва ли не дороже того, какъ добыть ее честнымъ образомъ. Бываетъ, что самый трудолюбивый человѣкъ не сдѣлаетъ столько днемъ, сколько воръ сдѣлаетъ ночью.

Рѣдкій воръ проходитъ безъ наказанія отъ правительства, но ни одинъ не проходитъ и не пройдетъ даже еще на семъ свѣтѣ безъ наказанія Божія. Воръ крадетъ для того, чтобы быть богатымъ, а изъ бѣдности никогда не выходитъ. Похищая у другихъ деньги, воръ всегда терпитъ въ нихъ крайнюю нужду; опустошая житницы, онъ имѣетъ очень скудное пропитаніе; воруя чужую одежду, онъ всегда въ рубищахъ. Смотря на житье вора, легко подумать, что его самого непрестанно обкрадываютъ. Отъ вѣка не видано и не слыхано, чтобы у вора былъ порядочный домъ, чтобы у него было достаточно хлѣба, скота, денегъ и всякаго добра. Отчего же это? Каждую ночь воръ съ прибылью,—куда же все дѣвается? Братія! Богъ никогда не благословляетъ ремесло этого рода; а безъ благословенія Божія и изъ многаго не остается ничего, между тѣмъ какъ при благословеніи Божіемъ и изъ ничего дѣлается многое.

Не лучше воровъ участь и тѣхъ людей, которые хотя не занимаются кражею по почамъ, а другими способами тайно берутъ чужое. Вообще все чужое, взятое въ кражу, не пойдетъ въ прокъ похитителю: гдѣ возмешь такимъ образомъ одну копѣйку, тамъ непремѣнно оставляешь двѣ собственныхъ; думая обогатиться, непремѣнно обѣднѣешь; надѣясь исправить одну нужду, непремѣнно увидишь двѣ нужды неисправленныхъ. Уже таково распоряженіе Бога—Хранителя человѣческой жизни.

Недалеки отъ воровъ и тѣ люди, которые или обманомъ, или угрозами, или продажею своихъ обязанностей, или другими безчестными средствами присвоиваютъ себѣ чужое. Они тѣже воры, только явные, получающіе чужое добро изъ рукъ владѣльца. Судъ людской относится къ такимъ явнымъ ворамъ снисходительно, да нельзя намъ строго судить ихъ изъ опасенія произнести судъ надъ самими собою. Но судъ божественный не щадитъ и ихъ: и если многимъ явнымъ ворамъ попускаетъ жить, повидимому, счастливо на семъ свѣтѣ, то готовитъ имъ на томъ свѣтѣ вѣчныя муки. Притомъ, кто пріобрѣлъ привычку жить на чужой счетъ, кому стало за обычай брать явно чужое, тотъ легко доходитъ и до тайной кражи; потому что всѣ грѣхи и пороки такъ сплетены между собою, что, занимаясь одними, берешься за другіе, и сегодня пребывая въ малыхъ, завтра переходишь къ важнымъ и великимъ.

Кража вообще есть столь низкая, презрѣнная и ненавистная

страсть, что ею гнушаются даже и невѣрные, не познавшіе воли Господней. Ворамъ Богъ не Отецъ; Церковь святая имъ не мать; имъ Христосъ не Спаситель, ангелы не друзья и не хранители, люди не братья и не ближніе, христіане не сообщники. Аминь.

53

ПОУЧЕНІЕ

О ПЬЯНСТВѢ.

Не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ (Ефес. 5, 18).

Именно въ пьянствѣ блудъ. Пьяница ничѣмъ не лучше любодѣя. А если разсмотрѣть пьянство во всѣхъ отношеніяхъ, то выйдетъ, что блудъ далеко отстаетъ отъ него по тяжести преступленія.

Пьянство можно назвать произвольнымъ сумасшествіемъ и бѣшенствомъ. У пьянаго умъ помрачается, сердце какъ то уродливо чувствуетъ, даже въ глазахъ двоятся предметы. Если самоубійца есть грѣшникъ совершенно отчаянный, то развѣ немногимъ его меньше грѣшитъ тотъ, кто, не лишая себя жизни, лишаетъ себя здраваго разума, свѣжихъ чувствъ, правильнаго дѣйствія зрѣнія и слуха и всего себя превращаетъ во что-то неестественное. Если пьяный не убиваетъ себя, за то убиваетъ на время въ себѣ человѣческую природу: потому что онъ съ намѣреніемъ, или еще и съ удовольствіемъ доводитъ себя до того, что и мыслитъ, и чувствуетъ, и желаетъ, и видитъ и слышитъ совсѣмъ не такъ, какъ человѣкъ въ трезвомъ состояніи. А вѣдь только по мышленію, по желаніямъ да по чувствованію человѣкъ и разнится отъ животныхъ безсловесныхъ.

Пьянаго всегда видишь съ буйствомъ, сквернословіемъ и со всѣмъ, что только есть на свѣтѣ постыднаго. Какъ наружный видъ его превратился во что-то нечеловѣческое, такъ и всѣ дѣйствія его не похожи на человѣческія. Гдѣ вино, тамъ непремѣнно шумъ, гамъ и безчиніе, а далѣе ссора, драка и все нехорошее. Каждое слово здѣсь дышетъ порокомъ, каждая мысль есть преступленіе, каждое дѣло—грѣхъ. Богъ и вѣра тутъ забыты вовсе: а если и вспоминаются, такъ только для того, чтобы быть осмѣянными. Блудникъ, воръ, разбойникъ и вообще всякій злодѣй обыкновенно сперва выпиваетъ вина, чтобы потомъ смѣлѣе со-

вершить свое злодѣйство; и на оборотъ, выпивши вина бываетъ готовъ и на блудъ, и на кражу, и на разбой, и на всякое злодѣйство. Такимъ образомъ, почти всякое зло дѣлается съ помощію вина, и отъ вина дѣлается почти всякое зло.

Что же такое заставляетъ насъ напиваться вина? Пьяному бываетъ какъ то весело, горе какъ то забывается; несчастія хоть на день, на два, а проходятъ. Это, можетъ статься, и правда, что пьяному бываетъ весело; тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что это веселье покупается слишкомъ дорого.—за него люди расчитываются не только чистыми деньгами, но и вожделѣннымъ здоровьемъ. Ты пьянѣ пьянъ и веселъ, а завтра отзовется тебѣ это веселье и ломотою въ головѣ и тоскою въ сердцѣ: за лишнія слова, сказанныя тобою въ пьяномъ видѣ, ты завтра поплатишься стыдомъ, за безчинія—угрызеніемъ совѣсти, а за иные поступки, пожалуй, попадешь и въ арестантское помѣщеніе. Завтра, когда протрезвишься, встрѣтитъ тебя цѣлая бездна непріятностей, въ пьяномъ состояніи ты, можетъ быть, опорочилъ кого, обидѣлъ, сдѣлалъ важное преступленіе, или объявилъ свою самую завѣтную тайну. Не напьешься ни разу, чтобы послѣ не каяться, только мы, по любви къ вину, каемся не въ томъ, что напились его, а въ томъ, что сказали лишнее, сдѣлали лишнее,—а того не подумаемъ, что если бы мы не были пьяны, навѣрное ничего такого не сказали и не сдѣлали. Природа очень экономна: за всякое искусственное веселье мы платимъ ей вдвое страданіями и мученіями; т. е. сколько мы были веселы въ пьяномъ состояніи, вдвое противъ того должны мучиться послѣ. Извѣстно, какіе ужасы происходятъ съ человѣкомъ послѣ долгаго и сильнаго запоя: несчастный нерѣдко доходитъ до дѣйствительнаго сумасшествія, а иногда завершаетъ свой злосчастный грѣхъ самоубійствомъ. Судите, братія, сами, стоютъ ли того вино и пьяное веселье, чтобы для нихъ раззоряться, изъ за нихъ хворать и подвергать тѣло свое и свою безсмертную душу всякимъ опасностямъ?

Но вы, пожалуй, скажете: можно ли прожить, чтобы иногда не выпить вина? Свадьбы, праздники, дружескія бесѣды, пиры, сильныя горести и радости—при нихъ никакъ не обойдешься безъ вина. Да намъ никто и не запрещаетъ пить вино, только запрещаютъ напиваться. Умѣренное употребленіе вина иногда служитъ человѣку въ здоровье, а неумѣренное вредно во всѣхъ отношеніяхъ. Самая христіанская вѣра наша никогда ни въ чемъ не запрещаетъ умѣренности: и св. апостолъ Павелъ не сказалъ: не пейте вино, а сказалъ: *не упивайтесь виномъ*. Стало быть, если ты не видишь никакой надобности вовсе отказаться отъ употреб-

ленія вина, тебѣ не грѣшно пить его при случаѣ; только какъ скоро почувствуешь дѣйствіе вина въ головѣ, не продолжай пить далѣе, далѣе уже грѣхъ смертный. А если ты столько слабъ, что, выпивъ немного, непремѣнно будешь пить больше и больше, въ такомъ случаѣ ты вовсе не долженъ и прикасаться къ вину: оно для тебя ядъ, отравляющій душу и тѣло. Аминь.

54

ПОУЧЕНІЕ

о человѣкоугодіи.

Возлюбиша славу человѣческую паче славы Божіей (Іоан. 12, 43).

Возлюбили славу человѣческую болѣе, чѣмъ славу Божію. знатные изъ Іудеевъ, которые, увѣровавъ въ Іисуса Христа, скрывали свою вѣру отъ людей изъ боязни подпасть ихъ осужденію.

Таковы и многіе изъ насъ. Судъ Божій намъ кажется слишкомъ справедливымъ: поэтому мы любимъ передавать свои дѣла на судъ человѣческій. А какъ въ этомъ человѣческомъ судѣ мы обыкновенно стараемся подать первый голосъ и перекричать другихъ, то отсюда и выходитъ у насъ какое то самосудіе, оправданіе себя, осужденіе ближнихъ.

Мы не потому предаемъ дѣла свои суду человѣческому, чтобы этотъ судъ былъ строго справедливъ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, всегда благопріятствовалъ намъ, а потому, что не имѣемъ въ виду лучшаго на нашъ вкусъ суда. Мы дорожимъ людскимъ мнѣніемъ въ особенности потому, что имѣемъ способы обмануть его; мы любимъ похвалу, какъ дѣти пустую, но блестящую игрушку; ищемъ чести и славы у людей, чтобы имѣть возможность полюбоваться и повеличаться собою передъ людьми. Намъ вѣрно извѣстно, что Богъ никогда не похвалитъ насъ за наши непотребныя дѣла: потому то и непріятенъ намъ праведный судъ Его. Люди же хвалятъ иногда и не совсѣмъ хорошія дѣла; честь и слава воздается отъ нихъ часто и не совсѣмъ достойнымъ людямъ. Богъ видитъ наши тайны глубочайшія, а отъ людей легко скрыть многое. Когда то еще наступитъ часъ всеобщаго воздаянія, когда то еще судъ Божій сдѣлается для насъ осязательнымъ и неотвратимымъ,—а теперь пока мы имѣемъ нужду въ людяхъ каждую минуту. Худъ ли, хорошъ ли судъ ихъ, а надобно какъ нибудь

къ нему приноравливаться: къ тому ведетъ всеобщій обычай грѣшниковъ.

А въ самомъ-то дѣлѣ не надобность заставляетъ насъ дорожить людскимъ мнѣніемъ до степени забвенія о Богѣ, а одна суетность; потому что въ дѣйствительности гораздо легче угодить суду Божію, нежели суду человѣческому. Тамъ надобно угодить одному, а здѣсь многимъ; тамъ встрѣча любви, мира и прощенія, а здѣсь капризы на капризы, притязательность на притязательность и зло на зло. Отъ людей ничего даромъ не дается: похвалу у нихъ надобно или купить на чистую выгоду, или выманить обманомъ, и все таки похвала ихъ завтра же можетъ превратиться въ осужденіе или въ презрѣніе къ намъ. Полезнаго и нужнаго намъ человѣка мы всегда называемъ хорошимъ, будь онъ пустѣе всякой пустоты, и готовы носить его на рукахъ, покуда онъ нуженъ; миновала наша нужда въ немъ,—и всѣ его достоинства въ нашихъ глазахъ пропали. Кто страстно любитъ похвалу людскую, того легко обмануть: стóитъ подойти къ нему съ лестью, и его сердце растаяло, какъ воскъ, и онъ весь къ твоимъ услугамъ. Этимъ способомъ люди успѣваютъ дѣлать другихъ несчастными, и сами въ свою очередь подвергаясь той же участи. Итакъ, вотъ каковъ человѣческій судъ, которому мы съ такимъ раболѣпствомъ довѣряемъ разборъ нашихъ дѣлъ и часто всю судьбу нашу.

Положимъ, впрочемъ, что вы совершили истинно доброе дѣло и вполнѣ заслужили, чтобы васъ хвалили, почитали и славили. Но при всѣхъ вашихъ совершенствахъ можете ли ожидать отъ людей, чтобы они отдали вамъ полную справедливость? Нѣтъ, братія, не бывать правды тамъ, гдѣ она непризвана свыше. Люди отдадутъ, пожалуй, вамъ справедливость, даже превознесутъ васъ выше вашихъ заслугъ, если ваши дѣла льстятъ ихъ вкусу и соотвѣтствуютъ ихъ видамъ: въ противномъ случаѣ, для васъ было бы лучше вовсе не искать ихъ вниманія. Если ваше дѣло, ваша заслуга имѣетъ недостатки, а кто же и что же на свѣтѣ ихъ не имѣетъ?—ваши недостатки первые бросятся людямъ въ глаза, и вы не минуете горечи осмѣянія. Если же люди не найдутъ въ васъ недостатковъ, тѣмъ хуже для васъ: въ такомъ случаѣ люди встрѣтятъ васъ съ завистью; въ самомъ зародышѣ постараются убить въ васъ ревность къ добру и заслугамъ, будутъ гнать васъ самихъ, и вы наживете себѣ множество несчастій единственно за то, что не скрываете своего превосходства передъ тѣми, коихъ судъ для васъ дорогъ. Вы падете духомъ единственно потому, что падаете ницъ не передъ истиннымъ Божествомъ, а передъ бездушнымъ истукапомъ людскаго мнѣнія. Такой неза-

видной участи подвергаются всѣ искатели человѣческихъ похвалъ. Люди вообще не терпятъ другъ въ другѣ превосходства передъ собою, потому что каждый изъ насъ много мечтаетъ о себѣ; всякій имѣетъ притязанія на достоинства, на преимущества предъ другими. Богатый мечтаетъ, *что богатство есть высочайшее достоинство въ свѣтѣ, и готовъ раззориться въ конецъ, чтобы поддержать въ другихъ высокое о себѣ мнѣніе. Знатный происхожденіемъ ставитъ свою породу на верхъ земнаго величія, и, взобравшись туда,* гордо смотритъ на весь свѣтъ. Ученый, занесшись къ облакамъ, по дальности разстоянія отъ другихъ, ни въ комъ не видитъ себѣ равнаго. Ловкій на словахъ величается передъ другими своимъ краснорѣчіемъ; красивый гордится своею наружностью, высокій ростомъ—своею осанкою, тучный—величіемъ своего вида, сильный—крѣпостію рукъ. Нищій, покрытый рубищемъ, скитающійся гдѣ день, гдѣ ночь, занятъ собою не менѣе богатаго, котораго судьба занесла на самое видное мѣсто; жалкій убогій не чуждъ притязаній на превосходство передъ другими, и изъ угодниковъ міра нѣтъ такого человѣка, который не подозрѣвалъ бы въ себѣ достоинствъ недоступныхъ другимъ. Гордость и суетность заразили города, села и деревни, поселились во всѣхъ сословіяхъ и отравили пустоту народа: весь свѣтъ похожъ на безчисленное множество вертящихся колесъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя особенно важной пружиной. Ищите же здѣсь справедливаго разбора дѣлъ; ожидайте, чтобы васъ замѣтили въ этой суматохѣ гордости и суетности; домогайтесь похвалы и чести тамъ, гдѣ каждый занятъ самъ собою!

Но это еще не совершенная бѣда, если человѣческій судъ никогда не отдастъ намъ полной справедливости,—черезъ это мы наживаемъ только временныя несчастія, чувствительныя въ особенности суетнымъ людямъ; главное дѣло въ томъ, что, угождая людямъ, мы не можемъ угодить Богу. *Никто не можетъ служить двумъ господамъ,* говоритъ Іисусъ Христосъ: *ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ* (Мато. 6, 24): такъ и мы не можемъ угождать вмѣстѣ и Богу и суетѣ міра. Сколь ни были бы хороши дѣла наши: сколь ни были бы велики наши заслуги,—всѣ онѣ потеряны для суда божественнаго, ежели мы предварительно передавали ихъ на судъ человѣческій. Добро не поминится у Бога, если оно сдѣлано нами по человѣкоугодническимъ расчетамъ; молитва забудется на страшномъ судѣ, если мы помолились для того, чтобы насъ похвалили другіе; постъ умретъ вмѣстѣ

съ нами, если мы постились для славы людской: даже милостыня,—эта величайшая христіанская добродѣтель,—не поможетъ нашему спасенію, ежели она подана изъ того, что̀ скажутъ люди. Хорошо ли, худо ли приняты и оцѣнены міромъ добрыя дѣла наши, мы должны довольствоваться судомъ его, и намъ уже нельзя ожидать, чтобы наши похвальныя дѣла, рѣшенныя на землѣ, пережили свѣтъ и достигли праведнаго воздаянія Божія; *истинно говорю вамъ*, говоритъ о такихъ людяхъ Іисусъ Христосъ, *они уже получаютъ награду свою* (Матѳ. 6, 2). Не мы ли сами сдѣлали міръ судьей дѣлъ нашихъ? И на кого жаловаться, если мы, посѣявши горькое, горькое и пожинаемъ.

Судъ божественный неминуемо будетъ, хотя мы и признали надъ собою судъ человѣческій. Вмѣстѣ съ суетнымъ міромъ Богъ осудитъ и всѣхъ угодниковъ міра,—и судьи и подсудимые всѣ не минуютъ заслуженной участи. Итакъ, кто ищетъ славы у людей, тотъ не ожидай славы Божіей; кто дорожитъ судомъ человѣческимъ, тотъ не жди милости отъ суда божественнаго. Придетъ время, кончится міръ, а съ нимъ вмѣстѣ кончатся и всѣ его грѣховныя стихіи,—все назначенное для его суеты, все ему пожертвованное. Что̀ мы ни сдѣлали въ угодность суетному міру, все это пропадетъ, исчезнетъ,—и намъ, расточившимъ блудно таланты Творца и Спасителя, не останется ничего, кромѣ геенны. Туда будетъ ввержена всякая неправда, всякое злоупотребленіе,—все, что недостойно славнаго царствія Божія. Аминь.

55

ПОУЧЕНІЕ

о довольствѣ своимъ состояніемъ.

Будите довольни оброки вашими (Лук. 3, 14).

То есть, *довольствуйтесь своимъ жалованьемъ*. Это наставленіе сказано было св. Іоанномъ, Крестителемъ Господнимъ, пришедшимъ къ нему для назиданія воинамъ. А какъ мы христіане въ своемъ родѣ воины Царя небеснаго, подвизающіеся, по Его повелѣнію, противъ всякаго зла, то и на насъ лежитъ обязанность довольствоваться тѣмъ состояніемъ, какое опредѣлилъ каждому изъ насъ Царь небесный.

Крестьянинъ, пожалуй, первый скажетъ на это: могу ли я быть доволенъ своимъ состояніемъ? Я принадлежу къ сословію

самому низкому, обложенъ многими податями, несу различныя повинности, осужденъ на пожизненную и почти ежедневную работу и т. п. Крестьянинъ дѣйствительно принадлежитъ къ низкому сословію, платитъ подати, отбываетъ повинности, живетъ собственными трудами и т. д.; но будто онъ не можетъ довольствоваться своимъ такимъ состояніемъ,—это говоритъ въ немъ не справедливость, а зависть, съ которою и точно никому нельзя быть ни довольнымъ, ни счастливымъ.

Положимъ, что крестьянинъ принадлежитъ къ сословію, подчиненному другимъ сословіямъ; но въ этомъ нѣтъ для крестьянина никакого справедливаго повода къ жалобамъ на судьбу свою. Господство надъ людьми есть своего рода бремя, не всегда дѣлающее счастливымъ того, кто несетъ его; и подчиненіе людямъ есть своего рода облегченіе, нисколько не препятствующее нашему земному благополучію. Господствовать гораздо труднѣе и мудренѣе, нежели быть въ подчиненіи. Господство соединено съ гораздо бо́льшими обязанностями, нежели подчиненіе; а гдѣ больше обязанностей, тамъ больше и отвѣтственности: *отъ всякаго*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, съ того больше взыщутъ* (Лук. 12, 48). Управлять другими людьми есть великая забота, которая не всякому по силамъ и благоразумному человѣку мало желательна. Крестьянское сословіе менѣе всѣхъ другихъ способно къ управленію другими, потому что оно менѣе всѣхъ образовано; за то болѣе всѣхъ другихъ оно подготовлено къ иному, не менѣе нужному дѣлу, именно къ тѣлесному труду. Если бы крестьянство оставило свой тѣлесный трудъ и принялось управлять другими сословіями, то человѣческое общество разстроилось бы скоро и неминуемо, впало бы въ неизмѣримое несчастіе, и жизнь какъ другихъ сословій, такъ и самого крестьянства превратилась бы въ одно нестерпимое мученіе. Помиритесь же, братія, съ своимъ крестьянскимъ званіемъ и увѣрьтесь, что оно для васъ есть званіе самое лучшее. Въ крестьянскомъ званіи вы родились, воспитались, выросли и во всѣхъ отношеніяхъ къ нему достаточно примѣнились: только въ этомъ званіи вы можете быть благополучными,—всякое другое званіе не принесло бы вамъ ничего кромѣ однихъ несчастій. Посмотрите на многочисленное и благоустроенное семейство: всѣ заботы о благосостояніи семейства лежатъ на его старшихъ членахъ; а младшіе, подчиняясь распоряженіямъ старшихъ, не чувствуютъ никакихъ нуждъ, не знаютъ ни заботы, ни горя, и вполнѣ благоденствуютъ. Подобно тому и въ великой семьѣ цѣлаго народа старшія сословія несутъ трудъ многосложнаго управленія имъ, берегутъ жизнь и

имущество всѣхъ его членовъ, хранятъ въ немъ добрый порядокъ, исправляютъ злыхъ, поощряютъ добрыхъ, предусматриваютъ народныя нужды, распоряжаются своевременнымъ ихъ исправленіемъ и вообще заботятся о благополучіи всѣхъ и каждаго; младшимъ остается только, подчиняясь волѣ старшихъ, спокойно пользоваться плодами своихъ праведныхъ трудовъ, беззаботно наслаждаться благами жизни и благодарить Бога за свою участь.

Пожизненный и посильный трудъ опредѣленъ грѣшному роду человѣческому Самимъ Богомъ, и ради этого труда никто изъ насъ не имѣетъ права роптать на судьбу свою. Трудъ назначенъ человѣку совсѣмъ не для того, чтобы отяготить его участь, а для того, чтобы сгладить вредныя послѣдствія человѣческаго грѣха и доставить человѣку возможное благополучіе. Отъ труда зависитъ довольство нашей жизни; и чѣмъ болѣе мы трудимся, тѣмъ болѣе улучшается наше земное состояніе. Господь Богъ, желая благополучія всѣмъ людямъ, назначилъ трудиться каждому человѣку безъ различія званій и сословій, и распредѣлилъ роды труда сообразно съ способностями каждаго человѣка. И только наше завидливое око виновато, если намъ кажется, будто люди иныхъ сословій проживаютъ вовсе безъ трудовъ, или будто трудятся менѣе нашего. Трудъ иныхъ сословій не такъ, можетъ статься, видѣнъ, какъ тѣлесная крестьянская работа, но въ дѣйствительности онъ не менѣе тяжелъ и изнурителенъ: это—трудъ умственный и нравственный; съ этимъ трудомъ часто не спятъ ночей, тратятъ свое здоровье, терпятъ холодъ и голодъ, несутъ на смерть свою жизнь и т. п. Этотъ трудъ, который опредѣленъ Божіимъ Провидѣніемъ инымъ сословіямъ, отнюдь не долженъ возбуждать вашей зависти; потому что онъ какъ самъ по себѣ тяжелъ, такъ требуетъ не менѣе тяжелой и долговременной подготовки, которой крестьянское сословіе не имѣетъ. Конечно, есть люди, которые, во зло употребляя или свое обезпеченное состояніе, или людское состраданіе, или даже священное имя Іисуса Христа и т. п., проводятъ жизнь свою въ совершенной праздности, безъ всякихъ трудовъ, безъ всякой работы; такіе люди встрѣчаются какъ въ высшихъ сословіяхъ, такъ и въ крестьянствѣ. Но стóитъ ли завидовать грѣшникамъ, живущимъ не по опредѣленію Божію, а по своему злому и безразсудному хотѣнію? И за то, что эти люди не исполняютъ повелѣнія Божія трудиться, Господь Богъ посылаетъ на нихъ неотступный бичъ—скуку, которая тяжелѣе всякаго труда, всякой работы. Завидовать состоянію праздныхъ людей значитъ—желать себѣ величайшаго несчастія.

Самыя подати и различныя повинности не дѣлаютъ крестья-

нина особенно несчастнымъ и не даютъ ему справедливаго повода роптать на свое состояніе. Вѣдь вы платите подати и несете повинности для вашей же собственной пользы: за нихъ вы пользуетесь безопаспостію жизни, свободы, нравственности, чести и имущества, помощію на случай болѣзни, голода, пожара и другихъ непредвидимыхъ несчастій, неприкосновенностью вашей вѣры, поощреніемъ вашего труда и всѣми благами общественной жизни. Такимъ образомъ, подати и повинности въ сущности не отягощаютъ вашей участи на семъ свѣтѣ, а напротивъ, улучшаютъ ваше состояніе и способствуютъ вашему благополучію: стало быть, онѣ должны возбуждать въ васъ не ропотъ на свою участь, а довольство ею.

Но на свѣтѣ есть такіе бѣдняки, которымъ рѣшительно нечѣмъ исправить житейскихъ нуждъ своихъ, даже самыхъ неприхотливыхъ. Хотя Всеблагій Создатель вложилъ въ людей чувство сострадапія другъ къ другу и тѣмъ обезпечилъ существованіе на свѣтѣ самыхъ бѣднѣйшихъ людей, тѣмъ не менѣе бѣдные имѣютъ, повидимому, полное право считать себя людьми несчастными и жаловаться на судьбу свою. Бѣдному человѣку горько видѣть, что онъ нуждается въ насущномъ пропитаніи, между тѣмъ какъ рядомъ съ нимъ сосѣдъ его, такой же крестьянинъ, обложенный такими же податями и повинностями, имѣетъ во всемъ достатокъ, живетъ безъ кручины и не знаетъ, что̀ такое нужда на свѣтѣ. Однако что же собственно побуждаетъ бѣдныхъ считать себя несчастными и роптать на судьбу свою? Очевидно, зависть къ богатымъ и достаточнымъ, которая вноситъ недовольство во всякое человѣческое состояніе. И дѣйствительно, если бы бѣдные не видѣли богатыхъ; если бы они не сравнивали своего состоянія съ состояніями другихъ,—почему бы они знали, что они точно бѣдны? Ихъ нуждъ не чѣмъ исправить? Но нужда, неисправленная сегодня и завтра, уже не есть нужда; къ бѣдности также можно привыкнуть, какъ и къ богатству; безъ чего трудно обойтись достаточному человѣку, то̀ для недостаточнаго часто бываетъ излишкомъ; нужное богатому по привычкѣ—для бѣднаго безъ привычки есть уже роскошь. Слѣдовательно, нужды бѣднаго значительно сокращены противъ нуждъ богатаго; да и никогда почти наши истинныя, существенныя нужды не превышаютъ находящихся въ нашемъ распоряженіи средствъ къ ихъ исправленію. Если бы бѣдный зналъ, что и черезъ золото текутъ слезы, онъ не обольщался бы обманчивымъ блескомъ богатства, не завидовалъ бы роскошной, но скучной жизни богача, и былъ бы болѣе доволенъ своимъ состояніемъ. Да и отъ кого большею частію приходитъ къ намъ

бѣдность, какъ не отъ насъ же самихъ? Работай безъ лѣни, живи скромно и сообразно съ своимъ достаткомъ, не дѣлай безполезныхъ расходовъ, ограничь свои желанія существенно-необходимыми предметами, не предавайся пьянству, не роскошествуй въ праздники, преврати для себя масляницу въ будни и т. п.,—тогда и ты, и вся семья твоя будете сыты, обуты, одѣты, согрѣты и всѣмъ довольны. Въ противномъ случаѣ, ты будешь всегда несчастливъ самъ отъ себя, и никакое состояніе не доставитъ тебѣ довольства своею участью.

Богъ благословилъ всѣ состоянія и сословія людей, всѣмъ далъ на нужду и ни одного человѣка не обидѣлъ противъ другаго. Всякія неравенства между людьми суть только кажущіяся, а не дѣйствительныя; всѣ они изчезаютъ передъ попечительною любовію Отца небеснаго. Всѣ люди одинаково родятся, живутъ, бываютъ здоровы и больны и умираютъ. Какъ радости, такъ и горести бываютъ во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ. Участь каждаго человѣка премудрый Богъ расположилъ правильно и соразмѣрно; и если она иному человѣку тяжела, то по его же собственной винѣ. Богъ даровалъ каждому человѣку безсмертную душу, чтобы она въ союзѣ съ Богомъ вѣчно блаженствовала, и въ распредѣленіи этого дара не различилъ въ насъ ни крестьянина, ни купца, ни чиновника, ни богатаго, ни бѣднаго; всѣмъ намъ онъ вложилъ сердце, чтобы мы любили; даровалъ умъ, чтобы мы стремились къ истинѣ; открылъ Свою благую волю, чтобы мы, исполняя ее, были благополучными. Кровь Спасителя міра пролита за всѣхъ людей безъ различія ни ихъ происхожденій, ни ихъ званій, ни ихъ состояній, и всѣмъ намъ, по мѣрѣ вѣры и любви каждаго, назначено вѣчное наслѣдіе въ царствѣ небесномъ. Для большей наглядности можно указать на сей святый храмъ: сюда входятъ всѣ желающіе молиться, и Богъ внимаетъ всѣмъ молящимся, какъ стоящимъ впереди, такъ и стоящимъ назади; св. Тайны Тѣла и Крови Христовыхъ предлагаются всѣмъ и освѣщаютъ въ равной степени какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ. *Нѣтъ лицепріятія у Бога*, сказано въ Свящ. Писаніи (Рим. 2, 11). Если же въ распредѣленіи важнѣйшихъ даровъ Творца и Спасителя не сдѣлано между нами никакихъ различій и никакихъ предпочтеній, —всѣ различія наши въ иныхъ отношеніяхъ слишкомъ ничтожны, чтобы ими возмущаться и изъ-за нихъ роптать на свою участь.

Жизнь человѣческая на землѣ исполнена лишеній, скорбей и различныхъ бѣдствій, отъ которыхъ не изъято никакое сословіе и никакое состояніе. Отвратить отъ себя бѣдствія не въ нашей власти, потому что ихъ посылаетъ на насъ Самъ Богъ, Отецъ

нашъ небесный, для нашего испытанія, вразумленія, очищенія отъ грѣховъ и вообще для нашей существенной пользы; за то въ нашей полной власти тревожиться этими бѣдствіями, или перепосить ихъ съ душевнымъ спокойствіемъ. Люди самолюбивые, малодушные, которые дорожатъ только земнымъ, не стремясь къ небесному; живутъ однимъ настоящимъ и временнымъ, не заботясь о будущемъ и вѣчномъ, ввѣряютъ судьбу свою превратностямъ любимаго ими міра, а не попеченію Всемогущаго Отца небеснаго,—эти люди чувствуютъ себя несчастнѣйшими при малѣйшемъ бѣдствіи; горюютъ, убиваются и клянутъ свою судьбу при самой малѣйшей неудачѣ. При излишней своей чувствительности и мнительности, они часто созидаютъ себѣ несчастіе почти изъ ничего, а такимъ образомъ сами отягощаютъ свою даже сравнительно хорошую участь и сами себя дѣлаютъ несчастными. Не таковы тѣ люди, которые возложили всѣ свои упованія на Отца небеснаго и ввѣрили судьбу свою Его святой волѣ. Потеря имущества для нихъ мало чувствительна, потому что они не привязали къ имуществу своего сердца; самая крайняя бѣдность для нихъ сносна, потому что они всегда обезпечены надеждою на промыслъ Божій; самыя болѣзненныя страданія не возбуждаютъ въ нихъ ропота, потому что они предвидятъ страданіямъ своимъ вѣрный конецъ и утѣшаются ожиданіемъ безболѣзненной жизни въ будущемъ вѣкѣ. Они всегда довольствуются своею участью, какова бы она ни была, такъ какъ они твердо увѣрены, что подъ управленіемъ Божіимъ все для нихъ клонится къ лучшему. Таковъ былъ извѣстный ветхозавѣтный праведникъ Іовъ. Потерявъ въ одинъ день все свое богатое имущество и всѣхъ своихъ дѣтей, вмѣсто обыкновеннаго малодушнаго ропота, онъ произнесъ только: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господу изволися, тако бысть; буди имя Господне благословено.* Потомъ, пораженный лютымъ гноемъ и лежа на гноищи внѣ града, этотъ праведникъ произнесъ только: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ?* (Іов. 1, 21; 2, 10).

Недовольство своимъ состояніемъ ничего больше не показываетъ въ насъ, какъ только любовь къ корысти, привязанность къ земному и отвращеніе отъ небеснаго. Кто ищетъ царства небеснаго, тотъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не скажетъ: мало! Онъ не скажетъ этого потому, что ему дѣйствительно довольно того, что имѣетъ; а если бы было и недовольно, онъ охотно терпитъ недостатки для Бога. Но кто упустилъ изъ виду царство небесное, того ничѣмъ нельзя насытить. Будь житницы его полны хлѣба, онъ не восхвалитъ Бога; возведи его въ высшее званіе,

осыпь его деньгами,—онъ, привыкнувъ къ новому роду жизни, не замедлитъ сказать: мало! Стало быть, человѣкъ не оттого ничѣмъ не доволенъ, что напр. бѣденъ, а оттого, что не имѣетъ *единаго на потребу* (Лук. 10, 42); оттого, что на душѣ-то у него нѣтъ самаго нужнаго—добродѣтелей, самаго необходимаго—Бога. Аминь.

56

ПОУЧЕНІЕ

О МОЛИТВѢ.

Непрестанно молитеся (Солун. 5, 18).

Непрестанно молиться! Да это, кажется, вовсе не по нашимъ силамъ. Если въ самомъ дѣлѣ молиться непрестанно, такъ когда-же работать? когда исправлять свои житейскія нужды, которыхъ въ жизни такъ много? когда заняться разными дѣлами, которыхъ, повидимому, вѣкъ не кончишь? когда отдохнуть и попраздновать?

Да, настолько непрестанно молиться, но и изрѣдка молиться тягостно тому, кто не находитъ въ молитвѣ никакой пріятности. Ногамъ нашимъ какъ-то тяжело стоять на молитвѣ; руки скучаютъ творить крестное знаменіе; тѣло скоро устаетъ отъ поклоновъ; языкъ лѣниво выговариваетъ молитвенныя слова; глаза только разбираютъ видъ иконы, или замѣчаютъ за свѣчей, или смотрятъ по сторонамъ, а вниманіе мечется по мірскимъ предметамъ. Человѣкъ стоитъ передъ св. иконой, какъ невольникъ; его самопринужденная молитва есть какъ-бы какое наказаніе. Иной скорѣе согласенъ провести цѣлый день на работѣ, нежели одинъ часъ помолиться Богу. Если же, при такомъ нерасположеніи къ молитвѣ, *мы все-таки молимся*, такъ *молимся не столько изъ усердія* къ Богу, сколько за обычай,—стало быть, молимся кое-какъ; а такая молитва, братія, не есть совершенная и богопріятная молитва.

И точно, какъ молитвѣ не быть трудной и скучной для того, кто не чувствуетъ къ Богу надлежащей любви? Но кто любитъ Бога такъ, какъ слѣдуетъ любить своего Творца и Спасителя, т. е. кто любитъ Его отъ полнаго сердца и отъ всей души, тотъ находитъ въ молитвѣ много пріятнаго и привлекательнаго: для того молитва не можетъ быть трудною и скучною; тотъ не откажется отъ молитвы даже и тогда, когда потребовалась бы отъ

него молитва именно непрестанная. Отчего напр., мы не чувствуемъ никакой скуки въ разговорѣ съ такимъ человѣкомъ, который намъ нравится? Именно оттого, что онъ намъ нравится. Оттого же намъ не было бы скучно и молиться Богу, если бы мы Его любили; вѣдь молитва есть бесѣда наша съ Богомъ. Да, если бы мы истинно любили Бога отъ всего сердца и отъ всей души,—повѣрьте, насъ не одолѣвала бы на молитвѣ эта тягость, которую мы обыкновенно въ себѣ чувствуемъ во время молитвы. Кто истинно расположенъ къ Богу душой и сердцемъ, тотъ радъ молиться Богу и непрестанно; для того радостно повергнуться передъ св. иконой; лобызая ее устами, душой лобызать Самого Бога, всячески свидѣтельствовать предъ Нимъ свою любовь, плакать предъ Нимъ о своихъ грѣхахъ, сказывать Ему свои нужды, повѣрять Ему свои скорби, просить у Него помощи,—и Богъ съ Своей стороны никогда не замедляетъ отвѣчать человѣку на такую молитву сладостными чувствами въ сердцѣ и безмятежнымъ спокойствіемъ въ душѣ.

Итакъ, даже и непрестанная молитва совсѣмъ не такова, чтобы быть человѣку не посиламъ, непосильнаго Богъ никогда отъ насъ и не требуетъ. Но ты опять напомнишь о работѣ, объ исправленіи нуждъ, о занятіи дѣлами, объ отдыхѣ. Чтоже изъ этого? Тебѣ говорятъ только: непрестанно молись, а не запрещаютъ работать, исправлять житейскія нужды, отдыхать и праздновать. Работай, хлопочи, занимайся, трудись и отдыхай, сколько хочешь, и вмѣстѣ съ тѣмъ молись. Молись,—и все дѣлай; все дѣлай,—и молись. Св. угодники Божіи, какъ видно изъ ихъ житій, непрестанно молились, и не выпускали изъ рукъ своихъ рукодѣлья. Молитва не помѣха твоимъ дѣламъ, и твои дѣла не помѣха молитвѣ. Молись и стоя, и ходя, и сидя, и лежа; молись и дома за работой, и на дворѣ при уходѣ за скотомъ, и въ полѣ за сохой, и въ дорогѣ, и въ путешествіяхъ; молитесь всегда, вездѣ и при всѣхъ случаяхъ. Нѣтъ при тебѣ иконы,—молись прямо Тому, Кто на ней написанъ; руки твои заняты и тебѣ нельзя креститься,—держи крестъ въ умѣ, распятаго Господа изображай на сердцѣ; тебѣ нельзя кланяться,—преклоняй предъ Богомъ свою душу, принеси Ему покорность сердечную. Если бы случилось такъ, что тебѣ даже нельзя проговорить молитву,—молись Богу умомъ и сердцемъ. Гдѣ бы ты ни былъ, что бы ты ни дѣлалъ, Богъ все съ тобой. Конечно, ты не видишь Его невидимаго, зато Онъ видитъ тебя, слышитъ и вѣрнѣе твоего знаетъ, что у тебя на душѣ и на сердцѣ. Такимъ образомъ, если ты лишенъ удовольствія поставить свѣчу къ иконѣ, стать передъ ней,

креститься, клапяться и читать молитву, молись Богу умомъ и сердцемъ. И будь увѣренъ при этомъ, что и такая молитва твоя дойдетъ къ Богу; что она нисколько не хуже той молитвы, когда ты поставишь свѣчу къ иконѣ, станешь передъ ней, будешь креститься, кланяться и читать тѣ или другія молитвы. Богъ и одно доброе произволеніе наше принимаетъ за самое дѣло; передъ Нимъ и вздохъ нашъ уже молитва, и слеза наша передъ Нимъ уже покаяніе. Только то одно Онъ и цѣнитъ въ насъ, какъ мы Его любимъ. А если мы непрестанно и неизмѣнно любимъ Бога, то ужь непремѣнно Ему непрестанно молимся, непрестанно предъ Нимъ каемся, непрестанно Ему угодны и любезны; потому что въ любви заключается все: и молитва, и покаяніе, и угожденіе Богу, и все наше спасеніе.

Когда молитесь, братія, тогда не затрудняйтесь въ томъ, какую бы молитву вамъ лучше прочитать предъ Богомъ. Тѣ много ошибаются, которые говорятъ: такая-то молитва скорѣе доходитъ къ Богу, эта отгоняетъ бѣсовъ, эта хранитъ отъ бѣдъ, а эта спасаетъ душу. Многіе христіане, особенно изъ простаго народа, словамъ иной молитвы приписываютъ какую то какъ будто очаровательную силу, хотятъ ими привлечь къ себѣ милость Божію будто насильно, и безъ должнаго покаянія, съ порочнымъ поведеніемъ надѣются войти въ рай только за то, что знаютъ и читаютъ такія то молитвы. Это совершенное заблужденіе и, къ несчастію, самое жалкое и самое вредное. Отъ имени Бога, вотъ здѣсь, предъ св. Его престоломъ, объявляю вамъ, братія, что всѣ молитвы равны предъ Богомъ; какую бы ты ни прочиталъ предъ Нимъ, если прочиталъ съ усердіемъ и вѣрою, ты все будешь услышанъ Богомъ, душу свою спасешь, отъ бѣдъ избавишься, бѣсовъ отгонишь, даже можешь и чудо сотворить. Ты неграмотный, не знаешь многихъ молитвъ наизустъ, дѣлать нечего, будь доволенъ двумя или тремя изъ тѣхъ, какія знаешь. Впрочемъ каждый христіанинъ непремѣнно долженъ знать молитву: *Отче нашъ*, да такъ знать, чтобы понимать ее; иначе чтеніе ея было бы дѣломъ безполезнымъ. Этой молитвѣ научилъ апостоловъ, а черезъ нихъ и всѣхъ насъ, Самъ Іисусъ Христосъ; въ ней содержится вкратцѣ все, о чемъ мы можемъ и должны просить Бога: и всѣ молитвы, какія ни находятся въ употребленіи у православныхъ христіанъ, заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе распространенное содержаніе молитвы: *Отче нашъ*. Изъ молитвъ выбирай для чтенія особенно ту, которая для тебя понятна, которая согласнѣе съ тѣмъ, о чемъ тебѣ нужно просить Бога, и которая приводитъ тебя въ умиленіе. Въ церкви, однако, участвуй во всѣхъ молитвахъ безъ исключе-

нія; потому что быть не можетъ, чтобы опѣ не были понятны и трогательны кому либо изъ молящихся. Если ты такъ нерадивъ, что не знаешь наизустъ рѣшительно ни одной молитвы, и въ такомъ случаѣ ты не долженъ уклоняться отъ молитвы. На молитвѣ передъ Богомъ ты можешь и долженъ говорить такъ, какъ сказываютъ тебѣ душа и сердце. Когда ты хочешь ѣсть, тогда не говоришь: дайте мнѣ пить, а говоришь: дайте мнѣ ѣсть. Вотъ ты умѣешь сказывать людямъ свои тѣлесныя нужды: не говори же, что не умѣешь молиться, т. е. сказывать Богу свои нужды тѣлесныя и душевныя. Я не умѣю молиться,—слова ужасныя; они значатъ: я не умѣю любить Бога. Богъ добрѣе людей: стало быть, и упросить Его проще и скорѣе, чѣмъ упросить человѣка. Самъ Господь запретилъ намъ затрудняться въ словахъ, когда мы Ему молимся; Онъ сказалъ: *молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что во многоглаголаніи своемъ будутъ услышаны* (Матѳ. 6, 7). Такимъ образомъ, если ты каешься Богу въ грѣхахъ, то довольно для тебя проговорить на молитвѣ слѣдующія слова: Господи, прости мнѣ этотъ и этотъ грѣхъ! Если ты въ бѣдѣ, то можешь помолиться Богу только такими словами: Господи, избавь меня отъ этой бѣды! защити меня отъ такой-то напасти! пошли мнѣ насущнаго хлѣба и т. п! Вообще говори предъ Богомъ такъ, какъ умѣешь и какъ чувствуешь. Если ужь люди не требуютъ отъ тебя словъ мудреныхъ,—повинитъ ли тебя за простыя слова Богъ, Который именно простоту-то нашу и любитъ?

Итакъ, братія, не будемъ ужасаться и непрестанной молитвы. Будемъ только помнить, что надобно любить Бога; а при любви къ Богу молитва очень проста, легка и пріятна. Если мы будемъ истинно любить Бога, наши мысли будутъ возноситься къ Нему сами собою, и наше сердце будетъ вопіять къ Нему безъ всякаго принужденія. А главное дѣло, дай Богъ, чтобы мы никогда не говорили и не думали: я не умѣю молиться. Аминь.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
1.	Поученіе въ день новаго года	3.
2.	— — въ 32 недѣлю по Пятдесятницѣ . . .	6.
3.	— — въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ . . .	10.
4.	— — въ недѣлю о блудномъ сынѣ . . .	14.
5.	— — въ недѣлю мясопустную	20.
6.	— — въ недѣлю сыропустную	23.
7.	— — въ 1-ю недѣлю великаго поста . . .	27.
8.	— — во 2-ю недѣлю — — — . . .	32.
9.	— — въ 3-ю недѣлю — — — . . .	35.
10.	— — въ 4-ю недѣлю — — — . . .	38.
11.	— — въ 5-ю недѣлю — — — . . .	41.
12.	— — въ ту же недѣлю — — — . . .	44.
13.	— — въ недѣлю цвѣтопосную	48.
14.	— — въ великій четвертокъ	50.
15.	— — въ первый день Пасхи	52.
16.	— — въ тотъ же день	55.
17.	— — въ недѣлю о Θомѣ.	57.
18.	— — въ недѣлю о мvроносицахъ. . . .	59.
19.	— — въ недѣлю о разслабленномъ. . . .	63.
20.	— — въ недѣлю о Самарянынѣ	67.
21.	— — въ недѣлю о слѣпомъ.	74.
22.	— — въ день вознесенія Господня . . .	76.
23.	— — въ недѣлю св. отецъ	79.
24.	— — въ недѣлю всѣхъ святыхъ	83.
25.	— — въ 3-ю недѣлю по Пятдесятницѣ . .	86.
26.	— — въ 4-ю недѣлю — — — . . .	90.
27.	— — въ 5-ю недѣлю — — — . . .	93.
28.	— — въ 6-ю недѣлю — — — . . .	97.
29.	— — въ 7-ю недѣлю — — — . . .	100.
30.	— — въ 8-ю недѣлю — — — . . .	103.
31.	— — въ 9-ю недѣлю — — — . . .	105
32.	— — въ 11-ю недѣлю — — — . . .	107
33.	— — въ ту же недѣлю — — — . . .	109.
34.	— — въ 12-ю недѣлю — — — . . .	113.
35.	— — въ 14-ю недѣлю — — — . . .	117.
36.	— — въ 16-ю недѣлю — — — . . .	120.

Стран.

37. Поученіе въ 19-ю недѣлю по Пятдесятницѣ . . 122.
38. — — въ ту же недѣлю — — — . . 125.
39. — — въ 21-ю недѣлю — — — . . 128.
40. — — въ ту же недѣлю — — — . . 131.
41. — — въ 23-ю недѣлю — — — . . 134.
42. — — въ 28-ю недѣлю — — — . . 137.
43. — — въ 30-ю недѣлю — — — . . 141.
44. — — въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. 144.
45. — — въ день Преображенія Господня . . . 147.
46. — — въ день успенія Пресвятыя Богородицы . 150.
47. — — въ 16-й день августа. . . . . 153.
48. — — въ день Рождества Христова . . . 156.
49. — — о грамотности . . . . . 158.
50. — — о привитіи оспы . . . . . 161.
51. — — о божбѣ . . . . . 166.
52. — — о кражѣ . . . . . 170.
53. — — о пьянствѣ . . . . . 172.
54. — — о человѣкоугодіи . . . . . 174.
55. — — о довольствѣ своимъ состояніемъ. . . 177.
56. — — о молитвѣ. . . . . 183.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. А. КРАСОВСКАГО,

ВЪ Г. ВЯТКѢ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ, общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи, толкованіи и исполненіи договоровъ, и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Сост. мир. судья Вл. И. Ф—ій. Сочиненіе это, представляя собраніе законовъ о граждан. сдѣлкахъ, извлеченное изъ разныхъ томовъ св. законовъ и снабженное объясненіями, сдѣланными по рѣшеніямъ гражд. кассаціоннаго департамента правит. сената, имѣетъ цѣлью указать, какъ должно вести денежныя дѣла, чтобъ предупреждать судебные процессы и не раззориться на адвокатовъ «Журналъ гражд. и торгов. права» рекомендуетъ эту книгу судьямъ, ходатаямъ и коммерческимъ людямъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Книжка для присяжныхъ засѣдателей. О судѣ присяжныхъ. Сост. Вл. И. Ф—ій. Ц. 10 к.

Книжка для земскихъ гласныхъ. О земскихъ учрежденіяхъ. Сост. Вл. И. Ф—ій. Ц. 10 к.

Книжка о мировомъ судѣ. Сост. Вл. И. Ф—ій. Ц. 10 к.

Книжка для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. О хозяйственномъ управленіи крестьянъ. Сост. Вл. И. Ф—ій. Ц. 10 к.

Книжка для волостныхъ судей. О волостномъ судѣ. Сост. Вл. И. Ф—ій. Ц. 10 к.

На пересылку 5 книжекъ прилагается, какъ за 1 ф.

Школьная діэтетика. Изложилъ по докт. Кленке **Фармаковскій.** 3-е допол. изд. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. Въ книгѣ содержатся практическія наставленія врача-педагога о томъ, какъ предохранять дѣтей отъ тѣлеснаго изнуренія вслѣдствіе учебныхъ занятій. Мин. народ. просвѣщенія рекомендовало эту книгу родителямъ и воспитателямъ. «Это дѣльная книга, заслуживающая быть настольной книгой всякаго учителя» (Отзывъ журнала «Народная Школа», 1873 г., № 11).

Грамота, Н. Блинова. Ц. 4 к. сотня 4 р. съ пер. Въ обязательномъ для народныхъ школъ каталогѣ, изданномъ по распоряженію мин. нар. просв. Грамота Блинова указана, какъ лучшій букварь для обученія въ школахъ грамотѣ.

Краткая Свящ. Исторія, съ указаніями, руководствующими къ изученію библейскихъ событій по книгамъ Св. Писанія, съ рисунками, картами и планами. Соч. протоіерея Н. Попова. 6-е изданіе, приноровленное къ новой гимназической программѣ. *Ветхій Завѣтъ*. Цѣна 40 к. *Новый Завѣтъ*. Цѣна 40 коп. Съ пер. обѣ книги 1 руб.

Краткіе разсказы изъ священной и церковной исторій для дѣтей младшаго возраста. Сост. прот. Н. Поповъ. Цѣна 30 коп., съ пер. 40 к.

Картинки и карты къ Свящ. Исторіи. Альбомъ, изд. Н. Поповымъ. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

Житія св. женъ въ пустыняхъ востока. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Книга эта въ послѣднее время рекомендована мин. нар. просвѣщенія для народныхъ школъ.

Записки по классу Закона Божія, прот. В. Владиславлева. 4-е изд. Цѣна 75 коп., съ пер. 1 р.

Толкованіе на псалмы, Палладія, еписк. Саранульскаго. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к.—Толкованіе на св. пророковъ Осію и Іоиля. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.; на Амоса и Авдія. Ц. 60 к. съ пер. 75 к.

Палестина и Аѳонъ. Письма святогорца Серафима. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Собраніе словъ В. Орлова. 2-е допол. изд. Цѣна 1 р. съ пер. Проповѣди Орлова рекомендованы св. Сунодомъ, какъ образецъ для воспитанниковъ семинарій въ составл. проповѣдей.

Исторія открытія Америки, Ламе-Флёри. Съ краткимъ словотолкованіемъ. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. Причина, побудившая взяться за переводъ этой книги, состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ нашей дѣтской литературѣ до сихъ поръ не было ни одного сколько-нибудь полнаго и законченнаго разсказа по исторіи открытія Новаго Свѣта.

Единство физическихъ силъ, А Секки. Съ 56 рис. Перевелъ Ф. Павленковъ. Приложены двѣ лекціи: Соотношеніе между физическими и жизненными силами, А Баркера, и Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ Д. Тиндалля. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пер. 3 р.

При выпискѣ нѣсколькихъ книгъ за пересылку платится съ общаго вѣса; иногородн. и учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 1 РУБ. 25 КОП.

Продается у автора, адресъ коего: въ г. Василь, Нижегор. губ., въ село Монастырскій Ватрасъ.

У того же автора можно получать «СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ СОБРАНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ПОУЧЕНІЙ О ВѢРѢ И ЖИЗНИ ХРИСТІАНСКОЙ». Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

При одновременномъ требованіи тѣхъ или другихъ поученій въ количествѣ 10 и болѣе экземпляровъ дѣлается уступка 10%.

2005004551